

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 1992–2012 годы

В 2 томах
Том 1

Учебное пособие

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Ю. А. Зуляра

УДК 9(571.53)(075.8)
ББК Т3(2Р-4Ир)(7я73)
С56

Печатается по решению научно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Авторский коллектив:

- С. М. Алексеев, канд. ист. наук (§ 2 гл. 5)
Л. А. Безруков, д-р геогр. наук (гл. 2)
О. Л. Воронин (§ 3 гл. 1)
А. В. Гимельштейн, канд. ист. наук (§ 2 гл. 1)
К. В. Григоричев, канд. ист. наук (гл. 4)
Ю. А. Зуляра, д-р ист. наук (гл. 3)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук (§ 1 гл. 5)
Д. В. Козлов, канд. ист. наук (§ 3 гл. 1)
И. В. Олейников, канд. ист. наук (гл. 6)
А. В. Петров, канд. полит. наук (§ 1, § 2 гл. 1)

Рецензенты:

- А. В. Шалак, д-р ист. наук, проф.
Ю. А. Петрушин, д-р ист. наук, проф.

С56

Современная история Иркутской области: 1992–2012
годы : в 2 т. : учеб. пособие / [С. М. Алексеев [и др.]] ; под
ред. Ю. А. Зуляра. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – Т. 1. –
279 с.

ISBN 978-5-9624-0700-5

ISBN 978-5-9624-0701-2 (т. 1)

Книга знакомит читателя с содержанием социально-политического процесса и экономических трансформаций, произошедших в Иркутской области в 1992–2012 гг. В ходе произведенного анализа авторы раскрывают структуру политической власти, политической культуры и политического сознания населения региона. В пособии показаны процессы, происходившие в экономике, науке, культуре и демографии региона.

Пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации.

Книга адресована студентам вузов, изучающим социально-гуманитарные дисциплины, и, прежде всего, историю. Она может быть полезна людям, профессионально занимающимся политической деятельностью, явлениями, тенденциями и закономерностями современного политического процесса, а также интересующимся историей родного края.

УДК 9(571.53)(075.8)
ББК Т3(2Р-4Ир)(7я73)

ISBN 978-5-9624-0700-5
ISBN 978-5-9624-0701-2 (т. 1)

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА	6
§ 1. Формирование новой политической системы (<i>А. В. Петров</i>)	6
§ 2. Институциональные изменения (<i>А. В. Петров, А. В. Гимельштейн</i>) ...	21
§ 3. Процессы формирования гражданского общества (<i>О. Л. Воронин, Д. В. Козлов</i>)	41
Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ (<i>Л. А. Безруков</i>)	69
§ 1. Этапы и итоги становления рыночной экономики	69
§ 2. Структурные изменения в основных отраслях и видах деятельности	92
§ 3. Внутрирегиональные социально-экономические контрасты	109
Глава 3. АГРАРНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА (<i>Ю. А. Зуляр</i>)	120
§ 1. Состояние и проблемы агропромышленного комплекса Приангарья	120
§ 2. Экологические проблемы региона	147
Глава 4. НАСЕЛЕНИЕ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (<i>К. В. Григоричев</i>)	170
§ 1. Динамика численности, размещения и половозрастная структура населения	171
§ 2. Рождаемость и смертность. Естественный прирост и миграция населения	183
Глава 5. АКАДЕМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ОБЛАСТИ	202
§ 1. Академическая наука в 1990-е – начало 2000-х гг. (<i>В. Н. Казарин</i>)	202
§ 2. Культурная жизнь региона (<i>С. М. Алексеев</i>)	223
Глава 6. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНА (<i>И. В. Олейников</i>)	257

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие является пилотным изданием, вводящим в образовательное пространство высшей школы результаты исследовательского проекта, изучения постсоветской и современной истории Предбайкалья. В нем рассмотрены события, произошедшие в регионе в течение двадцати лет, прошедших после революционных трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Из широкого комплекса исследуемых проблем в этом пособии показаны наиболее значимые, магистральные и определяющие процессы. К ним относятся вопросы формирования новой системы политических отношений, элементов гражданского общества, развития региональной экономики и экологические проблемы. К ключевым темам также относятся демографические проблемы, вопросы состояния академической науки и культурного пространства, особенности международного сотрудничества региона.

Среди авторов издания специалисты различных отраслей социально-гуманитарного знания: историки, социологи, политологи, географы, демографы, представители органов власти и средств массовой информации. Это позволило придать пособию междисциплинарный характер. Авторский коллектив характеризует глубокое знание рассматриваемых проблем. Большинство исследователей занимаются разработкой рассматриваемых проблем с начала означенного периода. Более того, практически все авторы являются свидетелями описываемых событий, они принимали в них непосредственное участие, организуют и направляют некоторые процессы в настоящее время.

Изложенный в пособии материал в значительной степени представляет собой оперативные сведения о процессах, еще не прошедших значимые стадии своего развития и осмысления научным сообществом. Власть и общество страны и региона находятся в состоянии и процессе выбора оптимальной модели регионального развития. Некоторые явления находятся в точке бифуркации и могут в ближайший период изменить направления своего движения или остаться нереализованной тенденцией. Авторы сознательно пошли на такой риск ради обеспечения вузовского учебного процесса самыми последними данными. Большое количество событий, происходивших в регионе в рассматриваемый период и описываемых в пособии, еще не получили освещения в

научной литературе, и авторы являются их первыми официальными исследователями и комментаторами.

Учебное пособие снабжено справочно-методическим аппаратом. В конце тематических разделов помещен список литературы, использованной авторами. Он позволяет читателю, при желании, получить более подробную информацию или уточнить детали или подходы, имеющиеся в источнике. Исходя из оперативности описываемых событий, авторы активно используют данные, имеющиеся в средствах массовой информации, в том числе, в сети Интернет.

Для облегчения понимания изложенного материала в конце параграфов и глав предложены вопросы для самоконтроля. Они помогают читателю выделить ключевые проблемы, понять логику изложения, проверить глубину и спектр своих представлений по рассмотренной проблеме.

Данное пособие издается в двух томах, такая схема позволила ускорить приход книги к читателю и повысить качество подготовленных материалов. Авторский коллектив выражает надежду на то, что предлагаемое издание будет полезно и любопытно для читателя, также являющегося современником описанных событий. Следовательно, можно сопоставить свои оценки с предложенными авторами и либо скорректировать свои представления, либо укрепиться в них. Авторы, в свою очередь, рассчитывают на конструктивные замечания и предложения, которые будут учтены при подготовке второго тома и последующих изданий пособия.

*Доктор исторических наук, профессор
Ю. А. Зуляр*

§ 1. Формирование новой политической системы

Политико-административная структура Иркутской области к середине 80-х гг. являлась частью общей системы в стране, при которой реальная власть находилась в руках партийного аппарата. Советские органы лишь реализовывали решения, принимавшиеся на уровне партийного руководства страны и области. Партийное руководство Иркутской области предпринимало действия в русле общей линии руководства КПСС.

Многие лидеры областных партийных организаций в большей степени зависели от хозяйственной номенклатуры, нежели от партийной. Именно у хозяйственников были финансы, материальные и людские ресурсы. Не случайно постановления Иркутского обкома часто принимались с указаниями финансирования со стороны ведомств [14]. Партийный аппарат вместо осуществления контроля стал посредником между ведомствами и регионами. Региональные лидеры, ощущая нехватку распределяемых ресурсов, выходили на прямые взаимоотношения с другими областями по оказанию помощи в снабжении продовольствием и товарами народного потребления. Как отмечают исследователи, принятие решений в Центре, обязательность их исполнения зачастую приводили к игнорированию региональных особенностей (природно-климатических, социальных, особенностей экономического развития), а слабое понимание региональных особенностей, некомпетентное планирование, игнорирование мнений науки и хозяйственных кадров вели к проблемам в экономике и социальной сфере региона.

Процессы развития советского общества оставались настолько неэффективными, что руководство партии и страны было вынуждено принять более решительные действия в области реформирования органов государственной власти. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС был взят курс на перестройку.

В первое время (1985 – начало 1988 г.) перестройка рассматривалась лишь как преобразования в социально-экономической сфере. Но в январе 1987 г. Пленум ЦК КПСС принял решение о проведении и политической реформы в стране. В своем докладе Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев заявил о необходимости превращения КПСС из государственной структуры в реальную политическую партию, изменения функции и роли советов, которые должны были стать подлинными органами власти на своей территории, развития самоуправления начала в их деятельности, укрепления материальной базы. Реформирование советской политической системы осуществлялось форсированными темпами и объяснялось конъюнктурой момента, поэтому отличалось противоречивостью и иногда поверхностным подходом. Но реализация реформ, начавшаяся с привлечения населения к обсуждению отчета облисполкома, показала, что закон открывал возможности, но не гарантировал всестороннего рассмотрения предложений и замечаний граждан, воплощения в государственных решениях.

Принятые законы о собственности, самоуправлении и местном хозяйстве, аренде и арендных отношениях создали предпосылки для формирования новых отношений, но выполнение местными советами поставленных задач затруднялось отсутствием механизмов, дающих им реальную власть. Большая часть предприятий области находилась в союзном и республиканском подчинении, поэтому решения об их реформировании принимались в Москве.

Приход к власти М. С. Горбачева нарушил до того времени незыблемые законы функционирования советской элиты. Со времен Н. С. Хрущева серьезных кадровых чисток в ней не производилось, и любая перестановка воспринималась крайне тяжело. Горбачев осуществил массовую смену партийного руководства на местах. Этим кадровым маневром были ослаблены позиции подавляющего большинства могущественных ранее руководителей. Беспрецедентным стал 1989 г., когда на апрельском Пленуме ЦК КПСС 74 члена и 24 кандидата в члены ЦК были отправлены в отставку. Многие представители элиты не смогли избраться в народные депутаты СССР. После первого Съезда народных депутатов СССР стало ясно, что советы уже не будут играть второстепенную роль.

Политическая реформа, осуществленная Горбачевым, привела к краху советской номенклатуры. Выборы вывели на поли-

тическую арену новых лидеров, причем их формирование происходило вне карьерной лестницы КПСС [13, с. 5]. Новая элита получила новые привилегии через создание предприятий, льготное кредитование, операции с недвижимостью, свободное обналичивание денег, приватизацию распределительной системы и предприятий. Впоследствии из государственных трестов стали создаваться частные холдинги и корпорации, во главе которых оказывались люди, близкие к государственной и партийной власти. Это породило формирование двух ветвей новой российской элиты: принадлежность к первой по-прежнему определялась должностью и статусом в политической власти, вторую же составляли люди, чье влияние основывалось на контроле капиталов.

Звездным часом для хозяйственных руководителей стали 1987–1988 гг., когда вышел ряд законодательных актов, дающих промышленным предприятиям и строительным организациям свободу в принятии решений. Страна узнала о трех «С»: самостоятельность, самофинансирование, самоуправление.

С 1988 г. разворачивается новая инициатива – выборы директоров. Так, генеральный директор ТПО «Востоксибстрой» И. Т. Смолянин проиграл своему первому заместителю Ю. Г. Кoryтову, который использовал еще малоизвестные populistские лозунги и жесткую критику своего непосредственного начальника [3, с. 3].

Несмотря на то, что на первом этапе приватизации хозяйственные руководители, топ-менеджмент предприятий имели фору в виде контрольного пакета акций, воспользоваться ей смогли далеко не все. Однако нельзя не признать, что крупные предприятия дали региону сильных партийных и государственных руководителей, таких как Ю. А. Ножиков, В. А. Яковенко, В. Е. Межевич, В. М. Боровский, В. К. Круглов и др.

После выхода Постановления ЦК КПСС «О первоочередных мерах, связанных с организацией выполнения январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС “О перестройке и кадровой политике”» резко усилилась критика и самокритика партийных органов в области и на местах.

В ноябре 1988 г. вместо назначенного послом СССР в Монголию В. И. Ситникова первым секретарем Иркутского обкома КПСС был избран В. И. Потапов. Это было время добровольного выхода коммунистов из партии: только в 1988 г. партийные билеты сдали 336 чел. [17, с. 142]. Массовый отток рабочих из партии

способствовал дальнейшей изоляции рабочего класса как субъекта политической жизни страны. Партийные организации опытно-механического, деревообрабатывающего заводов г. Иркутска, заводов авторемонтного, монтажных заготовок г. Ангарска, предприятий «Востокспецэнерго», «Востоксибавтоматика» г. Братска после XXVIII съезда КПСС не приняли в партию ни одного человека, за что Иркутская областная партийная организация подвергалась критике со стороны ЦК КПСС. Всего в 1989 г. в Иркутской области было исключено из КПСС 1492 коммуниста. По сравнению с 1988 г. численность коммунистов, исключенных из партии, возросла на 77 %, а выбывших по параграфу 8 Устава (партийные организации в советской армии) – на 174 %. Среди исключенных и выбывших по сравнению с 1988 г. в 2 раза возросло число рабочих. Всего же выход из партии за год возрос в пять раз [7, л. 31–32]. Иркутская областная партийная организация сократилась на 3816 чел., или на 2,7 % (до этого среднегодовой прирост составлял 1,4 %). По данным социологических исследований, чаще всего выход из партии означал отход человека от активной политической жизни: 68 % не собирались состоять ни в какой партии, лишь 2 % стали членами других партий и 3 % собирались это сделать [1, с. 163].

События в стране и области заставили начать широкую внутрипартийную дискуссию. Несмотря на то, что партийные платформы пытались приспособить к изменившимся реалиям политической жизни, во многих из них признавались неформальные движения; разрабатывались сценарии развития, включая введение многопартийности, они принимались с опозданием. Часто партийные документы не предлагали ничего реального, в основе своей были декларативными и не могли привести к сплочению коммунистов на выборах, а лишь усиливали дальнейшее размежевание в рядах партии. Многие партийные платформы носили весьма общий характер, в том числе и Иркутской областной партийной организации. Первый секретарь Бодайбинского горкома КПСС Ю. И. Бутаков отмечал: «...когда читаешь документ, не можешь понять: об Иркутской области идет речь или о Читинской. В нем даже слова “Иркутской” нет, только есть слово “Байкал” в одном месте» [1, с. 163].

В докладе первого секретаря Иркутского обкома КПСС В. И. Потапова «О проектах Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, Устава КПСС» говорилось, что есть «серьезные

основания для критики обсуждаемых документов». Он заявлял, что трактовка отдельных положений платформы дается в отрыве от практики, характеризуется идейно-теоретической нечеткостью и декларативностью: «Особенно это относится к концепции гуманного демократического социализма... не совсем понятно, куда мы идем, что нас ожидает в будущем, какое общество хотим построить? Формулировка..., что “это будет совсем другое общество”, является абстрактной и неубедительной. Крайне слабо проработаны идейные и организационные основы партии, не дается объемного представления о будущем ее облике, способах функционирования и реального влияния на жизнь общества в условиях многопартийной системы» [8, л. 9].

В начале 1989 г. стартовала кампания по выборам народных депутатов СССР по новому закону на альтернативной основе. Выборы состоялись 26 марта 1989 г. на фоне обострения международных отношений в советских республиках. По области проголосовали более 86 % избирателей.

4 марта 1990 г. состоялись выборы депутатов областного Совета народных депутатов. Это были первые выборы на альтернативной основе: на 150 депутатских мест претендовало 759 кандидатов: женщин – 96, рабочих – 84, колхозников – 27, парработников – 73, советских работников – 60, руководителей предприятий и организаций – 307. Подавляющее большинство – 611 – члены КПСС. 595 кандидатов имели высшее образование, 98 чел. были депутатами облсовета прошлого созыва [15, с. 3].

На выборах народных депутатов РСФСР 1990 г. от Иркутской области избиралось 20 депутатов. Всего было выдвинуто 135 кандидатов, это почти семь человек на одно место. Самое большое количество кандидатов было в Кировском округе г. Иркутска – 15 чел. Из 18 депутатов прошлого созыва в список попали только двое: председатель облисполкома Ю. А. Ножиков и электромонтажница АЭХК В. С. Нефедьева. Депутатами были избраны Г. Н. Алексеев, В. И. Вершинин, А. Н. Закопырин, П. М. Имедоев, Г. С. Кондобаев, Л. А. Крестьянинов, Г. М. Никольская, Ю. А. Ножиков, В. Е. Подлужный, В. Ф. Полещук, В. Д. Попов, В. Я. Редькин, Г. Н. Хорошилов, В. Н. Хайрюзов, К. Н. Хаматов, И. И. Ширококов, Л. Е. Ясенков.

Избирательная кампания проходила в сложной обстановке. В Иркутске прошла серия митингов, публичных дискуссий, обращений к избирателям. Были созданы Клуб гражданских ини-

циатив, общественный комитет по выборам «Россия-90». В Академгородке Иркутска появилась межрайонная группа кандидатов в народные депутаты советов, обращение которой было опубликовано в местной прессе. В нем говорилось о консолидации кандидатов в депутаты всех уровней на платформе Межрегиональной депутатской группы. Выступали межрайонцы против монополии любой партии на власть, за многопартийную систему, разделение властей, избрание главы исполнительной власти всем народом, равноправие всех форм собственности, включая частную. Особенностью программы межрайонной группы было требование создания для регионов права законодательного регулирования хозяйственной деятельности на своей территории [4, с. 1].

Как отмечал один из депутатов В. В. Игнатенко, «тогда было другое время, я бы его назвал романтикой ранней демократии. Выборы были чистыми, без черного пиара». Сам В. В. Игнатенко вскоре стал заместителем, а через год – председателем областного Совета народных депутатов.

В начале 1990-х гг. областному Совету приходилось решать много сложных задач по стабилизации народного хозяйства в условиях нарастающего кризиса. Совет народных депутатов при решении этих вопросов активно сотрудничал с областной администрацией в лице ее главы Ю. А. Ножикова. По воспоминаниям В. В. Игнатенко, «садились мы вместе с Юрием Ножиковым, которого выбрали председателем облисполкома, с его замами и напрягали мозги, искали выход. Добились от Ельцина указа, по которому от продажи экспортной продукции: бензина, алюминия, целлюлозы – отчислялся в специальный областной фонд определенный процент валюты. На эти деньги область и вела закупки жизненно необходимых товаров и ресурсов» [11, с. 3].

После того, как было объявлено о введении талонов на основные продукты питания, кризис доверия к власти резко упал. За 1989–1990 гг. из КПСС вышли 22 % членов партии. Наибольшие потери понесли Братская, Усть-Илимская и Усть-Кутская партийные организации.

Стремительная политизация общества привела к зарождению новых политических партий, ставящих одной из главных своих целей отстранение КПСС от реальной политической власти. Не оставалась в стороне и Иркутская область. В Иркутске состоялась первая в СССР массовая демонстрация протеста против загрязнения Байкала и реки Иркут, в которой приняло уча-

стие около 5 тыс. чел. [2, с. 185–186]. Ее участники отдали секретарю Иркутского обкома КПСС В. П. Иваницкому 107 тыс. подписей в защиту озера.

В 1988 г. в рамках Клуба гражданских инициатив прошел «Суд над КПСС». Многие активисты клуба вошли в организационную группу по созданию «Народного фронта поддержки перестройки». В 1990 г. в Иркутской области были созданы региональные отделения политических движений «Демократическая Россия», Партии свободного труда, Социал-демократической партии России.

В КПСС также происходили серьезные изменения. Многие коммунисты не поддержали инициативы М. С. Горбачева и выступили с требованием его отставки. Ушел со своего поста первый секретарь Иркутского горкома КПСС В. Н. Ковшаров. 21 декабря 1990 г. на XXVI областной партийной конференции первым секретарем был избран В. М. Спирин. В Москве была создана компартия РСФСР во главе с И. К. Полозковым, но отношение рядовых коммунистов было к ней крайне неоднозначным. Более 300 коммунистов – руководителей высшего и среднего звена, а также коммунистов-депутатов вышли из партии. В 1990 г. областная партийная организация сократила свои ряды на 18 %, распались 142 первичные партийные организации Иркутской области.

Отдельные партийные организации, в частности разреза «Черемховский», объединения «Востоксибстрой», «Оргтехстрой», устанавливали произвольный процент отчисления партийных взносов до 50 %, другие – пытались совсем не перечислять взносы на счет обкома. Это было характерно для партийных организаций Иркутска, Братска, Нижнеудинска, Усть-Кута. Общая сумма этой части членских партийных взносов за 1990 г. составила 87,8 тыс. руб. В 1990 г. более 25 тыс. коммунистов – а это четверть всей областной партийной организации – не доплатили членские взносы, по сравнению с 1989 г., в 15 раз больше. Общая сумма задолженности в 1990 г. составила 3732 тыс. руб., что на 26,1 % больше, чем в 1989 г. [10, л. 6].

В некоторых партийных организациях все чаще звучали требования об упразднении горкомов и райкомов КПСС, должностей освобожденных партийных работников в трудовых коллективах. На отчетно-выборной конференции партийной организации Иркутского государственного университета 7 апреля 1990 г. было выражено недоверие обкому КПСС и высказано требование

о его отставке. Обком партии обвиняли в потере связи с массами и рядовыми коммунистами, идейной некомпетентности, непонимании глубинных причин кризиса партии. Коммунистов ИГУ поддержали трудовые коллективы ИркутскНИИхиммаша и СИБИЗМИРа [5, с. 1].

В это же время численность Иркутской комсомольской организации сократилась на 60,5 тыс. чел., из них – исключено из ВЛКСМ 5,5 тыс. чел., вышли по собственному желанию 5 тыс., снято с учета за утрату связи с ВЛКСМ – 16,5 тыс. чел. Прием в 1990 г. сократился в два раза. Двенадцать городских и районных комитетов во втором полугодии 1990 г. не приняли в комсомол ни одного человека. Дефицит бюджета Иркутской областной комсомольской организации составил 1,5 млн руб. [9, л. 22]. Газета «Советская молодежь» с 24 ноября 1990 г. вместо «органа Иркутского обкома ВЛКСМ» стала называть себя «независимой газетой».

За развалом КПСС многие увидели распад Советского Союза, и задача сохранить страну стала одной из главных в партии. 31 января 1991 г. Пленум ЦК КПСС в своем политическом заявлении «О текущем моменте и задачах партии» призвал всех коммунистов и граждан высказаться за сохранение СССР. 18 февраля в ЦК КПСС были проведены беседы с секретарями парткомов автономных республик, краев и областей Сибири и Дальнего Востока. В референдуме 17 марта 1991 г. приняло участие 70,6 % граждан Иркутской области, что было ниже общероссийской явки (75,4 %). 71,64 % пришедших поддержали идею обновленного Союза.

Путч 19–21 августа 1991 г. ускорил кризис в партии и стране. Ю. А. Ножилов, возглавлявший тогда Иркутский облисполком, от его имени заявил о незаконности отстранения от власти президента СССР М. С. Горбачева, а также о том, что на территории Иркутской области действуют только Конституция РСФСР и указы Президента РСФСР. 21 августа в СМИ было опубликовано «Обращение Иркутского областного Совета народных депутатов к жителям Иркутской области», в котором была выражена поддержка действиям Президента и Правительства России. 22 августа 1991 г. Б. Н. Ельцин, к тому времени уже избранный Президентом РСФСР, подписал указ о приостановлении деятельности КПСС на территории России. 23 августа и. о. председателя областного Совета В. В. Игнатенко подписал распоряжение «О высе-

лении обкома КПСС из Дома советов». Весь партийный архив был передан в ведение Архивного управления Иркутского облисполкома.

19 сентября 1991 г. Указом Президента РФ Ю. А. Ножилов был назначен главой администрации Иркутской области. Тогда же была создана и администрация Иркутской области путем реорганизации исполнительного комитета областного Совета народных депутатов.

Юрий Абрамович Ножилов родился в г. Ленинграде в 1934 г. В своей профессиональной карьере он дошел до поста начальника управления строительства знаменитого «Братскгэсстроя», провел его реорганизацию, наделив все заводы и строительные управления правами юридического лица и создав совет директоров, что позволило уже обновленному предприятию увеличить объемы работ. В 1988 г. Ножилов из Братска был направлен на руководство Иркутским облисполкомом. Это было именно назначение в старых советских традициях. Будучи «красным» директором, он и внешним видом, и поведением, и одеждой отличался от прежней когорты советской номенклатуры. По воспоминаниям И. З. Зелента, «Ножилов не был злопамятным. В отношении людей, стоящих на другой точке зрения, он использовал только метод убеждения или метод практической реализации спорного вопроса, и практика показывала, кто прав» [16].

Федеральная власть предпринимала много преобразований, чтобы не подорвать имидж новой власти на местах и сохранить и восстановить былые возможности регионов. Для этого был создан институт глав администраций субъектов Федерации, позднее получивший наименование «губернатор». Назначенный главой области Ю. А. Ножилов не считал себя обязанным бездумно выполнять распоряжения федеральных органов власти. В некоторых решениях он не боялся противостоять федеральным чиновникам, как например, отказался выполнить указ Президента о земельной реформе в РСФСР, предусматривавший реорганизацию колхозов и совхозов и перераспределение земли.

В работе с людьми Ножилов стремился не допустить социального взрыва и политического кризиса в Иркутской области. Одним из первых своих решений он постановил повысить на 50 % должностные оклады работникам учреждений образования, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, финансируемые из областного бюджета; это решение вошло в историю как «ножиловские надбавки». Ножилов умел работать с регио-

нальными СМИ, и все его шаги и заявления делались публично, что неизменно приводило к повышению рейтинга и реальной поддержке населения. Вскоре Ю. А. Ножиков заговорил о проведении всенародных выборов.

27 марта 1994 г. на выборах главы администрации области (в апреле 1994 г. решением Законодательного собрания области учреждена должность губернатора) за Ю. А. Ножикова проголосовало 78,16 %.

Ю. А. Ножиков строил свою политику, используя, в том числе, и популистскую риторику. Поэтому в Москве заговорили о «сепаратизме» иркутского губернатора. Жесткая по отношению к Центру политика Ножикова работала на формирование сильной региональной элиты. Оказавшиеся в несколько особом положении, наделенные большей свободой действий, большими возможностями, менеджеры «Иркутскэнерго», других успешных предприятий региона не могли не стать в то время новыми политическими фигурами, нарастив личный и финансовый ресурс.

Для многих региональных деятелей Ножиков был образцом политического поведения. Деятельность Ю. А. Ножикова на посту главы администрации Иркутской области снискала ему признание жителей региона. В тяжелой ситуации начала 90-х гг. областная администрация прилагала максимум усилий для недопущения полной хозяйственной катастрофы в новых условиях.

Иркутский областной Совет народных депутатов, состоявший из 240 депутатов, впервые в 1990 г. был избран на альтернативной основе. Однако с такой численностью он был не приспособлен для нормотворчества. Сессии длились по несколько дней, тогда и пришла идея создать более компактный и оперативный малый Совет, вчетверо меньший, который мог собираться и решать нормотворческие вопросы между сессиями [11, с. 3]. Малый Совет стал прообразом будущего Законодательного собрания.

В целом по стране реформа местных советов была оторвана от социально-экономических реформ. Оставались неясными хозяйственные полномочия советов, что привело к бессистемному и законодательно не обеспеченному разделу общенародной собственности. На конституционном уровне в 1992 г. было произведено разделение советов краев и областей как представительных органов и местных советов, образующих систему местного самоуправления. В условиях перехода к рыночной экономике гораздо большее значение приобрела все же практическая деятельность

органов власти и управления, определившая специфику их взаимодействия. На местах стало усиливаться противостояние советов и органов исполнительной власти, что на практике вело к самоуправству, систематическому нарушению закона с обеих сторон. В Иркутской области серьезных конфликтов исполнительной власти в лице главы областной администрации Ю. А. Ножикова и областного Совета в лице В. В. Игнатенко не было. В этих условиях возникали предложения о ликвидации низового звена советов, что осуществилось в Иркутской области на практике – были упразднены сельские и поселковые советы.

Одним из примеров успешной деятельности областного Совета народных депутатов можно назвать работу над проектом Устава Иркутской области. Первый его вариант был написан еще в 1992 г. Сильная школа иркутских юристов славилась по всей стране. В. В. Игнатенко отстаивал право краев и областей издавать свои законы наравне с республиками в составе РФ. Таким образом, субъекты Федерации должны были на деле иметь равный правовой статус и возможности. Эта точка зрения победила в итоге с принятием Конституции. Всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации состоялось 12 декабря 1993 г. В нем участвовало 54,79 % избирателей, из них 58,42 % поддержало новый Основной закон страны.

20 марта 1993 г. с введением «особого порядка управления» указом Президента РФ Б. Н. Ельцина глава администрации Иркутской области Ю. А. Ножиков был снят с поста, однако через два дня он был восстановлен. Тогда же был отстранен от должности губернатор Новосибирской области В. П. Муха. Областной Совет созвал внеочередную сессию, которая взяла под защиту Ножикова. Увольнение «за систематическое невыполнение распоряжений президента и злоупотребление служебным положением» любимого в народе губернатора всколыхнуло Иркутск. В защиту Ю. Ножикова в центре Иркутска прошел митинг, а с заявлением о неконституционности действий Президента РФ выступили малый Совет Иркутского областного Совета и депутаты соседней Бурятии. В итоге Б. Н. Ельцин отменил распоряжение об отставке, а премьер-министр В. С. Черномырдин принес главе иркутской администрации извинения.

Также совместными усилиями был достигнут успех и в деле с компанией «Иркутскэнерго», которую удалось оставить под контролем областных властей. Отношения области с федераль-

ными властями в те годы во многом определял спор о принадлежности компании «Иркутскэнерго». В августе 1992 г. Президент РФ подписал указ № 923, который передавал акции всех крупных, включая ангарских и енисейских, ГЭС в уставной фонд учрежденного РАО «ЕЭС России». Иркутские и красноярские власти решили оспорить в Конституционном Суде решение Президента и победили: в сентябре 1993 г. Суд усмотрел в указе противоречие Федеративному договору, поскольку не учитывалось мнение субъекта Федерации по предмету совместного ведения. Данный конфликт между РАО «ЕЭС России» и правительством, с одной стороны, и «Иркутскэнерго» и областной администрацией, с другой, не затихал еще несколько лет. Российские власти добились если не возвращения в РАО, то хотя бы выхода областных электростанций на федеральный оптовый рынок электроэнергии. Иркутские власти были категорически против, потому что подключение к федеральному рынку и установление единых тарифов резко подняли бы стоимость электроэнергии в области, нанеся удар по алюминиевым предприятиям.

После выхода указа № 1400 от 21 сентября 1993 г., который предусматривал разгон Верховного Совета и объявлял выборы в Государственную Думу РФ, Ю. А. Ножилов и В. В. Игнатенко высказались за перевыборы как парламента, так и президента. В рамках конституционной реформы администрации регионов как органы исполнительной власти получили дополнительные права, а полномочия представительных органов власти, напротив, были урезаны. Вскоре областной Совет был распущен, вместо него сначала в течение двух месяцев существовал депутатский Совет – совещательный орган при главе администрации, а потом Контрольная палата, состоявшая из бывших депутатов. Возглавлял все эти переходные структуры, а потом и Законодательное собрание первых двух созывов (1994–2000 гг.) поддерживаемый коммунистами И. З. Зелент, бывший первый заместитель председателя областного Совета. Выборы депутатов Законодательного собрания первого созыва, избранного в переходный период на два года, состоялись 27 марта 1994 г. В этот же день были избраны городская дума Иркутска первого созыва, мэр г. Иркутска Б. А. Говорин, а также прошли выборы представительных органов и руководителей исполнительной власти муниципальных образований.

Согласно ст. 24 Устава, Законодательное собрание Иркутской области стало постоянно действующим однопалатным зако-

нодательным и представительным органом государственной власти области. Оно состояло из 45 депутатов и избиралось сроком на четыре года по мажоритарной избирательной системе в одномандатных округах. Первая сессия состоялась 20 апреля 1994 г. Впервые у региональных депутатов появилась возможность формировать собственную нормативно-правовую базу, принимать законы, необходимые для жизнеобеспечения Иркутской области. Причем законы базовые, рассчитанные на многолетнюю перспективу. Например, была разработана процедура принятия областного закона о бюджете, и в январе 1995 г. был принят Закон «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Иркутской области», которым руководствовались депутаты в течение семи лет.

12 декабря 1993 г. состоялись выборы в новый российский парламент – Государственную Думу и Совет Федерации РФ. Иркутская область была разделена на четыре округа в среднем по 450 тыс. избирателей в каждом. По Иркутскому округу депутатом был избран президент АО «Труд» Ю. М. Тен, по Ангарскому – генеральный директор АО «Байкалит» В. Л. Машинский, по Тулунскому – глава администрации Нижнеудинского района А. А. Турусин, по Братскому – председатель Братского городского Совета народных депутатов В. Б. Шуба. Ю. А. Ножиков и П. А. Голышев были избраны в Совет Федерации. Как и в целом по стране, ЛДПР получила 21,48 % (в РФ – 22,92 %), «Выбор России» – 16,85 и 15,51 % соответственно. Зато «Женщины России» получили 13,24 % против 8,13 % общероссийских, а ПРЕС – 8,88 % против 6,73 %. В Усть-Ордынском округе победила Аграрная партия России, набрав более четверти голосов избирателей [6].

На основании указов Президента РФ от 22 октября 1993 г. «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации» и от 30 октября 1994 г. «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и в соответствии с Законом Иркутской области от 14 июня 1994 г. № 1 «Об учреждении должности губернатора Иркутской области и вступлении в должность губернатора Иркутской области» и Уставом Иркутской области (принят 19 января 1995 г., подписан губернатором 10 февраля 1995 г.) была утверждена структура администрации области и распределены обязанности между губернатором Иркутской области и его заместителями, а также утверждено штатное расписание администрации области.

Иркутская область стала одним из первых российских регионов, где благодаря настойчивости губернатора прошли прямые выборы всех органов власти. Соперниками Ю. А. Ножикова на выборах 1994 г. были тогдашний его заместитель по социальным вопросам Б. Г. Алексеев (7,9 %) и вице-президент государственной финансово-промышленной компании А. С. Помигалов (4,5 %). Выборы 1994 г. фактически стали первыми и последними, на которых все решал только сам кандидат. При подготовке выборов использовались минимальные финансовые ресурсы. Кроме того, для переходного периода, в котором находилась тогда область, именно кандидатура Ю. А. Ножикова была самой удачной. Здесь и опыт работы на крупном производстве, и позитивное восприятие элитами, и умение отвечать за дела и принятие решений, а также демократичность взглядов, что было не у каждого руководителя региона.

В последующем ситуация с губернаторскими выборами изменилась. Власть губернатора Иркутской области совершила эволюцию от реальной независимости в решении внутренних вопросов и свободных прямых всеобщих выборов к безальтернативным представительским выборам и проведению региональной политики исходя, в первую очередь, из интересов Центра. Вместе с тем эта трансформация не вызвала у населения области особых возражений, а тем более протестов. Возможной причиной этого являются отсутствие развитого регионального гражданского общества и неконсолидированность местных элит [12].

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключалась суть реформ, которые предложил в СССР М. С. Горбачев?
2. Почему М. С. Горбачев начал политическую реформу?
3. Что такое перестройка?
4. Дайте характеристику деятельности областного Совета народных депутатов в 1990-е гг. Как изменилась его роль по сравнению с доперестроечным периодом?
5. Напишите эссе о роли первого всенародно избранного губернатора Иркутской области Ю. А. Ножикова в развитии политических процессов в нашем регионе.
6. Проследите изменения, связанные с выборами глав государства в современной России. Дайте им характеристику.

Литература

1. Величко С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991) / С. А. Величко. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. – 376 с.
2. Вокруг трубы. Митинг в защиту Байкала // Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области. – Иркутск : Облмашинформ, 2002. – С. 183–202.
3. Волосов Е. Н. Региональная технократическая элита: надежды и разочарования постсоветской эпохи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 4 (10). – С. 29–36.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 23 янв.
5. Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 18 апр.
6. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1993 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/index.html.
7. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 82.
8. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 222.
9. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 351.
10. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 355.
11. Гулевский О. Виктор Игнатенко: молчаливый парламент – мертвый парламент // Обл. – 2009. – 22 июня. – С. 3.
12. Зуляр Ю. А. Лидеры новейшей истории Иркутского региона [Электронный ресурс] / Ю. А. Зуляр. – URL: <http://image-of-russia.livejournal.com/38037.html>.
13. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О. Крыштановская. – М. : Захаров, 1995. – 384 с.
14. Миронов Е. В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956–1991 гг.: на примере Иркутской области : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Миронов. – Иркутск : ИГУ, 2007.
15. Предварительные итоги // Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 6 янв.
16. Сотников В. Юрий Ножилов – человек и политик [Электронный ресурс] / В. Сотников. – URL: <http://baikalarea.ru/irkutsk/peoples/nojikov/chelovek.htm>.
17. Хайрюзов В. Н. Виктор Михайлович Спирин. Последний первый: Документально-художественное повествование / В. Н. Хайрюзов. – Иркутск : Сиб. кн., 2009. – 264 с.

§ 2. Институциональные изменения

Со второй половины 90-х гг. политическое руководство страны все более убеждается в необходимости качественно новой политики по отношению к субъектам Федерации и ориентируется на систему сдержек и противовесов с целью упорядочения федеративного управления в стране. В каждом субъекте в результате общего и индивидуального торга была организована собственная система отношений с Центром, что, естественно, не влияло положительно на упорядочение системы федеративного управления. В процессе институционализации органов государственной власти Иркутская область была в числе первых субъектов Российской Федерации, где одновременно были избраны структуры исполнительной и законодательной (представительной) власти двух уровней – субъекта Федерации и местного самоуправления.

Важным атрибутом субъекта Федерации как государственно-территориального образования является нормативно-правовая и законодательная база, регламентирующая функционирование власти. Иркутская область одной из первых в России 19 января 1995 г. приняла свой Устав, в котором закрепила принципы государственного устройства области, предметы ведения области как субъекта РФ, экономические основы жизнедеятельности региона, систему и компетенцию областных органов государственной власти, общие начала организации местного самоуправления. Один из спорных тогда вопросов – закрепление возможности отзыва депутата из Законодательного собрания Иркутской области. Победила позиция отзыва, которая делала депутата ответственным перед своими избирателями.

В целом Устав позволил области стать полноценным субъектом РФ, определил статус органов представительной и исполнительной власти, взаимодействие Федерации и области. Принятие Устава означало, что был создан каркас, вокруг которого складывались государственно-правовые отношения в области, строилось все региональное законодательство.

27 мая 1996 г. был подписан трехсторонний договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, Иркутской области и входящего в ее состав Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, а 11 июня – договор Иркутской области и УОБАО о разграничении полномочий. Депутаты пересмотрели и

те статьи Устава, которые определяли статус и полномочия областных государственных органов, призванных осуществлять государственную защиту Устава – Уставной палаты (создана в мае 1996 г.) и Контрольно-счетной палаты Иркутской области (образована в апреле 1996 г.).

Депутаты Законодательного собрания области, избранные в 1994 г. на два года, пытались пролонгировать свои полномочия еще на такой же срок, но областной суд признал изменения Устава области в отношении полномочий регионального парламента незаконными. Выборы нового состава Законодательного собрания прошли 16 июня 1996 г. в один день с выборами Президента Российской Федерации. В нем сократилось присутствие мэров городов и районов (с 12 до 8). Председателем Законодательного собрания вновь был избран И. З. Зелент. В тот период были приняты Законы Иркутской области «О губернаторе области» и «О местном самоуправлении в Иркутской области», а также ряд законов, которые позволили создать правовой фундамент для организации местного самоуправления. В период работы депутатов второго созыва возникла необходимость совершенствования законодательства в сфере управления областной государственной собственностью. Именно тогда в Законодательном собрании был создан комитет по собственности и экономической политике. Большое внимание уделялось природоохранным вопросам, а также проблемам сельского хозяйства.

Главным достижением «эпохи Ножикова» для региона была созданная им ситуация относительной равновесности политических сил – федерального Центра, региональных элит и крупных финансово-промышленных групп. Сам же он старался обеспечить относительную консолидацию местных элит. Однако в последние годы у Ножикова оставалось все меньше и меньше собственных рычагов влияния, поскольку решение большинства вопросов находилось в руках первого заместителя главы администрации В. К. Яковенко. Все активнее возникали конфликтные ситуации между региональной властью и руководством областного центра. Некоторые разбирательства по поводу полномочий города и области, записанных в их уставах, по поводу принадлежности городского финансового управления доходили до суда. Скрытой причиной конфликта, кроме обычного столкновения интересов области и областного центра, был вопрос о вероятном

преемнике Ю. Ножикова. Для В. К. Яковенко именно мэром Иркутска Б. А. Говорин выглядел самым серьезным соперником.

В апреле 1997 г., за год до истечения своих полномочий, Ю. А. Ножиков ушел в отставку. Причиной отставки он назвал невозможность изменить к лучшему социально-экономическое положение в области, решить самые острые ее проблемы. Заявлению предшествовали резкие шаги губернатора, призванные показать его настойчивость в защите прав области: разработка программы выхода из кризиса, предлагавшая возвращение базовых отраслей промышленности под контроль областных властей, и временная приостановка в марте 1997 г. перечисления налоговых платежей в федеральный бюджет. Ю. А. Ножиков незадолго до выборов, назначенных на июль, просил жителей области поддерживать кандидатуру Б. А. Говорина.

Выборы губернатора 1997 г. проходили в непростой обстановке. Сенсацией стало сокрушительное поражение одного из фаворитов, генерального директора ОАО «Востсибуголь» И. М. Щадова. На него работало имя отца М. И. Щадова, бывшего в советские времена министром угольной промышленности СССР, он имел внушительную политическую и финансовую поддержку – сразу два известных федеральных политика, Г. А. Явлинский и А. И. Лебедь, активно выступили в его поддержку. Рейтинги И. М. Щадова резко упали после того, как за два дня до голосования начальник иркутского ГУВД сделал заявление в телеэфире о прошлой судимости кандидата [7, с. 2].

Б. А. Говорин в ходе избирательной кампании использовал «антимосковскую» риторику: «Наши природные ресурсы не нужно никому отдавать в пользование, тем более продавать. Нам нужно самим использовать их с выгодой для населения области, для тех, кто сейчас живет на нашей территории, и для тех, кто будет жить. А распродать можно все. На это большого ума не надо». Активность избирателей составила 42,98 %. Б. А. Говорин выиграл в первом туре, набрав 51,19 % голосов.

Федеральный Центр, удовлетворенный уходом Ю. А. Ножикова, дал Б. А. Говорину «карт-бланш» на выстраивание новой региональной политической конфигурации. Первые два года правления Б. А. Говорина характеризуются высокой степенью консолидации элит. В момент своего избрания губернатор пользовался поддержкой компании «Иркутскэнерго», что выразилось в назначении заместителя генерального директора В. Е. Межеви-

ча первым заместителем главы администрации. Кроме того, ключевые посты получили и другие его «союзники»: менеджеры ИркаЗа-СУАЛа А. И. Соболев и Иркутского авиационного производственного объединения В. Е. Стефановский, заместитель начальника Управления ФСБ по Иркутской области Ю. А. Гуртовой.

В апреле 2001 г. контрольный пакет акций «Иркутскэнерго» оказался в руках у альянса двух конкурирующих компаний – РУ-САЛа и СУАЛа. В ходе компромисса федеральных, региональных властей и компаний О. Дерипаски и В. Вексельберга в энергокомпании в конечном итоге сменился менеджмент. «Иркутскэнерго» в состав РАО «ЕЭС России» так и не вошло. Усиление влияния финансово-промышленных групп изменило и политическую ситуацию в регионе.

Кампанию по выборам депутатов Законодательного собрания 2000 г. называли одной из самых непредсказуемых. Из-за низкой явки избирателей в день голосования 25 июня 2000 г. из необходимого минимума в 30 депутатов было избрано только 28. Региональное отделение партии «Единство» выступило с заявлением, в котором обвинило областную администрацию в срыве выборов в Иркутске, Братске и Ангарске. Кроме того, результаты по округу № 1 были отменены Кировским районным судом, и лишь спустя несколько месяцев Г. В. Истомина удалось вернуть себе депутатский мандат.

За время деятельности Законодательного собрания Иркутской области третьего созыва (2000–2004 гг.) произошли три смены его руководства. Вначале депутатский корпус не мог начать работу из-за недостаточного количества депутатов и отсутствия кворума. Затем после довыборов депутаты отказывались голосовать за предложенную губернатором кандидатуру В. В. Ковалькова, генерального директора иркутского авиазавода. В сентябре 2000 г. энергетики сформировали группу депутатов, которая выдвинула на пост председателя ЗС генерального директора «Иркутскэнерго» В. М. Боровского. С просьбой поддержать кандидатуру В. М. Боровского на пост спикера к депутатам регионального парламента обратились депутаты Государственной Думы К. Б. Зайцев, Б. И. Кодзоев, Ю. Г. Курин, С. Г. Левченко, Ю. М. Тен, В. Б. Шуба. В течение трех месяцев депутаты не смогли избрать председателя, и только 25 декабря 2000 г. В. М. Боровский возглавил региональный парламент. В 2001–2002 гг. в Законодательном собрании были созданы фракции

«Единство», «Союз правых сил», группы «Народный депутат» и «Деловой союз».

После выборов губернатора произошли изменения и в руководстве регионального парламента. В феврале 2002 г. В. М. Боровский был снят с должности председателя Законодательного собрания за то, что «не смог наладить конструктивную работу депутатского корпуса», а на его место избран профессор С. И. Шишкин. Однако в октябре 2003 г. после серии голосований о недоверии С. И. Шишкин тоже уходит в отставку, так и не реализовав собственные губернаторские амбиции, и председателем Законодательного собрания был избран вице-спикер Г. В. Истомина.

Таким образом, если первый губернаторский срок Б. А. Говорина начинался в атмосфере полной консолидации вокруг него региональных элит, то к выборам 2001 г. область подошла в ситуации политического и экономического противостояния. Бюджет области на 2001 г. был принят с участием согласительной комиссий только весной [4, с. 1]. 29 июля 2001 г. состоялись выборы губернатора Иркутской области. Это были выборы не только кандидатов и идеологий, но и схватка финансово-промышленных групп, действовавших на территории региона. Из семи кандидатов в первом туре никто не набрал необходимых 50 % голосов. Б. А. Говорин (поддержанный РУСАЛом, СУАЛом) набрал 45,9 % голосов, его ближайший оппонент – депутат Госдумы от КПРФ С. Г. Левченко – 24,38 %. Считавшийся на старте кампании основным соперником Б. А. Говорина В. Е. Межевич (Интеррос) набрал всего 12,43 %.

Избирательная кампания проходила в условиях жесткой информационной войны. Каждая из сторон издавала печатные издания с тиражами в сотни тысяч экземпляров.

Второй тур выборов состоялся 19 августа 2001 г. Б. А. Говорин набрал 48,37 % голосов. С. Г. Левченко увеличил прежний результат почти вдвое, до 45,97 %, уверенно обыграв Б. А. Говорина в Иркутске и Братске. Перевес Говорину обеспечили села и малые города. Один из кандидатов в губернаторы Л. Дробышева обратилась в суд с иском о снятии Б. А. Говорина с выборов за использование служебного положения, злоупотребление правом на проведение предвыборной агитации, но 14 августа 2001 г. областной суд отклонил иск. Всего во время избирательной кампании было подано 235 жалоб.

По мнению экспертов, возможности С. Г. Левченко были подорваны в результате соглашения, которого достигли в период между двумя турами голосования тогдашние основные субъекты региональных экономико-политических процессов. Представители «Альфа-групп» и холдинга «Интеррос» договорились о том, что последний получит возможность возобновить свое участие в консорциуме по разработке Ковыктинского газового месторождения. «Интеррос» в свою очередь обязался не противиться переизбранию Б. А. Говорина на пост губернатора, а также смене руководства «Иркутскэнерго» [5, с. 1].

Из политических успехов Б. А. Говорина в первый губернаторский срок отметим проведение в 2000 г. в Иркутске Байкальского экономического форума, первого в Сибири и одного из крупнейших деловых форумов на востоке страны. Основной задачей БЭФа стала разработка стратегических документов и формирование конкретных проектов, способствующих комплексному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Традиционно в форуме (он проводится раз в два года) участвуют федеральные министры, сенаторы и депутаты, губернаторы, ведущие бизнесмены, ученые и общественные деятели, гости из-за рубежа.

Из экономических успехов можно отметить стабилизацию и развитие лесной промышленности, топливно-энергетического комплекса, а также золотодобычи, что обеспечило региону третье место по уровню промышленного производства в Сибирской федеральном округе. Обозначив достижимые цели и «поставив на ноги» промышленность, Б. А. Говорин провел ряд значительных изменений в социальной сфере. Достаточно успешной была его деятельность в области культуры, за что он получил национальную премию «Золотая маска».

В течение второго губернаторского срока, в отличие от большинства малых партий, которые относились к губернатору достаточно лояльно, у Б. А. Говорина сложились крайне непростые отношения с региональным отделением партии «Единая Россия». В момент объединения движений «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» в региональное отделение партии «Единая Россия» региональный актив двух последних движений, на которые опирался губернатор Б. Говорин, не занял ключевых позиций. Генеральный совет партии в 2001 г. поддержал кандидатуру Б. А. Говорина на второй губернаторский срок, но во главе ре-

гионального политсовета стояли люди, не склонные к лояльности в отношении к главе региона. Основателем и бессменным лидером организации в 2001–2005 гг. являлся А. И. Федоров, президент НПК «Иркут», ранее – один из политических партнеров Б. А. Говорина.

Выборы в Законодательное собрание Иркутской области четвертого созыва 10 октября 2004 г. существенно повлияли на расстановку сил, связанную с «третьим сроком» Б. А. Говорина. Выборы были назначены избирательной комиссией области, так как депутаты Законодательного собрания дважды не могли собрать кворум. Сразу несколько партий построили свои кампании на критике партии «Единая Россия», главным образом припоминая ей законы о монетизации льгот. Наиболее остро развернулась борьба между «Единой Россией» и «Родиной», которая поставила задачу помешать «партии власти» получить в парламенте большинство. «Родина» разместила по всему Иркутску рекламные щиты с критикой «Единой России». «Единая Россия» же сделала акцент на создании положительного имиджа партии, не вступая в публичные дискуссии. Кульминацией противостояния стало убийство 27 сентября 2004 г. одного из руководителей штаба «Родины» М. Мураховской и журналиста Я. Травинского.

Выборы по пропорциональной системе 2004 г. были первыми в Прибайкалье. Количество депутатских мандатов – 45 – осталось прежним, хотя прения депутатов по этому вопросу были острыми. В связи с резким сокращением избирательных округов количество избирателей в укрупненных округах возросло вдвое, и участие в избирательной кампании потребовало больше затрат. По пропорциональной системе избиралось 23 депутата.

Невысокая активность избирателей стала свидетельством нарастающей апатии в обществе, утомленном слишком частыми выборами и разочарованным отсутствием видимых результатов депутатской деятельности. Даже сниженный до 20 % барьер явки для признания выборов состоявшимися преодолеть в большинстве округов удалось только вечером. Общий показатель участия в голосовании составил 29,4 %. Наиболее активными по традиции были сельские районы. Наивысшая явка (46 %) была достигнута в Усть-Ордынском автономном округе. Самой низкой (менее 17 %) была явка в одном из двух округов Ангарска, что находит простое объяснение – там выборы не состоялись из-за отсутствия альтернативы Ю. И. Фалейчику. Незадолго до дня голосования

его конкуренты сняли свои кандидатуры. Не был избран сразу и второй депутат от Ангарска – в округе № 7 свыше 25 % избирателей проголосовали «против всех». В начале 2005 г. здесь состоялись переборы.

Первое место с 30,07 % заняла «Единая Россия». При этом в крупных городах (Иркутске, Ангарске, Братске) она набрала значительно меньше голосов. Так, в Свердловском районе г. Иркутска «Единая Россия» лишь на 0,4 % опередила «Родину». На селе и в малых городах преимущество «Единой России» было значительно заметнее. Единственной территорией, где «Единая Россия» проиграла, стал Усть-Ордынский автономный округ. Там победила Аграрная партия России с 42,5 %. 5 % преодолели КПРФ, АПР, «Родина», избирательный блок «За родное Приангарье!» и Российская партия пенсионеров.

Председателем Законодательного собрания был избран генеральный директор ОАО «Саянскхимпласт» В. К. Круглов. Первые были сформированы депутатские фракции от партий «Единая Россия», «Родина», «Аграрная партия России», действовали депутатская группа «Региональное развитие» и «Антикоррупция». В 2005 г. при Законодательном собрании был учрежден Общественный совет.

21 апреля 2004 г. сессия Законодательного собрания Иркутской области приняла постановление «Об инициативе образования в составе Российской Федерации нового субъекта РФ в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа». Усть-Ордынскому округу в новом субъекте должен быть придан статус муниципального района. Окружные депутаты планы такого понижения статуса не поддержали. Дума не приняла данное обращение к президенту, что сорвало возможность провести референдум об объединении до конца 2004 г., а в 2005 г. избрать главу нового субъекта Федерации.

С избранием президентом В. В. Путина федеральный Центр стал стремиться унифицировать, поставить под контроль политические процессы в регионах, включая выборы как губернаторов, так и региональных законодательных собраний.

Появился такой новый формат, как совмещение выборов губернатора с федеральными выборами. Во время первого цикла губернаторских выборов 1996 г. по принципиальным соображениям применялась технология отдельных выборов. Никому из губернаторов не было позволено избираться в один день с

Б. Н. Ельциным – в Кремле решили, что губернаторы должны сконцентрировать все свои административные ресурсы только в пользу одного кандидата. С 2000 г. ситуация изменилась, а совмещение выборов стало поощряться для ведения общей кампании в поддержку кандидатов «партии власти».

Важнейшим вопросом стал «поход» губернаторов на выборы на третий и больший сроки. В большинстве случаев у губернаторов не было готовой альтернативы, поэтому для федерального Центра любые выборы могли стать непредсказуемыми. Поэтому администрация Президента давала разрешение многим губернаторам переизбираться, но под чутким руководством Кремля. Однако в таких условиях не могло быть и речи о зарождении новой региональной элиты: ей просто неоткуда было взяться.

В 2003–2004 гг. региональные политики активно обсуждали вопрос участия губернатора Б. А. Говорина в третьих выборах. Это могло серьезно поменять политическую картину региона. Законодательное собрание после долгих дебатов приняло поправки в Устав области, позволявшие губернатору идти на третий срок. Но 8 декабря 2004 г. Президент РФ В. В. Путин инициировал изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» о порядке избрания кандидатуры губернатора. Теперь предложения по кандидатуре главы региона должны были вноситься Президентом в законодательный орган субъекта Федерации за 35 дней до истечения срока полномочий действующего губернатора, а парламенту давалось 14 дней для рассмотрения кандидатуры. По окончании срока полномочий губернатора Б. А. Говорина его кандидатура не получила поддержки администрации Президента и он был назначен Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в Монголии.

Первым губернатором в Иркутской области, получившим полномочия по новой системе, стал А. Г. Тишанин, начальник Восточно-Сибирской железной дороги. Он произвел ряд кадровых перестановок, которые были негативно восприняты региональной элитой. Так, на должность первого заместителя главы администрации был предложен Ю. В. Параничев, глава Тракторозаводского района г. Челябинска. Законодательное собрание области не поддержало его кандидатуру с первой попытки, но проголосовало «за» три месяца спустя, поскольку Ю. В. Парани-

чев, в качестве исполняющего обязанности первого заместителя, успешно выстроил взаимодействие с депутатами и провел через парламент бюджет 2006 г., фактически сосредоточив в своих руках разработку новой структуры областной администрации.

Был дан старт новым крупным проектам. В частности, начались масштабные работы по строительству нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». После острой общественной дискуссии трасса будущей магистрали была отодвинута от Байкала, что существенно снизило экологические риски и позволило вовлечь в оборот северные нефтяные и нефтегазовые месторождения региона. Начались работы по газификации области. Иркутская область выиграла конкурс по созданию на Байкале особой экономической зоны туристско-рекреационного типа. Важным элементом формирования гражданского общества стало создание Общественной палаты. Регион стал активно принимать участие в международных ярмарках, выставках, презентациях.

16 апреля 2006 г. был проведен референдум о создании на основе Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа нового объединенного субъекта Федерации – Иркутской области. В области за объединение высказалось 89,77 %, а в округе – 97,79 %. Данное объединение – это прежде всего победа экономической целесообразности. Население УОБАО – 134,6 тыс. чел., и титульное (бурятское) население составляет не более 40 %. Округ давал лишь 0,26 % от объема промышленной продукции области. 82 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума, 91 % доходов бюджета УОБАО получал за счет федеральных трансфертов, т. е. считался «глубоко дотационной территорией». 30 декабря 2006 г. Президент России В. В. Путин подписал Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа». Будущее объединение повлекло за собой большую работу над законодательной базой двух субъектов в соответствии с требованиями федерального законодательства. Для совместной деятельности и координации действий при Законодательном собрании был создан Совет законодателей.

Энергичные усилия губернатора А. Г. Тишанина по формированию нового облика Иркутской области вызвали настороженное отношение у мэра областного центра В. В. Якубовского и его

команды. Отношения между губернатором и мэром обострил вопрос о распоряжении земельными участками в городской черте Иркутска. В июне 2006 г. депутаты Законодательного собрания, под влиянием мэра Иркутска В. В. Якубовского, «провалили» законопроект о переходе неразграниченной доли городской земли в распоряжение области. Губернатор, в свою очередь, наложил вето на поправки в Устав области, по которым не только кандидатура его первого заместителя, но и кандидатуры заместителей, курирующих вопросы финансов, экономики, сельского хозяйства, подлежали утверждению Законодательным собранием, обосновывая это «нарушением демократического принципа разделения властей». «Земельный» закон был впоследствии принят в компромиссном варианте, а поправки в Устав более не рассматривались.

В 2006 г. губернатор А. Тишанин предложил объединить Иркутск с двумя крупными близлежащими городами: Ангарском и Шелеховым. Создание города-миллионника позволило бы, по мнению губернатора, получить дополнительное федеральное финансирование, выровнять уровень жизни и обеспечить рост производства. Концептуальным обоснованием создания Иркутской агломерации занимался Фонд регионального развития Иркутской области – некоммерческая организация, созданная в ноябре 2006 г.

Проект по созданию агломерации на базе Иркутска, Ангарска и Шелехова (как самый проработанный на тот момент из существующих в России) обсуждался на заседании Правительства РФ, был поддержан Министерством регионального развития РФ и включен в стратегию социально-экономического развития Иркутской области на период до 2025 г. В политическом отношении губернатор А. Г. Тишанин демонстрировал уверенность в собственных силах и готовность возглавлять область все отведенные ему пять лет.

Иркутская область в 2007 г. стала первым регионом страны, где две ветви власти не смогли прийти к консенсусу по вопросу бюджета. Поэтому была задействована «форс-мажорная» статья конституционного закона, когда бюджет 2008 г. был утвержден постановлением губернатора, поскольку он не был принят депутатами.

Председатель Законодательного собрания В. К. Круглов публично высказал претензии к исполнительной власти из-за низкой инвестиционной привлекательности региона, невысокого

темпа прироста промышленного производства, проблем в лесном комплексе, кадровой чехарды в администрации.

5 февраля 2008 г. депутаты преодолевают губернаторское вето на бюджет области 2008 г., что приводит к еще большему обострению политической ситуации в области. 21 депутат Законодательного собрания подписали письмо Президенту РФ В. В. Путину, в котором они заявили, что «результатом работы А. Г. Тишанина в должности губернатора Иркутской области стало то, что в регионе разразилась серия коррупционных скандалов, связанным с хищением государственной собственности в особо крупных размерах с участием высших должностных лиц администрации области» [3] с просьбой досрочно прекратить полномочия губернатора А. Г. Тишанина.

15 апреля 2008 г. губернатор Тишанин не был включен в состав делегации Иркутской области на съезд партии «Единая Россия», а вечером того же дня Президент РФ принял его отставку и назначил временно исполняющим обязанности губернатора Иркутской области И. Э. Есиповского. Конфликты элит приводили к смене первых лиц и в других регионах, в частности в Тыве и Алтайском крае, но там замены глав регионов произошли только по завершении их полномочий. В Иркутской же области смена главы региона произошла через два с половиной года после назначения.

Конституция РФ закрепила самостоятельность местного самоуправления. В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Тогда институт местного самоуправления сыграл важнейшую, пока еще не оцененную, консолидирующую роль: сохранил управляемость территорий, не допустил серьезных социальных взрывов в тот момент, когда государство фактически отказалось от своих не подкрепленных финансами социальных обязательств, переложив их на местную власть. В условиях кризиса местное самоуправление смогло не просто выжить, но и начать развивать свою экономику. В начале 2000-х гг. государство приступило к новой реформе местного самоуправления с желанием укрепить этот институт, сделать его более независимым от органов государственной власти субъектов Федерации. В октябре 2003 г. был принят Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако у экспертов сразу же сложились опасения, что реформа приведет к огосударствлению института местного самоуправле-

ния, увеличению численности бюрократии на местах, централизации полномочий и снижению фискальной автономии муниципалитетов, сокращению стимулов для муниципального экономического развития и снижению инвестиционной привлекательности муниципальной экономики, пренебрежению к муниципальной собственности. При Законодательном собрании Иркутской области был создан Координационный совет, который и должен был провести данную реформу в Иркутской области, поскольку регион был избран экспериментальной площадкой. Депутаты устраняли законодательные противоречия, вырабатывали нормативные правовые акты, обеспечивающие работу органов местного самоуправления.

2008 г. как последний в отведенном по федеральному законодательству переходном периоде был ознаменован всплеском судебных процессов о трансформации юридического статуса ряда крупных городов в городские поселения, фактически подчиненные муниципальным районам. Характерным примером является г. Ангарск Иркутской области с населением свыше 200 тыс. чел., который решением Законодательного собрания Иркутской области получил статус городского поселения в составе Ангарского муниципального района, притом что в городе проживает более 95 % населения муниципального района. Фактически на территории параллельно стали действовать две муниципальные власти.

Неоднократно поднимался вопрос и об объединении в одно муниципальное образование г. Шелехова и Шелеховского района. В 2010 г. КПРФ выступила с инициативой объединения Ангарска и Ангарского района. В марте 2012 г. в Ангарске прошел референдум, на котором более 80 % горожан высказались за начало процедуры изменения статуса городского поселения. Власти Ангарского муниципального образования отказались поддержать процесс объединения, поэтому в трех других муниципалитетах – Одинске, Мегете и Савватеевке – референдум не проводился.

В декабре 2007 г. состоялись выборы депутатов Государственной Думы РФ пятого созыва. За «Единую Россию» в целом по области проголосовало 58,5 %, ЛДПР – 11,49 %, КПРФ – 10,83 %, «Справедливую Россию» – 9,24 %. Депутаты С. Г. Левченко и К. Б. Зайцев вошли в состав комитета по энергетике, Т. Г. Воронова – в комитет по международным делам, С. И. Колесников – в комитет по охране здоровья, И. Д. Грачев – в комитет по собственности, В. Б. Шуба – в комитет по бюджету в статусе первого

заместителя, В. Г. Малеев – в комитет по вопросам местного самоуправления, но позже был переведен в комитет по регламенту.

2 марта 2008 г. состоялись выборы Президента России. 2 марта Иркутская область вошла в число российских рекордсменов в голосовании по открепительным удостоверениям. Количество выданных удостоверений на 17 тыс. больше, чем на референдуме по объединению области и УОБО. Свои голоса Д. А. Медведеву отдали 61,24 % проголосовавших, что почти на 9 % ниже, чем в среднем по России. В. В. Жириновский в регионе получил 14,05 % (почти на 5 % выше среднего по России), по симпатиям к Зюганову область отстала от абсолютного лидера Сибири (Новосибирской области) всего на 2,71 % (21,82 %).

12 октября 2008 г. область избирала свой парламент после референдума 2006 г. об объединении с Усть-Ордынским Бурятским округом. Выборы в Иркутской области проходили на основании Положения, утвержденного Указом Президента РФ. В Законодательное собрание избиралось 50 депутатов, в том числе 25 – по пропорциональной системе. В области был образован 21 одномандатный округ – в границах старой Иркутской области – и один – четырехмандатный – в Усть-Ордынском округе. Порог для прохождения составил 7 %. «Патриотам России», подписи которых признали поддельными, не помог Верховный Суд РФ. Региональное отделение партии «Зеленые» за участие в выборах заплатило самый высокий залог в стране – 6 млн руб. Позднее «Зеленых» пытались снять с избирательной гонки за текст одной из листовок, содержание которого можно было трактовать как призывы к межнациональной розни.

В тройку «Единой России» вошли врио губернатора И. Э. Есиповский, председатель Законодательного собрания В. К. Круглов и его заместитель Л. М. Берлина. ЛДПР выдвинула лидера партии В. В. Жириновского и руководителя группы компаний «Фортуна» Н. А. Чекотову. Списки КППРФ и «Справедливой России» возглавили депутаты Государственной Думы РФ С. Г. Левченко и И. Д. Грачев.

Уже на старте избирательной кампании в процессе пересчета бюллетеней была обнаружена серьезная недостача, из-за чего избирательной комиссии пришлось применять меры по дополнительной защите. Также произошел инцидент, связанный с печатью избирательных бюллетеней. По итогам конкурса победила иркутская областная типография № 1. Однако фирма из Красно-

ярска «Регион 38» подала жалобу в Федеральную антимонопольную службу России, заявив, что Агентство по государственному заказу Иркутской области нарушило закон. ФАС объявила конкурс незаконным. В конце концов избирательные бюллетени печатались без всякого конкурса двумя иркутскими типографиями.

На выборы пришли 38,28 % избирателей. «Единая Россия» набрала 49,45 %, а Иркутская область стала в 2008 г. единственным регионом, где на выборах в региональные представительные органы государственной власти «Единая Россия» не набрала по партийным спискам 50 %. ЛДПР набрала 15,07 %, КПРФ – 13,25 %. Самая сложная ситуация возникла в Черемховском районе. В селе Голуметь обнаружилось более 300 «мертвых» душ. От своих должностей были освобождены председатели городской и районной территориальных комиссий. Профессор ИГУ С. И. Шишкин в течение трех лет доказывал свою победу во всех судах, включая Верховный. Однако в последней инстанции она была возвращена Г. Франтенко, генеральному директору СХАО «Белореченское».

Глава региона И. Э. Есиповский по итогам выборов заявил, что победил «здравый смысл» [6, с. 3]. 26 октября 2008 г. на первой сессии председателем регионального парламента избрана Л. М. Берлина. Законодательное собрание избрано на пять лет. В нем действуют четыре фракции: «Единая Россия» (36 депутатов), «КПРФ» (5 депутатов), «ЛДПР» (4 депутата), «Справедливая Россия» (2 депутата).

20 ноября 2008 г. Президент РФ предложил парламенту кандидатуру И. Э. Есиповского для наделения полномочиями губернатора. Представление было подписано за день до истечения 35-дневного срока, отведенного Президенту РФ Федеральным конституционным законом, регламентирующим формирование нового субъекта. Выдвижение кандидатуры И. Э. Есиповского, экс-депутата Государственной Думы РФ, было обусловлено неформальной приближенностью кандидата к генеральному директору ОАО «Российские технологии», уроженцу Иркутской области С. В. Чемезову, а также отсутствием значимых претензий к его семимесячной работе в Иркутской области.

В связи с объединением Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с 1 января 2009 г. юридически Иркутская область стала новым субъектом Российской Федерации. Соответственно ей был нужен новый устав.

В связи с объединением в Иркутской области поменялась структура исполнительной власти. Вместо администрации было создано и приступило к работе Правительство Иркутской области. И эти изменения также нашли свое отражение в проекте Устава [1, с. 3].

Устав объединенного субъекта РФ – Иркутской области – стал важнейшим документом, принятым Законодательным собранием региона первого созыва. В Устав было внесено несколько новшеств. Так, предусмотрена новая форма исполнительного органа государственной власти региона – Правительство Иркутской области, возглавляемое губернатором. Закреплено количество избираемых депутатов: с 2013 г. в Законодательное собрание области будут избираться 45 депутатов, из которых 22 – по одномандатным округам, а 23 – по партийным спискам. В новом Уставе закреплён особый статус Усть-Ордынского Бурятского округа в составе объединенного региона. 17 ноября 2010 г. был принят региональный закон «Об Усть-Ордынском Бурятском округе как административно-территориальной единице Иркутской области с особым статусом».

В феврале 2009 г. в Иркутске прошло заседание президиума Государственного совета РФ с участием Президента РФ Д. А. Медведева. Однако в целом ситуация была далека от спокойной в связи с закрытием в Иркутске Высшего военного авиационного института и передислокацией его в Воронеж, а также событиями вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Кроме того, областные власти решили разрабатывать очередную стратегию развития региона, отказавшись от наработок предыдущих лет, в том числе и проекта агломерации. Один из разработчиков проекта А. П. Козьмин выступил с резкой критикой по этому поводу.

В апреле 2009 г. в «Независимой газете» появилась статья о скорой отставке губернатора И. Э. Есиповского. Поводом для «заявления об увольнении» якобы послужил тот факт, что у премьера Путина возникли вопросы к тому, как И. Э. Есиповский проводил кредитную политику, будучи генеральным директором АвтоВАЗа в 2005 г. Губернатор опроверг эти слухи. В ночь с 9 на 10 мая 2009 г. он трагически погиб в авиакатастрофе.

Губернатором Иркутской области был назначен заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, сенатор от Иркутской области с 2002 г. Д. Ф. Мезенцев. Смена четырех губернаторов за короткий срок поставила федеральные власти в неловкую ситуацию. После введения системы назначе-

ний глав регионов федеральный центр превратился в заложников губернаторов. Так комментировали смены уже назначенных губернаторов некоторые московские эксперты [2].

Назначение А. Г. Тишанина на пост губернатора Иркутской области в 2005 г. казалось для Кремля удачным, на тот момент, выходом из «иркутского тупика». В регионе было такое сплетение интересов разных финансово-промышленных групп и местной политической элиты, что нельзя было гарантировать, что преемник Б. А. Говорина не столкнется с региональной «фрондой». Однако произошло столкновение двух менталитетов, двух образов «политического мышления». А. Г. Тишанин, будучи менеджером полувоенного ведомства – Восточно-Сибирской железной дороги, привык к ситуации, в которой каждый знает свой ранг и иерархию подчинения. Депутатский корпус во главе с В. К. Кругловым действовал в системе политических соглашений и договоренностей, взаимных обязательств, где ранг есть понятие относительное, меняющееся от обстоятельств [8]. И понятие «совместная работа» понималось каждой стороной по-своему.

Губернаторский срок А. Г. Тишанина не был продолжительным, но его имя войдет в современную историю России как самого молодого губернатора, а потом и первого в России губернатора, возглавлявшего одновременно два субъекта Федерации.

У И. Э. Есиповского не было ни крупных успехов, ни серьезных ошибок. У него не было и видимых конфликтов с региональным парламентом, но многих не устраивал жесткий стиль политического менеджмента его первого заместителя, С. М. Сокола, бывшего вице-губернатора Красноярского края. Администрации Есиповского, трансформированной в Правительство Иркутской области, удалось резко усилить свое влияние во вновь избранном представительном органе власти – Законодательном собрании первого созыва объединенного субъекта Федерации.

Представление Президентом кандидатуры Д. Ф. Мезенцева летом 2009 г. было положительно воспринято в регионе. Уже в месяц назначения Д. Ф. Мезенцев побил сразу два рекорда: во-первых, он был утвержден депутатами Законодательного собрания единогласно, чего не удавалось ни один из предыдущих губернаторов-«назначенцев», а во-вторых, вступил в должность в день утверждения его кандидатуры, став самым «стремительным» губернатором за всю историю Иркутской области. Он также стал самым популярным иркутским губернатором у прави-

тельствующих чиновников – во второй половине 2009 г. в регионе началось настоящее паломничество фигур федерального масштаба. Первой крупной политической кампанией губернаторства Мезенцева стало предложение мэру г. Иркутска В. В. Якубовскому, 12 лет руководившему областным центром, стать членом Совета Федерации от Иркутской области, имевшее следствием его досрочную отставку и назначение выборов в областном центре. Значимым, и начавшим серию политических проблем губернатора, решением главы региона стала поддержка мэра Братска С. В. Серебренникова, которого «Единая Россия» заявила своим кандидатом на выборы главы Иркутска в марте 2010 г. Выборы «партия власти» проиграла, и мэром Иркутска был избран кандидат от КПРФ В. И. Кондрашов. Еще одно разгромное поражение «Единая Россия» тогда потерпела на севере области – мэром Усть-Илимска стал кандидат от «Справедливой России» В. Ташкинов с результатом 70 %. Однако уже через год политическое «статус-кво» было восстановлено: оба мэра не просто стали членами «Единой России», но и вошли в ее региональный политический совет.

Вступление Д. Ф. Мезенцева в должность губернатора совпало с рядом кризисных моментов. Закрытие БЦБК еще при И. Е. Есиповском привело к сокращению более 1000 сотрудников комбината, поэтому Мезенцеву пришлось договариваться с собственником о возобновлении его работы. Губернатор восстановил деятельность Регионального совета, представительства Иркутской области в Монголии, активно посещал заседания регионального парламента. В своем первом отчете перед депутатами Законодательного собрания области в мае 2010 г. он сделал акцент «на важности взаимоотношений с федеральным центром». Благодаря совместной работе с Президентом РФ и правительством в регион удалось привлечь прямое выделение субвенций и кредитование свыше 8 млрд руб. Быстро сдвинулось с мертвой точки решение вопроса о юбилее Иркутска. Указом Президента РФ Д. А. Медведева был создан оргкомитет под руководством главы администрации президента С. Е. Нарышкина. Главными стройками Иркутска стали набережная Ангары, зона исторической застройки «Иркутская слобода», здание областной научной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского, Ледовый дворец, новые памятники и дороги.

Серьезные проблемы постоянно возникали в политическом пространстве региона. Не проработав и года, покинули свои по-

сты два первых заместителя главы администрации – А. С. Битаров и Ю. В. Параничев. Большинство ключевых портфелей занимали не местные, а приезжие политики (И. Е. Хоменко, А. Б. Лобаков, С. Д. Аникеев, В. В. Гребенников, А. Я. Школьник, И. Н. Корнеев, В. А. Нечаев), что отрицательно воспринималось местной элитой.

4 декабря 2011 г. состоялись выборы депутатов Государственной Думы РФ шестого созыва. В результате выборов в Иркутской области «Единая Россия» набрала 34,93 %, КПРФ – 27,79 %, ЛДПР – 17,34 %, «Справедливая Россия» – 13,36 %. В итоге «Единая Россия» получила два места, и их заняли А. В. Романов и С. Ю. Тен, КПРФ также два – С. Г. Левченко и Е. А. Рульков. От ЛДПР Иркутскую область в Госдуме представляет А. К. Луговой, «Справедливая Россия» отправила бывшего помощника депутата Госдумы И. Грачева А. В. Крутова. Сам И. Д. Грачев избран в Думу по общефедеральному списку партии.

14 декабря 2011 г. президент ОАО «РЖД» В. Якунин в ходе визита в Иркутск на церемонии представления нового начальника ВСЖД объявил о планах корпорации поддержать выдвижение губернатора Д. Ф. Мезенцева кандидатом в президенты страны. Но он не был зарегистрирован Центральной избирательной комиссией РФ по причине нехватки достаточного количества достоверных подписей.

Выборы Президента Российской Федерации прошли 4 марта 2012 г. Иркутская область показала стандартный результат в последние годы – самый низкий по явке в Сибирском федеральном округе и такой же в поддержку В. В. Путина. Уровень поддержки В. В. Путина по области превысил 55 %.

2 мая 2012 г. Президент РФ Д. А. Медведев в рамках принятой им политической реформы подписал изменение в федеральное законодательство, по которому возвращены выборы глав субъектов РФ. Д. Ф. Мезенцев заявил, что готов руководить областью до окончания своих полномочий в 2014 г., а потом участвовать в выборах губернатора, но 18 мая Президент В. В. Путин удовлетворил его прошение об отставке.

29 мая 2012 г. депутаты Законодательного собрания наделили полномочиями губернатора Иркутской области С. В. Ерощенко, президента группы компаний «Истлэнд», несколько месяцев возглавлявшего региональное отделение партии «Правое дело». Смена губернатора Иркутской области произошла в контексте

учреждения государственной корпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока и значительного места, которое занимает Иркутская область в планах работы этой корпорации.

Вопросы для самоконтроля

1. Расскажите о роли Законодательного собрания Иркутской области в развитии демократических институтов.
2. Назовите причины политического и экономического противостояния региональных элит Иркутской области в 2000-е гг.
3. Перечислите произошедшие институциональные изменения в политической сфере Иркутской области. Дайте им характеристику.
4. Как вы думаете, почему Б. А. Говорин одержал победу на выборах 2001 г.?
5. Почему, на ваш взгляд, проект агломерации Иркутска оказался не реализованным? Назовите плюсы и минусы проекта. Что в нем больше – политического или экономического?
6. Дайте характеристику всем назначенным губернаторам в Иркутской области. Есть ли различия между губернаторами, избранными населением, и назначенными федеральной и региональной органами государственной власти?
7. Дайте характеристику современному политическому пространству в регионе. Если бы выборы губернатора Иркутской области состоялись в ближайший год, кто из представителей политической элиты мог бы претендовать на данный пост?

Литература

1. Андреева О. В ответе за Устав // Областная. – 2008. – 8 дек.
2. Кынев А. Федеральный центр стал заложником губернаторов [Электронный ресурс] / А. Кынев. – URL: <http://www.politrus.com/2011/03/10/александр-кынев-3>.
3. Обращение депутатов Законодательного собрания Иркутской области Президенту РФ В. В. Путину [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.babr.ru/?IDE=44606>.
4. Обращение к городским (районным) Думам // Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 21 февр.
5. Пронин Ю. Вот это были выборы // Байк. вести. – 2011. – 15 авг.
6. Сергеева Ю. Пора беспрецедентных побед / Ю. Сергеева, Н. Гаврилова // Конкурент-ВСП. – 2008. – 18 окт.
7. Тростников Д. Обратный отсчет губернатора Говорина / Д. Тростников, Т. Дугаржапов // Континент-Сибирь. – 2004. – 18 июня.
8. Хагаалганов Б. О роли личности в иркутской политике [Электронный ресурс] / Б. Хагаалганов. – URL: http://e-baikal.ru/news?record_id=10215.

§ 3. Процессы формирования гражданского общества

Говоря об истории гражданского общества в Иркутской области, необходимо отметить ряд особенностей региона, повлиявших на этот процесс. С одной стороны, большой и разнообразный культурный капитал, влияющий на возможность постоянной актуализации разных тем предыдущего исторического развития Приангарья. К его составляющим можно отнести:

- Иркутск и Братск (старый) – одни из немногих городов – форпостов (наряду с Якутском, Красноярском, Тобольском) первой волны освоения Сибири Россией;
- Иркутск – купеческий город, центр российско-китайской торговли (связанный с этим «миф о купцах-филантропах»);
- место ссылки и пребывания ссыльных (связанные с этим «декабристский миф» и миф «сибирского областничества»);
- важное место Иркутска в событиях Гражданской войны в Сибири, ее специфике (это воспроизводится в «колчаковском мифе» и «кладоискательском мифе»);
- советская модернизация Сибири (с ее взаимосвязанными «мифологиями» Тайшетлага и Братской ГЭС).

Возможность постоянной актуализации этих тем, их интерпретации во многом влияет на динамику развития современного гражданского общества. С другой (реальной) стороны – центр региона, без освоения которого сложно говорить о реализации стратегических планов развития страны в XXI в. (газовые и нефтяные ресурсы; золото; лес, развитие гидроэнергетики; химическая и алюминиевая промышленность, Байкал как всемирное достояние). Большую роль сыграли особенности советской региональной модернизации, ориентированной на развитие мощной промышленной и энергетической базы, создававшие структурные условия для развития региональной полицентричности в постсоветский период – ориентация на разные отраслевые министерства и возникновение при этом разных групповых интересов, встроенных в областную партийную и административно-хозяйственную элиту – повлияли на достаточное разнообразие политической истории Иркутской области в постсоветский период, в свою очередь способствуя развитию гражданского общества.

Полицентричность, диверсифицированность, гетерогенность региональной политики проявилась еще в конце 80-х гг.

Она хорошо просматривается не только на примере развития экологического движения, имеющего советские корни, но и проявляется в ярких образцах массового движения, которые существовали именно в этот период – общественные клубы, молодежное движение, переплетение экологии и политических требований – перестройки, гласности. Можно говорить о всплеске гражданской активности в этот период. Политолог А. Аузан, оценивая в целом роль массовых движений в этот период, считает, что сыграл свою роль накопленный в советское время социальный капитал [2]. В Иркутске центрами такого движения были Академгородок и вузовская среда. И это не было случайностью.

Одна из интерпретаций гражданского общества связывает его с феноменом «политической нации». Об этом рассуждает еще А. де Токвиль в изданной в XIX в. книге «Демократия в Америке»: «Именно нация, которая считает себя ответственной за свое политическое руководство, и есть фундаментальная основа гражданского общества» [14, с. 143]. Что же такое политическая нация в России и как она проявляется, в том числе, и на региональном уровне? Можно ли по истории Иркутска – обычного провинциального города, «не хуже и не лучше других», – проследить историю формирования гражданского общества, в этом ключе? Л. Алексеева в своей монографии «История инакомыслия в России...» прямо указывает, что «в Сибири есть только два города – Новосибирск и Иркутск, где диссидентское движение приняло достаточно серьезные и значительные формы...» [1, с. 29]. И это действительно так. Почему именно Новосибирск и Иркутск стали центрами демократического движения в Сибири, – до сих пор это вопрос открытый и малоисследованный. По мнению иркутского историка и литературоведа В. Трушкина, многие деятели высшего образования и культуры после «хрущевской амнистии» и отбытия наказания по политическим статьям (знаменитая 58-я и ее десять пунктов) оставались преподавать в иркутских вузах [15, с. 14–15]. Возможны иногда и очень случайные (субъективные) причины. Например, факультет охотоведения Московского пушно-мехового института переехал в Иркутск (при Н. С. Хрущеве). Долгое время это был один из самых «престижных» факультетов Иркутской государственной сельскохозяйственной академии. В то время на нем учились, в том числе, два ставших известными человека. Один – А. Мень, будущий знаменитый священник, один из руководителей «живой» церкви, ду-

ховник А. Галича и других известных диссидентов (исключен перед защитой диплома по решению партийной организации «за религиозные убеждения и пропаганду») [3, с. 8–11]. И второй – Г. Якунин, будущий священник, диссидент и политик начала 90-х (затем «запрещен в служении» в РПЦ МП). Одновременно после ссылки в Иркутской сельскохозяйственной академии преподавателем марксистко-ленинской философии стал работать П. Абовин-Егидес, который позже также превратился в известного деятеля диссидентского движения. Вот так этот «вирус» попал в Восточную Сибирь «легальным» путем. В Чунском и Братском районах по-прежнему действовали колонии, в которых в 50–60-е гг. содержались политические заключенные. Именно здесь отбывали заключение известный петербургский диссидент, друг академика Сахарова Р. Пименов [10, с. 444–456, 472–476] и активист диссидентского движения А. Марченко (здесь же, после знаменитой демонстрации на Красной площади 1968 г., находилась в ссылке его жена Л. Богораз) [4, с. 14–30].

В 60–70-х гг. в Иркутске, на базе «Творческого объединения молодых» (ТОМ) при Иркутской областной организации СП СССР, под руководством М. Сергеева начинали творить и печататься молодые выпускники и студенты Иркутского государственного университета (ИГУ): А. Вампилов, С. Иоффе, В. Распутин, Ю. Самсонов, А. Сокольников, Ю. Скоп, В. Шугаев, Б. Черных. К ним присоединились окончивший Литературный институт дальневосточник А. Кобенков, строитель Братской ГЭС П. Пиница, представлявшие старшее поколение поэт Петр Реутский и прозаик Д. Сергеев. Эта творческая генерация сибиряков в истории литературы часто именуется «Иркутской стенкой», многие из них впоследствии стали признанными и известными писателями. Почти все они трудились в редакции областной газеты «Советская молодежь». Именно в этой газете печатали первые очерки А. Вампилов (псевд. Санин) и В. Распутин. Несомненно, на них оказали огромное влияние дискуссии, начавшиеся с речи М. Шолохова на XXII съезде КПСС и тогда не сразу запрещенные властью, вокруг строительства на южном Байкале целлюлозно-бумажного комбината (Байкальского ЦБК), и однозначно отрицательное мнение об этом проекте иркутской интеллигенции, особенно знаменитого ученого-байкаловеда М. Кожова (отраженные, правда, в «кривом зеркале», в известном фильме «У озера» С. Герасимова).

В Иркутском университете в 1956 г. иркутянин Л. Бородин, впоследствии известный писатель, редактор журнала «Москва» (ушедший из жизни в 2011 г.), тогда учившийся на историко-филологическом факультете, создал студенческую студию «Свободное слово», участники которой обсуждали события общественно-политической жизни в СССР. Соответствующими органами эта группа была «разоблачена». Пострадал, конечно же, организатор – Л. Бородин. Его исключили из ВЛКСМ и из университета, но уголовного дела не заводили. Затем на историко-филологическом факультете возникло так называемое дело поэтов. Молодые студенты, филологи, историки и журналисты, организовали дискуссию на тему «Правильный ли социализм у нас, и каким он может быть?». Это был 1967 г., а в 1968-м грянула «пражская весна». Заочник П. Пиница и А. Сокольников были, естественно, исключены из ИГУ. Они состоялись как поэты, но их жизнь была изломана. Следует отметить, что роль «провинциального Бенкендорфа» в эти годы, по выражению одного из мемуаристов, с успехом выполнял в регионе многолетний секретарь ОК КПСС по идеологии Е. Антипин: «Именно он стоял «черной тенью» за спиной А. Вампилова, Д. Сергеева, Ю. Самсонова, именно с его подачи снимались с журнальных полос вампиловские пьесы, его указующий перст не давал Вампилову многие годы пробиться на сцену в родном городе...» [17, с. 232–234]. И, как ни странно, он же опубликовал в «Советской культуре» хвалебные строки: «Третий сезон не сходят с афиш пьесы безвременно ушедшего из жизни одаренного драматурга А. Вампилова...» [13, с. 3]. Именно идеологический отдел обкома партии закрыл в Иркутске фестиваль бардовской песни, где зрителям запомнилось яркое выступление ансамбля «ГИТУРИСТ» под руководством А. Марчука (героя «Братской ГЭС» Е. Евтушенко и песен А. Пахмутовой). Особенно отчетливо «партийная рука» в руководстве литературой проявилась в 1967 г. после публикации в альманахе «Ангара» знаменитой повести А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке». До одного из авторов данного очерка дошел экземпляр альманаха с глубокомысленной резолюцией партийного начальника: «...Много безответственной чепухи». После этого решением бюро ОК КПСС талантливый писатель – фантаст Ю. Самсонов был снят с поста редактора, а в соседней Бурятии вообще «разогнали» всю редакцию альманаха «Байкал» после публикации второй части «Улитки на склоне» Стругацких.

Иркутский университет по-прежнему оставался «рассадником антисоветских настроений» и пользовался особым вниманием как партийных, органов, так и так называемого 5-го управления КГБ, отвечавшего за идеологический надзор. В 1982–1983 гг. возникло так называемое дело «Вампиловского товарищества». Организатором этого неформального кружка, состоявшего из аспирантов и студентов ИГУ, а также старшеклассников, был недоучившийся юрист, журналист и комсомольский работник Б. Черных (автор изданного за рубежом романа «Садовник»). Обычно участники кружка собирались в Ботаническом саду ИГУ, где Черных работал тогда сторожем. Обсуждали политические новости, читали попадавшие в Иркутск экземпляры «самиздата». В деле «Вампиловского товарищества» сплелись, с одной стороны, искреннее неприятие официальной фальши строя, чистые стремления людей, которые хотели «чего-то другого». Но все-таки это не было попыткой создания «организации антисоветского толка». Это были люди, которые пытались бороться за «социализм с человеческим лицом», по примеру Чехословакии. А, с другой стороны, в Москве развивалось правозащитное движение, выходила «Хроника текущих событий». «Пятое управление» во главе с Ф. Бобковым должно было показывать эффективность своей работы, вынуждая к этому и региональные управления. Ведь Ю. Андропов был ярким ненавистником диссидентства (во многом на это повлиял 1956 г., когда, будучи послом в Венгрии, он стал свидетелем всех эксцессов Будапештского восстания). Была дана установка всем подразделениям: «искать инакомыслящих». В Иркутске местное КГБ их успешно находило. Кроме Черных, осужденного на длительный срок, возникло «дело Федора Боровского», который отсидел несколько лет за самиздат, подверглись преследованиям Г. Хороших [16, с. 8–23] и Сергей Паюк, другие представители иркутской интеллигенции. Около десятка людей в нашем регионе, так или иначе, тогда оказались репрессированными по политическим мотивам. Видимо, это отражало соотношение населения СССР и диссидентского движения, которое всегда было уделом очень узкого круга интеллигенции. В Иркутске также было закрыто несколько неформальных организаций («риховцы», «кришнаиты», студенты, выпускавшие рукописные газеты («Свеча», «Серебряная кошка» в ИГУ и др.), в 1980 г. в Усть-Илимске был запрещен спектакль местного молодежного театра по песням Владимира Высоцкого. Все перечисленные и

многие другие события и процессы, до сих пор мало исследованные и слабо представленные в официальной истории советской эпохи, и заложили ту основу, которая ярко проявилась во времена перестройки и в постсоветский период.

Конец 80-х гг. в Иркутске был в принципе таким же, как и в большинстве городов СССР. В Москве М. Горбачев объявил о «перестройке», потом о «гласности», пресса начала кампанию возвращения запрещенной и забытой литературы. Большое влияние на настроения иркутской интеллигенции оказали проведенные в городе съемки телепрограммы В. Познера и популярного американского тележурналиста Ф. Донахью. В зале Центра научно-технической информации присутствовало несколько сотен горожан, задавались достаточно острые вопросы, затем все это было показано по всесоюзному ТВ. Несколько позже в Доме политпросвещения прошел вечер встречи иркутян с редакцией журнала «Наш современник», где развернулась острая показательная дискуссия сторонников и противников перестройки. От так называемого патриотического лагеря выступали С. Викулов (главный редактор «Нашего современника»), публицист М. Лобанов, поэт С. Куняев, историк А. Кузьмин, но наиболее ярким было выступление В. Астафьева, назвавшего А. Солженицына «самым великим писателем XX в.». В здании Президиума СО АН СССР также прошла острая дискуссия о патриотизме, где впервые присутствовали и православные священнослужители во главе с Архиепископом Иркутским и Братским Хризостомом. Постепенно ответственность города и региона по политическим симпатиям и устремлениям все более разделялась на «патриотическую» и «демократическую», причем первая явно пользовалась поддержкой ОК КПСС, а вторая – Президиума СО АН и ректоров большинства иркутских вузов. В частности, это противостояние ярко проявилось при обсуждении талантливых постановок в Иркутском театре юного зрителя (ТЮЗ) его главного режиссера В. Кокорина («Мальш» по А. и Б. Стругацким, «Высокое напряжение» по Андрею Платонову и, особенно при постановке байроновского «Каина»). Патриотическая общественность негодовала, что «Каин» был поставлен в церковном помещении, раздавались упреки в «демонизме» и «богохульстве». Это противостояние двух общественных групп вылилось впоследствии в раскол писательской организации на «демократическую» («Союз российских писателей») и «патриотическую» («Союз писателей России»).

В ТЮЗе начинал работу и талантливый выпускник Ленинградской консерватории В. Соколов, создавший одну из первых в регионе рок-группу «Пилигримы» и выделившийся из нее рок-дуэт «Белый острог». Впоследствии, рок-движение активно развивалось в городе и области, работали Иркутский рок-клуб, Ангарское творческое объединение молодых (ТОМ-2). Именно здесь выдвинулись яркие музыканты и певцы, некоторые из них, например рок-бард В. Мазитов, стали популярны и в России (песни Мазитова входили в хит-парады FM-радиостанций). По линии рок-клубов в Иркутске и Ангарске гастролировали петербургские и московские группы («Звуки МУ», «Телевизор», «Нюанс», «Чайф», «Алиби» и др.), проводились рок-фестивали, где слушатели с восторгом встречали и местных певцов и музыкантов (С. Карышева, А. Рыбакова и др.).

В это же время возникли дискуссионные клубы, которые в определенной степени расширяли рамки политического сознания людей. Первое заседание такого клуба в Иркутске прошло во Дворце профсоюзов, где присутствовало более 200 человек (вели его философы Михаил Рожанский и Валерий Бобровников). Именно там один из участников впервые употребил термин «сталинщина». Надо отдать должное газете «Советская молодежь» (редактор О. Желтовский), которая напечатала всю дискуссию. Так как тираж газеты был достаточно большим, то несколько десятков тысяч человек прочитали этот текст. На областном ТВ прошла передача, посвященная демократии как основному вектору политического развития страны, в которой участвовала большая группа преподавателей, аспирантов и студентов исторического факультета ИГУ. После этого дискуссии в городе стали очень популярны. Можно даже сказать, что весь город на какое-то время превратился в один дискуссионный клуб, где политические споры велись по самым разным поводам. В 1989 г. в ДК «Юбилейный» в Академгородке устроили «суд над КПСС», все 300 мест в зале были заняты, а на улице стояли еще около тысячи человек и слушали дискуссию через динамики. На базе таких дискуссий в Академгородке возник постоянно действующий «Клуб гражданских инициатив». Горожане буквально записывались на заседания, так как мест там не хватало.

Значительным событием для интеллигенции региона было появление в 1990 г. 2 выпусков общественно-политического и культурно-публицистического альманаха «Голос» (тираж 10 тыс.

экземпляров), идея выпуска которого родилась в коллективе Восточно-Сибирского книжного издательства (составители – главный редактор издательства Ю. Багаев и журналист и издатель Г. Сапронов). Здесь впервые в СССР была опубликована подборка эмигрантской поэзии (от Б. Савинкова до Р. Мандельштама и И. Бродского), а также материалы философского наследия Г. Федотова, И. Покровского, М. Гефтера, публицистические статьи иркутских ученых В. Дятлова, В. Игнатенко, С. Шишкина, воспоминания о чунской ссылке правозащитницы Л. Богораз, впервые к читателю пробились ранее «непечатные» рассказы А. Просекина, Д. Сергеева, М. Успенского и др. Исторические материалы сборника были посвящены событиям Гражданской войны в Иркутске (главы из книги Г. Гинса «Сибирь, союзники, Колчак») и событиям недавней истории («Как перекрывали Ангару» Ю. Самсонова).

Необычайно важной линией в становлении гражданского общества стало экологическое движение. Ученые-естественники из институтов СО АН подняли в газете «Советская молодежь» (или, используя народное название, – «Молодежке») вопрос о Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате (эта проблема, как известно, не решена и до сих пор). Тогда вопрос о необходимости закрытия БЦБК стал одним из главных, об этом дискутировали в неформальном «Гайд-Парке», располагавшемся на набережной Ангары, говорили по радио и телевидению. Возникла идея так называемой трубы. Вопрос был поставлен так: если общественность не хочет, чтобы стоки сливались в Байкал, то давайте тогда проведем водоотвод, и вся грязь будет сливаться в реку Иркут. Водоотвод хотели построить через Тункинскую долину. Когда эта идея была озвучена, возникло массовое движение против «трубы». Начались экологические демонстрации. Первыми «экологическими общественниками» были В. Мадонов, В. Наумов, Л. Тергоев и другие, в основном работники институтов Академгородка. Их несколько раз забирали в милицию, штрафовали, но они оставались верны своей позиции. Экологическое движение не могло в тот период существовать вне политики, и экологи объединились с «Клубом гражданских инициатив», который быстро стал ядром демократического движения города и региона. Клуб во многом способствовал развитию гражданского общества в Иркутске.

Летом 1989 г. на трибунах стадиона Иркутского политехнического института было объявлено о создании «Байкальского народного фронта». На вопрос представителей горкома КПСС – а зачем нужен «Народный фронт», – одним из представителей демократического движения был дан ответ: «В Конституции СССР есть такое понятие “блок коммунистов и беспартийных”. Как должны беспартийные структурировать свои политические интересы? Они будут выражаться через народофронтовское движение». К сожалению, Байкальский народный фронт не был институционализирован формально, хотя и существовал Координационный комитет, так как лидеры как огня боялись всяких руководящих органов, считая, что при демократии они не нужны. «Клуб гражданских инициатив» (КГИ) тем временем ориентировался на все более и более радикальные действия. Во многих городах страны тогда прошли митинги с требованием отставки областных комитетов КПСС. Началось опять же на историческом факультете ИГУ, когда 100 % партийного собрания – коммунисты истфака – выразили недоверие Кировскому райкому и областному комитету КПСС. В той ситуации «антиобкомовское движение» вылилось в мощный митинг на набережной Ангары, где около 1000 участников в присутствии первого секретаря обкома В. Потапова потребовали его отставки. Даже тогдашний руководитель Управления КГБ по Иркутской области И. Федосеев тоже выступил с жесткой критикой обкома, не побоявшись приехать и в КГИ.

Все эти события стимулировали создание новых политических организаций. Одной из первых стал так называемый Социалистический клуб (руководитель журналист И. Подшивалов). Члены социалистического клуба исповедовали различные левые идеи, в том числе идеологию анархо-синдикализма, связанную с концепцией свободных профсоюзов. Они защищали людей, которых пытались выселять из домов (ярким примером является знаменитая «осада на улице Фурье», когда жильцы и анархо-синдикалисты сражались против выселения с милицией). Затем возникла организация Демократического союза (руководитель П. Малых). В Иркутск приехала В. Новодворская, и Демократический союз провел митинг на крыльце обкома КПСС с лозунгами «Долой советскую власть!». Появились организации «Социалистическая партия», «Христианские демократы». Акции гражданского неповиновения было очень много. Иркутская организация к 1990 г. была одной из самых сильных в «Демократической

России». Профессор Ю. Афанасьев – тогда ректор Историко-архивного института (ныне РГГУ), и вместе с Б. Ельциным и А. Сахаровым один из лидеров Межрегиональной депутатской группы, говорил на Учредительном съезде «Демократической России»: «Если бы не было точек в Сибири, в Иркутске, на Дальнем Востоке, во Владивостоке, я даже и не знаю, как бы мы существовали, и какой бы была “Демократическая Россия”».

В 1989 г. в стране началась кампания по выборам на Съезд народных депутатов СССР. В ней приняли активное участие и демократические организации. При их поддержке депутатом стал экономист Г. Фильшин (затем недолго работавший в Правительстве И. Силаева, впоследствии торговый представитель Иркутской области в Австрии). В следующем году выборы на Съезд народных депутатов РСФСР принесли в области успех демократическим кандидатам. Депутатами стали рабочий Г. Алексеев, журналист И. Широбоков (впоследствии представитель Президента РФ в Иркутской области) и писатель, летчик В. Хайрюзов (впоследствии примкнувший к КПРФ).

Одновременно в регионе началась подготовка к выборам в областной Совет. В Институте систем энергетики ИИЦ РАН кандидаты в депутаты областного Совета В. Воронин, А. Грановский, В. Игнатенко, В. Наумов, Ю. Удодов впервые подписали Декларацию межрайонной группы кандидатов в депутаты. Все они были избраны депутатами областного Совета. Это была первая попытка создания системной оппозиции в представительной власти. Затем к этой группе присоединилось более 30 депутатов (Иркутск, Братск, Ангарск, Усть-Илимск), а в 1991 г. юрист В. Игнатенко стал председателем областного Совета.

События августа 1991 г. были для иркутян и жителей области неожиданностью, но благодаря разнице во времени, пока Москва еще просыпалась, в газете «Советская молодежь» уже было опубликовано обращение депутатов Областного совета (автор текста О. Воронин), подписанное В. Арсентьевым, В. Ворониным, О. Желтовским, С. Нечаевым, Ю. Удодовым, с выражением недоверия ГКЧП и поддержки Президента РСФСР Б. Н. Ельцина. Этот текст был единственным на первой чистой полосе газеты, так как все остальные материалы были запрещены цензурой. Тем не менее «Советская молодежь» – единственная газета в области, продолжавшая выходить, на следующий день напечатала резолюцию самого большого митинга в истории региона (на площади

у Дворца спорта 20 августа собралось не менее 10 тыс. участников). В начале митинга мэр Иркутска Б. Говорин заявил, что больше не считает себя членом КПСС, а затем была принята резолюция, возлагающая вину за попытку переворота на КПСС. В эти дни двери областной администрации были широко открыты для всех граждан. 21 августа в двух кабинетах Облсовета у В. Игнатенко и у Ю. Ножикова – председателя облисполкома – работали телевизоры, и арест ГКЧП и заседание Верховного Совета смотрели не менее двухсот человек. «Советская молодежь» опубликовала полученные «Демократической Россией» из Москвы биографии членов ГКЧП и также активно освещала деятельность депутатской комиссии по расследованию деятельности местного ТВ в дни путча.

Сейчас политологи и историки сходятся во мнении, что события 22–24 августа следует считать «ельцинским контрпереворотом». 22 августа В. Спиринов, тогда первый секретарь Иркутского обкома КПСС, не был допущен в «Серый дом». А В. Игнатенко, согласно указу Президента Ельцина, опечатал кабинеты областного комитета партии. Некоторое время С. Левченко – новый секретарь Обкома и другие коммунисты региона – существовали в составе так называемой Социалистической партии труда. И только когда Конституционный Суд заявил, что запрещение КПСС незаконно, возникла КПрФ как правопреемник КПСС, и местные коммунисты восстановили областной комитет КПрФ.

Период с августа 1991 по октябрь 1993 г., так называемой августовской республики, характерен не только произошедшим в декабре распадом СССР. Для истории региона важно, что в это время параллельно существовали две абсолютно несовместимые системы: президентская исполнительная власть и система советов. Поэтому события октября 1993 г. и московское противостояние, унесшее, только по официальным данным, более 150 человеческих жизней, не могло пройти для региона бесследно. В октябре был распущен Областной совет, но благодаря твердой позиции Ю. Ножикова, ставшего не только легитимным лидером региона, но и наиболее популярной публичной фигурой, никакого кровопролития не произошло, областная власть поддержала Президента, Ножиков сохранил свой пост, а весной 1994 г. путем выборов региональная власть была конституирована.

Если рассматривать развитие региона на переломе веков, с точки зрения дальнейшего формирования и укрепления граждан-

ского общества, то следует, прежде всего, отметить резко усилившееся влияние СМИ на процессы, происходящие в Приангарье. Причем это явление неоднозначно, так как большое количество мелких бумажных СМИ, появившихся на рубеже 1990–2000-х гг., были недолговечными, «выжили» лишь несколько «издательских домов». «Советская молодежь», объединившись с таблоидом «№ 1» (ныне «СМ-№ 1»), практически перестала освещать политическую жизнь региона, то же самое произошло с региональной редакцией «Комсомольской правды» (агентство «КП-Байкал»). Уровень качественной прессы старается поддерживать издательский дом «ВСП» (газета «Восточно-Сибирская правда», издающаяся с 1918 г., новая газета «Конкурент», газета «Сибирский энергетик» и др., президент А. Гимельштейн). Законодательное собрание, получив на пару с администрацией собственное СМИ, газету «Областная», так и не смогло сделать ее рентабельной. Но и эти издания сильно зависят от крупного бизнеса и региональной власти. Другие же печатные СМИ: «Земля», «Байкальские вести» (Иркутск), «Свеча», «Ангарские ведомости» (Ангарск) «Усть-Илимский лесохимик» своей политической позиции не имеют, а выражают быстро меняющиеся коммерческие интересы их владельцев и учредителей (например, «Приангарье» – газета местной организации КПРФ). Интересен факт появления нескольких изданий «правозащитной направленности» («Народный контроль», «Сибирь без цензуры» и др.), но пока их содержательное, и полиграфическое качество очень низки, тиражи мизерны и серьезного влияния на процессы, происходящие в области, они не имеют. Районные газеты продолжают выходить, но чаще всего ограничиваются изложением позиций местных администраций.

Одновременно все большее влияние приобретают электронные СМИ (ТВ в 2000-х), IT-СМИ (в начале нынешнего десятилетия). Если рассматривать эти параметры применительно к медиэлите Иркутской области, то наиболее влиятельным актором окажется медиахолдинг «АС Байкал-ТВ» (президент А. Тюников). В 2000-х гг. холдинг ретранслировал ряд федеральных каналов (НТВ, СТС, РЕН ТВ), в него входила радиостанция «Эхо Москвы в Иркутске», он обладал правами на размещение рекламных материалов на Первом канале (через соглашение с «Видео Интернешнл»), таким образом, был относительно независим от региональной исполнительной власти, но слабость финансовой

базы заставляла руководство прибегать к поддержке различных финансово-промышленных групп (РУСАЛ, ранее ЮКОС). Сложно говорить о собственной политической позиции в этом случае, часто она зависела от сиюминутной конъюнктуры. Медиахолдинг «Пионер» (президент А. Базархандаев) по ресурсам был более ограничен и находился под контролем исполнительной власти через владение последней пакетом акций. ТВ-студии в районах области так и не стали существенным инструментом влияния ни политических партий, ни бизнес-групп. С точки зрения влиятельности наиболее слабые позиции были у ИГТРК, так как она полностью зависела от федерального канала «Россия», и в 2007 г. была вообще ликвидирована как юридическое лицо, впрочем, ее ресурс – самое большое, практически 80%-ное, покрытие территории области телевизионным сигналом – сохраняется.

С одной стороны, это подтверждает, что региональные элиты еще сохраняют определенное влияние в системе политических, социальных и неформальных связей на своих территориях, но их господство подвергается эрозии вследствие нарастающего проникновения в регион более мощных по ресурсам московских и петербургских элитных групп, и этот тренд явно преобладает. С другой стороны, политические процессы в Иркутской области, согласно концепции политолога О. Гоман-Голутвиной (речь идет о стране в целом), характеризуются именно растущим влиянием бюрократии и ее доминированием по отношению как к бизнес-элите, так и к «вольным стрелкам», а количество «универсалов», т. е. политических тяжеловесов, одинаково влиятельных и в политике, и в бизнесе, остается весьма незначительным [6, с. 376].

Создание областной (2007) и городской (2010) Общественных палат в Иркутске пока не отразилось существенно на региональных общественно-политических процессах, и, нужно признать, что эти институты не оказывают определяющего воздействия на развитие гражданского общества в регионе. Остается надеяться, что со временем их влияние на работу городской и областной представительной и исполнительной ветвей власти усилится, тем более что в их состав активно вливаются слушатели Иркутской школы публичной политики, созданной фондом «Открытая Россия» в 2003 г. Иркутская ШПП стала шестой в стране. Открывая сеть школ публичной политики, ее создатели ориентировались на пример Московской школы политических исследований Е. Немировской, которая к тому времени уже вы-

пустила более ста молодых и перспективных политиков из различных регионов страны, посещавших лекции и семинары известных российских и международных экспертов. Проект предполагал создание просветительских институтов в более чем 40 регионах России, по окончании которых всем слушателям выдавался сертификат и возможность участия как в семинарах МШПИ, так и в проектах «Открытой России». Первые школы появились в Калининграде, Барнауле, Владивостоке. Позднее к ним стали присоединяться и регионы, и города со сложным политическим рельефом – Бурятия, Татарстан, Краснодар. Именно на открытие Иркутской школы летел М. Ходорковский, арестованный в Новосибирске. Тем не менее, школа успешно работала и дальше, многие из ее слушателей и менеджеров составляют в настоящее время наиболее «продвинутую» группу в региональном политическом и бизнес-менеджменте.

Говоря о развитии СМИ, необходимо упомянуть очень интересное явление, связанное с ростом числа FM-радиостанций в 90-е гг. (это было характерно и в целом для страны). В основном, эти станции задействовали различные музыкальные форматы (среди легендарных станций, зачинателей движения можно упомянуть «Волну Байкала»). В Иркутске, правда, не возникло ничего подобного «Эху Москвы». Но FM-станции стали одним из символов развития в регионе нового феномена, связанного с расширением «частного пространства» граждан, со все увеличивающимися возможностями выбора, в основном связанного с обществом потребления. Именно в ходе этого процесса возникает география ночного «клубного Иркутска», Таиланд становится любимым местом зимнего отдыха иркутян, торговые сети превращаются в обычное место шопинга, меняется сама география застройки города, появляются престижные и депрессивные районы. Все эти процессы не оказывают прямого воздействия на развитие гражданского общества, но они расширяют пространство возможного жизненного выбора (иногда, кстати, за счет отказа от активной гражданской позиции и ухода в мир маленьких житейских радостей). По Токвилю, это ситуация кризиса демократии, возможности наступления «демократического деспотизма», когда вместо того, чтобы пойти и что-то сделать вместе с другими, ты сидишь дома и спокойно занимаешься только своей личной жизнью, которую Токвиль называет по-французски *petits et vulgaires plaisirs* (маленькие вульгарные радости). Но, с другой стороны,

классики исследования политической культуры Г. Алмонд и С. Верба указывали на утопичность предположений о всеобщем участии граждан в политике. В идеальной культуре гражданственности, с их точки зрения, активность и вовлечение граждан должны уравновешиваться некоторой дозой пассивности и неучастия. Пространство частной жизни, знаменитое «прайвеси», с этой точки зрения, становится своего рода резервуаром, «площадкой сборки» возможных проявлений гражданственности в будущем. С этой точки зрения у региона очень хорошие перспективы.

Ярко специфика развития гражданского общества в Иркутском регионе проявилась в этот период во время нескольких знаковых событий. В них как в фокусе отразились разные стороны феномена гражданского общества. Поэтому уместным представляется дать их краткое описание как своего рода показательных для развития гражданского общества в регионе. Первое из них связано с появлением так называемой энергетической оппозиции. Затянувшееся на период второй половины 2000 г. формирование высшего органа законодательной власти Иркутской области очевидным образом свидетельствовало о ситуации, которая может быть определена как политический кризис, предшествовавший выборам губернатора в 2001 г. В ходе нескольких попыток выборов руководящих органов выявились, как минимум, две группы депутатов. Одна выступала в поддержку кандидата, выдвинутого губернатором Б. Говориным; другая отстаивала кандидатуру В. Боровского – в то время генерального директора «Иркутскэнерго». Существуют различные, противоречащие друг другу интерпретации данных событий. На первый взгляд конфликт можно рассматривать просто как борьбу разных ветвей региональной власти. После добровольной отставки Ю. А. Ножикова последующий этап политической борьбы, в отличие от предыдущего массового, который, как мы видели, был связан с активным общественным участием, можно описать как по преимуществу элитный.

Всеми наблюдателями происходящее связывалось с феноменом «Иркутскэнерго», крупнейшей независимой (в то время) региональной энергетической компании. Именно «Иркутскэнерго» рассматривалось многими как фундамент оппозиции в Законодательном собрании, хотя сама связь интерпретировалась по-разному. Для ряда наблюдателей главным в конфликте было непрозрачное выяснение взаимоотношений различных собственников. Все остальное можно рассматривать как идеологическое

прикрытие этой корпоративной «войны интересов». С такой точки зрения подоплека кризиса следующая: «Поскольку методы руководства областью администрацией Б. Говорина являлись “административно-популистскими”, то это неизбежно вело к ущемлению интересов ряда влиятельных корпоративных структур. В политике областной администрации и губернатора упор при этом делался на сохранение существующих и создание новых рабочих мест на промышленных предприятиях. Для обеспечения их работы проводилась политика максимально возможного замораживания цен на энергоносители, что резко уменьшало прибыли энергетиков, угольщиков и производителей нефтепродуктов» [5, с. 59–76].

Для других – это «выяснение взаимоотношений» Иркутской области и федерального центра. В данном случае необходимо сделать оговорку: в случае борьбы интересов центр, так или иначе, тоже был задействован. Но в отличие от первой интерпретации во второй сделан акцент не на внутренней динамике развития региона, а на его взаимоотношениях с внешними условиями, в данном случае на взаимоотношениях между центром и Иркутской областью как субъектом РФ. При этом речь шла о конфликте РАО ЕЭС и «Иркутскэнерго». При плановой экономике энергоресурсы и производственные мощности Восточной Сибири были сбалансированы таким образом, что потребность в дешевой электроэнергии полностью удовлетворялась. Именно на дешевое электричество было рассчитано строительство энергоемких промышленных предприятий Иркутской области. Новые реалии, возникшие в результате социально-экономической трансформации российского общества, привели к необходимости пересмотра прежнего оформления иркутского варианта советской модернизации, что, в частности, выразилось в конфликте вокруг «Иркутскэнерго». На фоне этого кризиса формируется идеологическое оформление позиции губернатора: «Населению Иркутской области необходимо стабильное, без потрясений развитие; действия же оппозиции в Законодательном собрании – подрыв стабильности с целью отстоять собственные корпоративные интересы, противопоставив их интересам области. Как вывод: “хватит возни, надо заниматься делом”». В свою очередь, оппозиция обвиняла Бориса Говорина в «несоблюдении демократических норм, сделке с Чубайсом как главой РАО ЕЭС, опять же за счет интересов области».

Само развитие противостояния характеризовалось непримиримостью позиций и отсутствием осознанного стремления к компромиссу, несмотря на несколько попыток его достижения. И та, и другая сторона в ходе развития конфликта пыталась расширить поле противостояния за счет обращения к авторитету центра. Так, раздавались голоса о возможности роспуска Законодательного собрания (в случае инициированной поддержки президента). Оппозиция в свою очередь инициировала обращение в Государственную Думу с целью отстаивания собственной позиции. Следует отметить, что большинство депутатов Государственной Думы активно поддерживали «энергетическую» оппозицию. В конфликте были широко задействованы центральные и региональные СМИ и с той, и с другой стороны, они активно освещали позиции обеих сторон, что дезавуировало тезис о «зажигании свободы слова» со стороны исполнительной власти. Таковую линию проводила газета «Честное слово», а резко противоположную, созданную по всем правилам «черного PR», – газета «Честное новое слово». Мнения оппозиции были выражены в шумевших на уровне региона публикациях московских изданий газет «Версия», «Известия» и «Независимая газета».

Таким образом, в конфликте участвовали все элементы политической системы на уровне региона, оказывающие прямое влияние на развитие гражданского общества: партийные структуры, СМИ, широко использовались и PR-технологии. Но данный конфликт развивался внутри региональной элиты, при пассивности населения (если не принимать во внимание варианты манипулятивного протеста на уровне молодежи – в одном из сюжетов местного ТВ участники студенческой акции протеста затруднились объяснить журналисту смысл содержания своих плакатов). В данном случае ярко проявилась элитарность конфликта, резко контрастирующая с периодом конца 80-х – начала 90-х гг. Но этот политический кризис начала века в Иркутской области являлся и предпосылкой грядущих дискуссий и общественно-политических конфликтов на уровне региона [8, с. 169–195].

Переходя к следующему знаковому событию, необходимо повторить, что экология как образ мысли, как стиль жизни тесным образом связана с развитием различных сибирских регионов. Иркутская область не является исключением. На разных этапах советского и постсоветского развития региона экологическая проблематика возникала достаточно часто. Естественно, что в

разное время эти темы получали различную окраску. В постсоветское время область стала местом столкновения различных интересов, связанных как с неоднородностью региональной элиты, так и с разнообразными каналами влияния Центра. Это и прямая заинтересованность Центра в освоении региона (в лице естественных монополий – при всей разности их подходов к выстраиванию взаимоотношений с регионом – от прямого давления до вхождения в региональную власть), и участие финансово-промышленных групп в освоении ресурсов региона (при попытках региональной власти выступить небеспристрастным арбитром в столкновении корпоративных интересов).

Мы уже отмечали, что полицентричность и гетерогенность региональной политики проявилась еще в конце 80-х гг. На новом этапе она снова заявила о себе в экологическом движении. Современный региональный режим, связанный с путинским периодом правления, характеризуется рядом особенностей. В этих условиях технологическая проблема прокладки нефтяного трубопровода (Восточная Сибирь – Тихий океан) и реакция на нее власти на разных уровнях и общества отразили специфику нового периода в развитии гражданского общества. Сами споры вокруг «нефтяной трубы» совпали с несколькими важными изменениями в региональном политическом раскладе. Появился первый назначенный иркутский губернатор – А. Тишанин, чье назначение не смог предсказать ни один из экспертов. Другим важным моментом был процесс подготовки к референдуму об объединении Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Этот сам по себе очень занимательный региональный сюжет в данном случае интересен с точки зрения своей запланированной на уровне власти формы – референдума. Обсуждение проблем прокладки нефтепровода оказалось переплетенным с темой обсуждения и принятия решения по объединению. Высказывались самые разные оценки полезности референдума. Но сама форма легитимации себя властью (через референдум) не противоречила, а скорее индуцировала совершенно другое обсуждение, уже не формализованное, не технологизированное, а носившее характер спонтанности – развитие дискуссии о пути прохождения трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Таким образом, можно утверждать, что рост массовой активности произошел в период изменения регионального политического режима. Причем изменения, инициированного федеральной властью.

Интересно также, что именно власть задала режим рассмотрения объединения региона через вынесение проблемы на референдум – процедуру, направленную на общее обсуждение. Другое дело, что с точки зрения ее критиков это очевидная манипуляция с заранее известным исходом. Хотя в чем заключен злой умысел власти, критики внятно объяснить не могли. Важным моментом, как всегда в иркутской истории, является наличие четкой региональной идентичности, связанной с огромным ресурсом культурного капитала. Плюс существующая традиция экологического движения, в том числе и массового.

В возникшей дискуссии по поводу переноса трубопровода четко обозначились две позиции. Одна – связанная с позицией «Транснефти». «Транснефть» устами ее президента С. Вайнштока (интервью «Российской газете») развивала тему выверенного экспертного решения; обоснованного, технически грамотного, соответствующего закону. Интересно, что в интервью Вайншток привлек на свою сторону советское прошлое (проект нефтепровода разрабатывался одновременно с бамовским проектом, но не был реализован в то время). То есть «Транснефть» представлялась славной наследницей советских пятилеток. В целом позиция «Транснефти» на всем протяжении разворачивания спора характеризовалась больше глухой обороной с той точки зрения, что все уже решено, никакое обсуждение не имеет смысла.

Массовое экологическое движение появилось впервые за 15 лет, но не будем забывать, что в течение этих лет в регионе все время работали различные экологические организации. Самая знаменитая из них «Байкальская экологическая волна». Причем их деятельность развивалась на фоне мощной мифологизации Байкала как части региональной идентичности. Само движение развивалось в нескольких измерениях. Одно из них в очень сильной степени задействовало Интернет, в частности, его региональные сайты (Vabr.ru). Надо отметить, что Иркутский регион в целом отличает большая продвинутость в процессе компьютеризации (этот высокий уровень был достигнут в 90-е гг.), и это проявляется в общественно-политических процессах. По мнению экспертов, можно говорить об «иркутском феномене», связанном с высоким уровнем интернетизации. Основная часть интернет-аудитории сосредоточена в Иркутске, Ангарске, Братске и Шелехове. Средний уровень в этом случае превосходит российский. Иркутск стабильно находится в десятке лидеров российского Ин-

тернета и на втором месте в Сибири после Новосибирска. Именно на региональных сайтах была объявлена кампания сбора подписей за прекращение строительства нефтепровода в опасной близости от Байкала; выложены листовки для агитационной кампании по запрещению его строительства. Помимо Интернета огромную роль играла подготовка и проведение митингов протеста против строительства. Сами митинги с их массовым характером (число участников доходило до нескольких тысяч) являлись не менее важной площадкой формирования регионального общественного мнения.

Экологическое движение имело ярко выраженный городской характер. Причем речь шла не просто о городах, а о центрах, столичных и сибирских. Но центром движения являлся Иркутск. Оно поддерживалось и в других крупных городах области: Ангарске, Братске, Шелехове. Движение носило выраженный молодежный характер. Огромную роль играли представители студенчества и профессий, связанных с сектором услуг (бизнесмены, бухгалтеры, инженеры, дизайнеры, программисты, журналисты, менеджеры, писатели). Отметились и традиционно активные постсоветские пенсионеры.

По мнению одного из лидеров движения, оно характеризовалось тремя чертами:

- 1) неперсонифицированность;
- 2) идеализация своих целей и мотивов;
- 3) аполитичность.

В первом случае речь идет об отсутствии четко выраженного лидера, скорее можно говорить о «коллективном разуме» или о только начинавшемся процессе оформления лидерства. Второй пункт подразумевает идеалистическое, романтическое определение целей движения, связанных с защитой Байкала как общего достояния. Третья позиция указывает на одну интересную черту движения с точки зрения политического регионального расклада. Ни одна из политических партий не выступила с осуждением движения, все, начиная от «Единой России» и заканчивая несистемными партиями, заявили о необходимости изменения маршрута ВСТО. В само Байкальское движение вошли люди с самыми разными политическими взглядами. Идею переноса «трубы» поддержали представители академической и вузовской науки; художественная интеллигенция. Региональная власть устами губернатора, председателя Законодательного собрания, депутатов

разных уровней заявила о недостаточно проработанном плане строительства нефтепровода. Можно говорить о дистанцировании региональных властей от политики «Транснефти». Возвращаясь к теме аполитичности, не все так просто. Конечно, рассмотрение Байкала как общего достояния снимает политические разногласия (вспомним идею «общего блага»). Но сам экологический дискурс не укладывается в традиционные схемы XIX–XX вв. В этом случае можно говорить об идеологии нового типа; идеологии «общества риска». Очень интересно это полное «смещение всего и вся» проявляется при анализе конкретных аргументов сторонников переноса строительства трубопровода ВСТО. «Транснефть» обвинялась в менеджменте старого, советского типа, в непрозрачности, в попытке нещадной эксплуатации природных богатств и возможности расправ с протестующим населением по примеру африканских стран. Очень четко звучала тема «локализма», т. е. патриотизма по отношению к конкретному месту, но в этом месте – весь мир (ведь Байкал – всемирное достояние). «Миф Байкала» иногда выводился даже на уровень квазирелигии, варианта неоязычества. Помимо этого, смешивались элементы идеологических построений, связанных с «желтой опасностью», «воровским режимом» (причем с отличающимся происхождением в различных интерпретациях – как продолжения власти «дерьмократов», так и «власти ГБ»); левая идея «продолжения развала страны». Очень часто встречались аргументы в духе «идеологии антикапитализма», обоснованно критиковалась современная экономика страны с точки зрения ее экспортно-сырьевого характера. Распространенным являлось (и является) настроенное и часто враждебное отношение к «проклятой Москве и москалям». В последнем случае явственно просматриваются попытки манипулирования массовым движением со стороны разных групп ангажированных активистов [7, с. 136–146].

Само движение постоянно стремилось очертить свои границы, задать четкие правила идентификации, в том числе и по принципу: «свои – чужие». На примере региона можно говорить о мощном развитии внутренней, групповой идентичности с четкими границами, с идеей преемственности. Если рассматривать этот феномен в рамках гражданственности, то мы видим становление культуры солидарности, связанной с локальным, региональным патриотизмом и идеей активного гражданского действия. Но здесь нет и следа толерантности и «цивильности», со-

ставляющих пассивное измерение гражданственности. Никакого диалога с бизнесом и властью в данном случае не возникает. Власть виновна по определению. Бизнес – это слуга власти (или наоборот, что в данном случае не важно). Но и сам бизнес тоже не вступает ни в какой диалог с активистами движения. Бизнес и общественное движение были ориентированы на арбитраж центральной власти. И это решение не замедлило эффективно появиться на свет.

Для завершающего, на данный момент, анализа специфики регионального политического процесса интересным представляется обращение к реалиям мэрских выборов в Иркутске (март 2010 г.), результаты которых оказались совершенно неожиданными. Естественно, что в масштабах всей страны можно найти аналогичные примеры, связанные с неожиданными проигрышами кандидатов на пост мэра от «Единой России» (Волгоград, Смоленск, Архангельск), но, возвращаясь к противопоставлению элитного и массового уровней политического процесса, необходимо дополнить его анализом заявленной стратегии власти на данных выборах, идеей «оптимизации управления», транслируемой на региональный уровень. Эта философия управления использовалась и используется (до последнего времени) при реализации конкретных институциональных решений, связанных с «назначаемостью» губернаторов. В случае Иркутской области это на практике привело к неоднозначным результатам, далеким от заявленных целей. За короткий период по разным обстоятельствам сменилось несколько губернаторов (А. Тишанин, И. Есиповский, Д. Мезенцев). Всех их отличали и отличают различные подходы к управлению областью, различные стили такого управления. Но главный и очевидный вывод, напрашивающийся сам собой, – это отсутствие преемственности в управлении областью и нехватка «укорененных» в региональном сообществе институциональных механизмов такого управления. Надо отметить парадоксальность ситуации, когда действия, направленные, как было заявлено властью, на наведение порядка, приводят к ситуации прямо противоположной, характеризующейся продолжающимся отсутствием институциональных форм реализации такого желания.

В этих условиях проблема городского уровня, связанная с выборами нового мэра Иркутска, превратилась в «крэш-тест» для губернаторской команды. В иркутском случае можно говорить о столкновении нескольких логик. С одной стороны, это логика

неформального разрешения политических конфликтов, задействующая бизнес, власть, ее разные уровни, административный ресурс, партийный ресурс «Единой России» («ЕР»), советские технологии работы с населением (встречи кандидата с учебными, трудовыми коллективами, включение мобилизационного механизма массовой поддержки, выступление по региональному телевидению со звонками в студию, агитация на улицах и площадях). И с другой стороны, логика выборной демократии, не встроенной в этот процесс, не укрощенной, не «суверенизированной». Обнаруживается невозможность прямой трансляции властной команды. Отсутствует выстроенный канал ее эффективного прохождения. Сначала в процессе выборной кампании задействуется региональный уровень «ЕР» – институт политической партии, который можно рассматривать как барочную лепнину, легитимирующую политический режим, украшающую его, но не являющуюся несущей конструкцией. Это проявляется в иркутском случае в «казусе» А. Романова, депутата Законодательного собрания, ставшего самовыдвиженцем. Данное выражение политической воли пытаются обуздать, используя партийную дисциплину. Но механизм не действует, и конфликт разрастается, сначала в рамках партийности, а затем Романов выступает с обращением к народу. Причем выступает как законченный популист, обещая в разы снизить тарифы ЖКХ, что заставляет вспомнить ранние этапы развития феномена Жириновского. Интересна логика региональной бизнес-элиты. Ведь именно она рекрутировала победившего кандидата В. Кондрашова. Но в этом случае можно говорить о, своего рода «блуждающих атомах», ищущих политической карьеры не самой по себе, а, например, для прикрытия капитала. Причем в случае Кондрашова, чьи поиски увенчались встречей с КПРФ, тоже проявляется партийная специфика. Если «ЕР» мы можем сравнить с «VIP-клубом», то КПРФ как заявленная структурная оппозиция выступает не как часть традиционного политического процесса, ориентированного на идеологию, ценности и т. п. Скорее можно рассуждать о примате рыночных отношений. КПРФ предстает как участник политического рынка, представляющий искомую политическую крышу. Правда, в этих условиях вымывается политический смысл существования КПРФ, оппозиционность формализуется. Поиск кандидатов самим губернатором оказался явно неудачным. Поддерживаемая им кандидатура вполне отвечает определенным рационально сфор-

мулированным интересам (связь с О. Дерипаской – основным бенефициарием огромной алюминиевой компании («Русал»), опыт работы мэром в Братске, служба в ФСБ) после начала взаимодействия с неучтенными региональными факторами быстро теряет в политическом весе и сокрушительно проигрывает. Как результат, губернаторская рациональность, подкрепленная вертикалью власти, оборачивается неэффективностью. Здесь проявляется имманентная противоречивость российской авторитарной ситуации, транслированной на региональный уровень. В расчет не принимаются неформальные настроения региональных элит (в этом плане показательно поведение вице-губернатора А. Битарова (основного бенефициария ведущей региональной строительной компании «Новый город»), подающего заявление об отставке со своего поста), традиционная разница интересов Севера и Юга в регионе, очень сильные протестные общественные настроения. В результате блестящие неформальные ходы нового губернатора, направленные на снятие действующего мэра В. Якубовского путем предоставления ему возможности занять освободившееся место региона в Совете Федерации (своеобразный «золотой парашют» для последнего), повисают в воздухе, не получают своего логического завершения.

Отдельного упоминания заслуживает такой фактор, как реакция общества. Согласно исследованию Иркутского Межрегионального института общественных наук, проведенного в рамках общероссийского проекта исследования реакции российского общества на экономический кризис, протестные отношения в Иркутской области в своих разных проявлениях были выражены как нигде в России. Эксперты предлагали разные интерпретации этого феномена, но факт остается фактом. Именно это неясное чувство протеста составляло фон выборов.

Естественно, что общественное мнение нельзя рассматривать как нечто единое. Но главное, что сыграло огромную роль в выборах это, во-первых, «рассредоточенная» протестность, формирующаяся за счет разных социальных групп и, во-вторых, то, что эту протестность имеет смысл сравнить с ветром, который мог надуть любые паруса. С таким «природным» феноменом ничего не смогла сделать предвыборная технология, примененная для снятия главного оппозиционного кандидата. Но и победивший на выборах В. Кондрашов не может рассматриваться как подлинный триумфатор, потому что основным результатом вы-

боров было протестное голосование против власти, слепой протест, искавший свое законное выражение. Что и показала дальнейшая инкорпорация мэра в «партию власти» и его управленческая деятельность [9, с. 89–99].

Можно рассуждать о процессе властной рационализации как о «игре с нулевой суммой» между победившим кандидатом и губернатором по принципу или-или (поддержка со стороны губернатора и обеспечение ресурсов или постоянный конфликт с непредсказуемыми результатами). Как итог этой борьбы – отчуждение смысла самих выборов, выразившееся в заявлении мэра о поддержке партии «Единая Россия» и о том, что единственной партией мэра является «партия иркутян». Но эту же ситуацию можно рассматривать как проявление гражданского общества в регионе, действующего вне контроля со стороны власти и часто вступающего в сложные и далекие от однозначной оценки взаимоотношения с властными институтами. Плюрализм, свойственный региональной политике, проявился и во время выборов в Государственную Думу России и президентских выборов. Во время думских выборов региональное отделение партии «Единой России», несмотря на активную избирательную кампанию, не смогло обеспечить убедительный отрыв кандидатам правящей партии. Соперники – КПРФ, ЛДПР, «эсеры» показали достаточно убедительные результаты. Декабрьские события в Москве, движение за честные выборы, митинговая активность нашли свое продолжение и в Приангарье. В частности, прошли несколько массовых митингов в поддержку идеи честных выборов. Но не дремали и политические оппоненты, активизировавшиеся в ходе президентской избирательной кампании. Были организованы митинги в поддержку кандидата В. В. Путина, в том числе и с участием заезжих звезд эстрады, активно работали дискуссионные клубы, созданные в рамках деятельности регионального отделения «Единой России». Иркутское региональное отделение к этому времени опять сменило лидера (А. Битарова на его посту сменила новая звезда иркутской политики С. Тен). Президентские выборы подтвердили правоту экспертов, указывавших на их отличие от думских. В. В. Путин победил в регионе с большим отрывом. При этом всеми избирателями был отмечен высокий уровень организации процедуры выборов в регионе и минимальное количество нарушений.

Таким образом, если подводить итог рассмотрению процессов развития гражданского общества в регионе, то подтверждается широко распространенный вывод о том, что Иркутская область является одним из национальных лидеров и по степени политического плюрализма, и по развитости гражданского общества [12, с. 264–272]. Мы видели, что проявления плюрализма связаны с тем, что выборы предстают здесь как реальная форма политической борьбы и столкновения различных элитных групп. Иркутская политика всегда изобилует конфликтами и скандалами, причем конфликты носят структурный характер и имеют свойство воспроизводиться в меняющихся условиях. В регионе всегда сталкиваются различные политические игроки и федерального, и регионального уровней. Такая разнообразная политика накладывается на многочисленное академическое и студенческое сообщество, на разветвленное и диверсифицированное крупное городское сообщество, которое отличает относительная самостоятельность и выраженная региональная идентичность, связанная как с историческими особенностями развития региона, так и с особой сибирской ментальностью. Но ни развитый политический плюрализм, ни работающее гражданское общество не гарантируют высокий уровень социально-экономического развития, а также не влияют на продолжающийся отток населения, особенно молодежи, из региона. Регион также является одним из российских лидеров по распространенности туберкулеза, СПИДа, наркомании, различных экологических проблем [11, с. 94–98]. Развитие гражданского общества в регионе сложно рассматривать как процесс, развивающийся по восходящей линии, скорее можно рассуждать об определенных периодах его быстрого и массового развития (конец 80-х – начало 90-х гг.; 2006–2011 гг.) и своего рода «отлива» в другие периоды. Тем не менее, можно говорить об уже сложившемся региональном гражданском обществе со своим «лицом необщим выраженьем», историей и, конечно, будущим.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие особенности региона повлияли на становление гражданского общества в Иркутской области?
2. Причины возникновения интереса к теории и практике гражданского общества в эпоху перестройки и в посткоммунистический период?
3. Как связаны между собой демократизация общества и развитие гражданского общества?

4. Этапы развития гражданского общества в Иркутской области.
5. Какие общественно-политические инициативы, повлиявшие на развитие гражданского общества в Иркутской области в позднесоветский период, вы можете назвать?
6. Какова роль экологических факторов в развитии гражданского общества в Иркутской области?
7. Опишите динамику развития регионального гражданского общества в августе 1991 г.
8. Как взаимодействуют между собой развитие независимых СМИ и гражданское общество? Приведите примеры взаимодействия иркутских СМИ и гражданского общества.
9. Какова динамика развития взаимодействия СМИ и гражданского общества в регионе в 1990–2000-е гг.? Приведите примеры.
10. Как взаимодействуют между собой факторы политического участия, доверия, «прайвеси» в процессе развития гражданского общества? Приведите примеры.
11. Опишите противостояние так называемой энергетической оппозиции в Законодательного собрания Иркутской области и губернатора Б. А. Говорина с точки зрения противоречивого взаимодействия разных составляющих гражданского общества.
12. Опишите динамику противостояния регионального гражданского общества и различных ветвей власти по проблеме трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
13. Как проявилась специфика развития регионального гражданского общества в ходе выборов мэра г. Иркутска в 2010 г.?
14. Как бы вы охарактеризовали роль городской и областной Общественных палат в развитии регионального гражданского общества в 2007–2010 гг.? Как проявляется специфика современного политического режима в России в этом процессе?

Литература

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период / Л. М. Алексеева. – М. : Весть, 1992. – 352 с.
2. Аузан А. Национальная формула модернизации [Электронный ресурс] / А. Аузан. – URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/16/auzan> (дата обращения: 21.03.2012).
3. Басин И. Александр Мень: штрихи к портрету // Свой голос. – 1992. – № 1.
4. Богораз Л. Политическая // Голос. – 1990. – № 2.
5. Воронин О. Л. Олигархия и политика: опыт политического позиционирования в субъектах федерации Сибирского региона // Политическая трансформация современной России: сибирские регионы : материалы науч.-практ. семинара / под ред. Г. Н. Новикова. – Иркутск : Оттиск, 2002.
6. Гоман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О. В. Гоман-Голутвина. – М. : Роспэн, 2006. – 480 с.
7. Козлов Д. В. «Нецивильное» гражданское общество или о том, как поссорились защитники Байкала с «Транснефтью» // Полис. – 2007. – № 4.
8. Козлов Д. В. Современное социально-экономическое развитие России как методологическая проблема (региональный аспект) // Проблемы политиче-

- ской трансформации и модернизации России / под ред. А. Ю. Мельвиля. – М. : МОНФ, 2001.
9. Козлов Д. В. Иркутская и пермская аномалии на партийно-электоральной карте современной России: факторы формирования и тенденции развития Д. В. Козлов, О. Б. Подвинцев // Вестн. СПбУ. Сер. 6. – 2011. – Вып. 3.
 10. Пименов Р. И. Заметки о книге А. Шифрина «Четвертое измерение» // Память : истор. сб. – М. ; Нью-Йорк, 1976, 1978.
 11. Развитие человеческого потенциала в Иркутской области и достижение Целей развития тысячелетия // Регионы России: цели, проблемы, достижения: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. Программа развития ООН. – М., 2007.
 12. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независ. ин-т соц. политики ; рук. проекта Н. В. Зубаревич – М. : Поматур, 2005. – 278 с.
 13. Сов. культура. – 1973. – 7 марта.
 14. Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с фр. / Алексис де Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
 15. Трушкин В. Друзья мои : дневники, очерки, статьи / В. Трушкин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2001. – 448 с.
 16. Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области : сб. очерков / под ред. Г. Бобковой. – Иркутск, 2002.
 17. Черных Б. Озими / Б. Черных. – М. : Terra, 1993.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ

§ 1. Этапы и итоги становления рыночной экономики

Достижения и проблемы в развитии экономики региона накануне реформ. К середине 1980-х гг. Иркутская область превратилась в один из важнейших индустриальных регионов на востоке страны, являлась полигоном реализации крупнейших программ общегосударственного значения (гидроэнергетической, лесной, химической, золотовалютной, ядерной, алюминиевой и др.) и источником обеспечения внутренних и экспортных потребностей в целом ряде видов сырья и полуфабрикатов, служила базой освоения севера Восточной Сибири и Дальнего Востока, благодаря наличию озера Байкал, истоков великих рек, обширных площадей тайги, выполняла глобальные функции в стабилизации экологической обстановки в Сибири и Центральной Азии.

Основу созданного в советский период мощного экономического потенциала Приангарья представляла *промышленность*, специализирующаяся на энергетике и энергоемких производствах цветной металлургии, химической и нефтеперерабатывающей, атомной и целлюлозно-бумажной промышленности, а также на заготовке и переработке древесины, машиностроении, добыче угля и руд ценных полезных ископаемых. В отраслевой структуре промышленности в 1985 г. первое место занимала лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная (20,9 % общего объема производства), второе – топливная в составе нефтеперерабатывающей и угольной (17,4 %), третье – электроэнергетика (14,6 %), четвертое – машиностроение и металлообработка (13,1 %), пятое – цветная металлургия в составе алюминиевой и

добычи золота (10,7 %). По уровню развития индустрии, степени освоения природных ресурсов, специализации и концентрации промышленного производства Иркутская область опередила большинство регионов Сибири и все регионы Дальнего Востока, а по основным показателям (производительность труда и производство продукции на душу населения) значительно превзошла соответствующие данные в целом по СССР и РСФСР.

При населении в 1,9 % от численности жителей РСФСР область в 1985 г. давала 2,1 % объема промышленного производства республики и занимала 16-е место среди ее 73 автономных республик, краев и областей. При этом производство электроэнергии, угля, ряда видов продукции основной химии и нефтепереработки на душу населения в области превосходило соответствующие среднесоюзные показатели в 3–5 раз, вывозка древесины, выработка пиломатериалов и целлюлозы – в 8–13 раз, выплавка алюминия – даже более чем в 30 раз. На промышленных предприятиях трудилась треть населения, занятого в народном хозяйстве региона.

Ключевую роль в промышленности области играл топливно-энергетический комплекс, использующий уникальные гидроэнергоресурсы Ангары и крупные запасы дешевых энергетических углей Иркутского бассейна. Электроэнергия в Иркутской энергосистеме вырабатывалась с лучшими в СССР и мире технико-экономическими показателями. В результате себестоимость электроэнергии во второй половине 1980-х гг. была ниже среднесоюзной в 3–4 раза, теплотехники – в 2 раза [22; 23]. Поэтому выше среднесоюзной была рентабельность производства основных энергоемких видов продукции цветной металлургии, целлюлозно-бумажной и химической промышленности. Мощные и высокоэффективные топливно-энергетические, сырьевые и водные ресурсы Приангарья обеспечили также чрезвычайно высокую концентрацию промышленного производства. В число крупнейших в стране (отчасти даже в мире) предприятий энергетики и энергоемкой индустрии вошли Братская и Усть-Илимская ГЭС, Братский и Усть-Илимский лесопромышленные комплексы, Ангарский нефтехимический комбинат, Братский алюминиевый завод, химические заводы в Усолье-Сибирском и Саянске, Ангарский электролизно-химический комбинат и др.

Вместе с тем при впечатляющих масштабах развития промышленности области в ней к началу 1990-х гг. стали усиливать-

ся застойные явления, характерные, впрочем, для индустрии страны в целом. Темпы роста промышленного производства упали в Приангарье с 10,0 % в 1971–1975 гг. до 2,2 % в 1985–1990 гг. [22] Обострилась проблема технической вооруженности и состояния основных фондов промышленности, износ которых вырос с 32 % в 1980 г. до 39 % в 1985 г. и 46 % в 1990 г. Сохранялся высокий удельный вес рабочих, занятых тяжелым ручным трудом (свыше 35 %). Прирост производства продукции на 78 % осуществлялся за счет экстенсивных источников (ввод новых мощностей и увеличение персонала) и только на 22 % – за счет интенсивных источников (повышение производительности труда) [12]. Мировым стандартам качества и требованиям потребителей не соответствовали многие виды продукции машиностроения, легкой, пищевой, деревообрабатывающей промышленности.

Особенности структуры индустрии Иркутской области обусловили еще дополнительно ряд специфических проблем. Наиболее острая из них – сырьевой характер промышленности с низкой глубиной переработки исходного сырья, неразвитостью конечных стадий и внутриобластных межотраслевых связей, что не позволяло использовать экономические преимущества региона в интересах населения. Другая хроническая проблема – заметное отставание в производстве товаров народного потребления: по их выпуску в расчете на одного жителя Приангарье в 1985 г. занимало 59-е место в РСФСР и в 2 раза уступало среднереспубликанскому показателю. Отличительная черта промышленного производства области, обусловленная его специализацией и повышенной фондоемкостью, состояла в республиканском подчинении ведущих предприятий с соответствующим изъятием образуемых ими финансовых ресурсов. Эффект от строительства и эксплуатации предприятий-гигантов во многом перекрывался ростом транспортных издержек при перевозке сырья и готовой продукции на дальние расстояния. С масштабным экстенсивным развитием и технической отсталостью промышленности во многом связано ухудшение экологической обстановки: ведущие индустриальные города региона – Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Иркутск и Шелехов – вошли в список городов страны с наибольшим уровнем загрязнения атмосферного воздуха.

По сравнению с промышленностью намного более скромное развитие в Иркутской области получило *сельское хозяйство*, что объясняется как суровостью природно-климатических условий

большой части территории, так и традиционно меньшим вниманием к этой отрасли экономики. Валовая продукция сельского хозяйства Приангарья в 1985 г. составляла 1,1 % сельскохозяйственного производства РСФСР, причем по данному показателю область занимала в республике лишь 37-е место. К характерным особенностям агропромышленного комплекса региона принадлежат доминирование экстенсивных методов хозяйствования, низкие урожайность и продуктивность, недостаточно тесная связь сельского хозяйства с пищевой промышленностью, дефицит мощностей по переработке и хранению продукции [13]. В производстве зерна, мяса, молока, яиц и овощей ведущую роль играли коллективные хозяйства – совхозы и колхозы, в производстве картофеля – личные подсобные хозяйства.

За счет местного производства потребности населения удовлетворялись в полной мере только по картофелю и зерну. Доля собственного производства в общем объеме потребления таких важных видов продукции, как молоко, мясо и овощи, составляла в 1985 г. соответственно 69, 58 и 50 % (56-е, 60-е и 63-е места в РСФСР). В итоге очень значительная часть продукции питания завозилась в область за тысячи километров из других регионов страны, что неизбежно сопровождалось высокими транспортными издержками, потерей перевозимых продовольственных товаров и сырья для пищевой промышленности, их удорожанием и снижением качества.

Иркутская область к середине 1980-х гг. располагала мощным *строительным комплексом*, позволившим создать базовые промышленные предприятия и новые города – Ангарск, Шелехов, Братск, Байкальск, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск, Саянск. В 1985 г. объем капитальных вложений составлял в Приангарье 2,2 % аналогичной величины РСФСР, объем строительно-монтажных работ – 2,3 %. В регионе работали такие крупные строительные организации, как Братскгэсстрой, Ангарское управление строительства, Востсибстрой, Иркутскпромстрой и др. Так, не имела аналогов по своим масштабам не только в стране, но и, пожалуй, в мире деятельность Братскгэсстроя, возводившего производственные объекты от Смоленска на западе до Нерюнгри и Хабаровска на востоке.

Вместе с тем ориентация отрасли на промышленное строительство сопровождалась существенно более слабым развитием жилищно-гражданского строительства. Дело в том, что в про-

мышленность области вкладывалось 55–60 % всех средств (при 30–35 % в среднем по СССР), тогда как удельный вес капитальных вложений (инвестиций) в другие отрасли экономики и тем более в непроизводственную сферу был непропорционально мал [23]. Столь серьезный перекос в распределении капитальных вложений привел к тому, что по вводу жилых домов регион в 1985 г. занимал 35-е место, по обеспеченности населения жильем – лишь 61-е, застройка городов отличалась однообразием и невыразительными планировочными решениями, объекты социальной инфраструктуры создавались с опозданием. Обычным явлением стало многократное (до 2 раз и более) превышение проектных сроков строительства промышленных и гражданских объектов (так называемые долгострой), причем при средней продолжительности нового строительства в РСФСР, равной 9–10 годам, аналогичный показатель в Приангарье достигал 13–15 лет.

Обширность территории Иркутской области, удаленность ее от главных экономических центров страны и мира, неравномерность заселения и освоения, наличие мощной индустрии с большой потребностью в перевозках массовых сырьевых и продуктовых грузов обусловили повышенную роль *транспорта и связи*, которые в совокупности занимали в 1985 г. второе место (после промышленности) по стоимости основных производственных фондов и численности занятых в народнохозяйственном комплексе региона. По территории Приангарья проходили крупные магистрали общесоюзного значения – транзитные Транссибирская (Транссиб) и Байкало-Амурская (БАМ) железные дороги, Московский автомобильный тракт, внутренние водные пути, магистральные авиалинии, нефтепровод. К числу крупных транспортных объединений относились Восточно-Сибирская железная дорога, Восточно-Сибирское и Ленское речные пароходства, деятельность которых выходила за пределы области.

Перевозки грузов транспортом общего пользования – железнодорожным, автомобильным, внутренним водным, трубопроводным и воздушным – достигли в 1990 г. почти 180 млн т, что составляло 2,6 % от всех грузоперевозок РСФСР. Заметно ниже была аналогичная доля региона в перевозках пассажиров – 1,5 %. Подавляющая часть транспортной работы приходилась на Транссибирскую магистраль, которая осваивала огромный поток транзитных и собственных грузов и пассажиров, причем грузонапряженность на участке от Черемхово до Шелехова была в несколь-

ко раз выше среднесетевой и одной из самых высоких в стране и мире. Крупнейшим речным портом страны стал Осетровый порт на Лене в Усть-Куте.

Несмотря на явные успехи, в деятельности транспорта и связи имелись серьезные проблемы. Располагая в значительной мере устаревшей техникой, железнодорожный транспорт во второй половине 1980-х гг. с трудом справлялся с быстрым ростом объема перевозок массовых грузов. К этому времени были уже почти полностью исчерпаны резервы, полученные после коренной реконструкции железных дорог с переходом их на электрическую тягу. Задача повышения провозной способности Транссибирской магистрали частично решалась за счет перехода на вождение тяжелых составов, маршрутизации перевозок и реализации других организационно-технических мероприятий [8]. В то же время перевозочные возможности БАМа, введенного в эксплуатацию на Иркутском участке в 1986 г., оказались невостребованными, а содержание этой дороги – убыточным.

От роста объема перевозок отставали также строительство и реконструкция автодорог. Так, пять районных центров Приангарья в 1985 г. все еще не имели связи с областным центром – Иркутском – по дорогам с твердым покрытием [16]. Эффективность функционирования внутреннего водного транспорта снижалась вследствие отсутствия сквозного судоходства по Ангаре, неравномерности глубин по участкам Лены, слабого развития портового берегового хозяйства. Низкой технической оснащенностью отличалось большинство аэропортов, обслуживающих местные перевозки. По обеспеченности квартирными телефонными аппаратами городского населения в 1985 г. область занимала только 62-е место в РСФСР, сельского – 51-е.

Сфера услуг, включающая такие разнообразные виды деятельности, как торговля, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения, гостиничное хозяйство, туризм и т. д., в советский период не являлась приоритетной. Так, для розничной торговли конца 1980-х гг. были характерны обедненный ассортимент товаров и дефицит некоторых из них, неразвитость торговой сети и, как следствие, – постоянные очереди, распределительные талоны на ряд товаров первой необходимости и низкое качество обслуживания. При наличии богатого туристско-рекреационного потенциала (природного, культурно-исторического и др.) довольно слабое развитие

получила индустрия туризма и отдыха. По обеспеченности населения торговой площадью магазинов область занимала в 1985 г. лишь 60-е место в РСФСР, по обеспеченности местами на предприятиях общественного питания – 49-е, по объему реализации платных услуг населению – 43-е.

Таким образом, состояние рассмотренных основных отраслей и видов деятельности Иркутской области – промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и связи, сферы услуг – свидетельствовало о нарастании неблагоприятных явлений. В регионе, как и во всей стране, осознавалась необходимость экономических преобразований. Однако в конце 1980-х гг. вряд ли кто-нибудь мог (хотя бы в самых общих чертах) предположить в каком направлении и с какой скоростью пойдут трансформационные процессы, каковы будут глубина и последствия реформ для экономики и всего общества.

С известной долей условности в Иркутской области можно выделить четыре основных этапа экономических реформ, начавшихся со второй половины 1980-х гг. Выделение данных этапов, с одной стороны, исходит из динамики ключевых элементов рыночных преобразований в стране, с другой, – учитывает региональные особенности их проведения и результатов. Первый из этих этапов относится еще к советскому времени, а три последующих охватывают постсоветский период.

Первый этап. Перестройка и первые шаги реформ (1985–1991 гг.). О переходе к так называемой перестройке руководством страны было официально объявлено в 1985 г., но первые реальные преобразования в экономике начались только в 1987–1988 гг., когда стали поощрять индивидуальную трудовую деятельность, создавать кооперативы, внедрять на предприятиях хозрасчет, осуществлять частичную децентрализацию внешней торговли. Однако государство по-прежнему удерживало монополию на собственность и ценообразование. В последующие годы свободное хождение в стране получил доллар с обменом его по коммерческому курсу (1989 г.), появились негосударственные коммерческие банки с произвольным установлением ставки рефинансирования, или процента за кредит (1990 г.), стали устанавливаться договорные цены на многие виды продукции (1991 г.). В конце 1991 г. распался Советский Союз.

До 1990 г. в Иркутской области по инерции еще сохранялся поступательный экономический рост. Наибольшие за весь совет-

ский период объемы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал, перевозок грузов и др. были достигнуты в 1989 г. С 1990 г. почти во всех основных отраслях материального производства Приангарья отмечен спад, который усилился в 1991 г. в связи с начавшимся ростом цен и дезорганизацией государственного планирования и управления экономикой. Так, в промышленности региона относительно самого успешного 1989 г. уменьшение объема производства в 1990 г. составило 3,5 %, а в 1991 г. – уже 7,8 %.

Второй этап. Либерализация цен и внешнеэкономической деятельности, массовая (ваучерная) приватизация (1992–1994 гг.). После распада СССР правительство новой суверенной страны – Российской Федерации (России) – незамедлительно приступило к развороту экономических реформ, выбрав предельно жесткий, либерально-монетаристский вариант перехода к рынку («шоковую терапию»). С самого начала 1992 г. осуществлена либерализация цен на большинство видов продукции и услуг.

Рост себестоимости и цен продукции тяжелой промышленности Иркутской области за 1992 г. составил десятки раз (в основном 20–30 раз и более), а за 1990–1994 гг. цены выросли в сотни раз [22]. Особо негативную роль для промышленности региона, отличающейся энергоемкостью и ориентацией на отдаленные рынки, сыграло то обстоятельство, что в период с 1990 по начало 1994 г. тарифы на электрическую и тепловую энергию выросли соответственно в 820 и 1100 раз, а тарифы железнодорожного транспорта на грузовые перевозки – даже более чем в 2200 раз [22]. Стремительный рост цен и соответственно инфляции уже к 1993 г. «вымывает» оборотные средства у большинства предприятий, обуславливает возникновение проблемы наличных денег, «расцвет» бартера, расчет векселями, ценными бумагами, долговыми обязательствами.

Распад СССР и разрушение его единого экономического пространства привели к разрыву хозяйственных связей Приангарья с поставщиками и потребителями из бывших союзных республик, ставших суверенными государствами. Тем не менее, благодаря либерализации внешнеэкономической деятельности и возможностям самостоятельного выхода на внешние рынки, утраченные связи были довольно быстро не только компенсированы новыми, но и в значительной мере расширены за счет рынков дальнего зарубежья. К тому же потребители этих стран расплачива-

лись в срок и «живыми» деньгами. В течение рассматриваемого этапа экспорт занял видное место в структуре поставок алюминиевой, химической, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Уже в 1994 г. объем экспорта области увеличился по сравнению с 1990 г. с 800 до 1840 млн долл. США, т. е. в 2,3 раза. При сокращении за тот же период промышленного производства на 41 % доля экспорта в нем выросла, по нашей оценке [1; 5], с 8–9 до 40 %. Однако внешняя торговля в те годы была почти бесконтрольной и беспопытной, в результате чего огромные суммы валютной выручки оседали на счетах зарубежных банков, а область и страна в целом не получали весьма значительные доходы, которые утаивались предпринимателями-экспортерами.

Важнейшим шагом на пути рыночных реформ стала приватизация предприятий большинства отраслей экономики с преобразованием государственной собственности в частную. Массовая (так называемая ваучерная или чековая) приватизация началась во второй половине 1992 г. и закончилась в середине 1994 г. Приватизации крупных и средних предприятий предшествовало их акционирование, в ходе которого каждому гражданину выдавался приватизационный чек – «ваучер», стоимость которого соответствовала его доле в приватизируемом государственном имуществе. Согласно правительственной программе приватизации, на первом этапе основная часть пакета акций должна была в большинстве случаев достаться трудовым коллективам. Однако следует отметить, что значительная часть населения (пенсионеры, работники не подлежащих приватизации предприятий образования, здравоохранения, науки и др.) фактически в приватизации не участвовала, не получив ничего или почти ничего за свои ваучеры.

В Иркутской области, как и по всей стране, процессы акционирования и приватизации активно развернулись как во всех основных отраслях материального производства – в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, торговле, транспорте (автомобильном, внутреннем водном и воздушном) и связи, так и в сфере обслуживания населения. Если еще в 1991 г. на предприятиях и в организациях государственного сектора Приангарья работало 84,8 % численности занятых в экономике, то в 1994 г. (т. е. в конце второго этапа реформ) – только 45,9 %. В то же время удельный вес занятых в сфере индивидуального и частного предпринимательства вырос с 15,2 % до 54,1 % (с учетом работников организаций со смешанной и совместной формой собственности).

В ходе приватизации исключительно большим изменениям подверглась промышленность – главная отрасль экономики региона. О темпах приватизационных мероприятиях говорят следующие факты: из крупных и средних предприятий индустрии в 1991 г. было приватизировано 2, тогда как в 1992 г. – 95, в 1993 г. – 96, в 1994 г. – 32. Если на первом этапе реформ (в 1985–1991 гг.) в отрасли безраздельно доминировали предприятия государственной (и муниципальной) собственности, то уже в 1995 г. их доля в общем числе предприятий составляла всего 11,6 %, в численности персонала – 11,9 %, в объеме продукции – 5,0 %. Удельный вес предприятий частной собственности (с учетом собственности общественных организаций, смешанной и совместной) достиг в указанных показателях соответственно 88,4, 88,1, 95,0 %.

Экономические реформы в регионе на рассматриваемом втором этапе проходили в чрезвычайно сложных условиях. К ним следует отнести следующие: трудности со сбытом продукции и материально-техническим снабжением из-за разрыва хозяйственных связей, разрушение финансово-кредитного механизма, диктат естественных монополий с резким повышением цен на энергоносители и тарифов на грузовые перевозки, конкуренция хлынувшей на рынок зарубежной продукции (зачастую более дешевой и качественной), дефицит потенциальных эффективных собственников, криминализация экономики и т. д. [21; 22]. Массовый характер приняли остановки и банкротства предприятий, причем некоторые из них были ликвидированы (Ангарский завод белково-витаминных концентратов, часть машиностроительных заводов в Иркутске – Станкостроительный, Карданных валов, Радиан; ориентированные на среднеазиатский рынок леспромхозы; и т. д.). Большой урон нанесло раздробление на отдельные акционерные общества ряда крупных предприятий, в том числе предприятий, представляющих единый технологический или организационный организм (Усть-Илимский ЛПК, Усольехимпром, Иркутский завод тяжелого машиностроения, Востсибуголь и др.). Правда, часть таких предприятий относительно быстро исправила эту ошибку.

В итоге далеко не все новые собственники оказались способны работать в рыночных условиях и вести непростую борьбу за адаптацию к ним своих предприятий. В течение второго этапа произошел небывалый спад промышленного производства облас-

ти: его объем в 1994 г. по сравнению с 1990 г. уменьшился на 41 % (рис. 1). Правда, в целом по стране этот спад был еще резче – на 49 %. Наибольший урон понес строительный комплекс Приангарья: за тот же период объем инвестиций в основной капитал сократился на 66 %, ввод в действие жилых домов – на 60 % (рис. 2). Чуть меньше, чем в промышленности, было снижение производственных показателей (перевозки грузов и пассажиров) на транспорте (рис. 3). Меньшим был спад в сельском хозяйстве – примерно на 14–15 %.

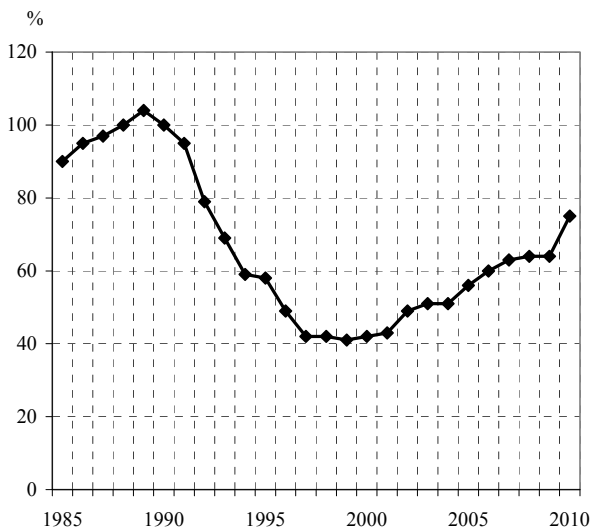

Рис. 1. Динамика объема производства промышленной продукции Иркутской области за 1985–2010 гг. (1990 г. = 100 %)

Ощутимые сдвиги к худшему произошли и в сфере занятости населения. С 1990 по 1994 г. численность занятых в экономике области сократилась с 1356,7 до 1192,2 тыс. чел., т. е. на 164,5 тыс. чел., или на 12,1 %. Наибольшее падение численности персонала в абсолютном выражении наблюдалось в строительстве – на 80,3 тыс. чел. (на 39,2 %) и промышленности – на 47,9 тыс. чел. (11,8 %), а также в образовании, культуре и науке – на 20,2 тыс. чел. (11,3 %), транспорте и связи – на 18,3 тыс. чел. (13,8 %).

Инвестиции в основной капитал, % к 1990 г.

Ввод в действие жилых домов, тыс. кв.м

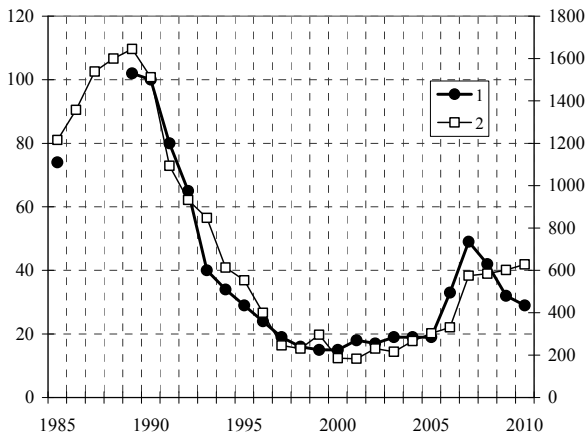

Рис. 2. Динамика объема инвестиций в основной капитал и ввода в действие жилых домов Иркутской области за 1985–2010 гг.
1 – инвестиции в основной капитал, 2 – ввод в действие жилых домов

Перевозки грузов, млн т

Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями, шт на 1000 чел.

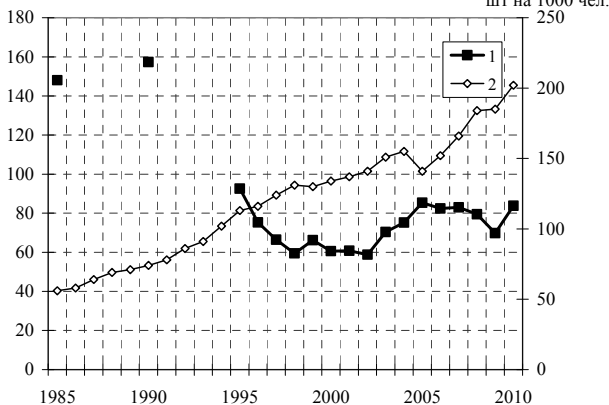

Рис. 3. Динамика перевозки (отправления) грузов транспортом общего пользования Иркутской области и обеспеченности ее населения собственными легковыми автомобилями за 1985–2010 гг.
1 – перевозки грузов, 2 – обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями

Между тем следует отметить, что спад в экономике Приангарья, особенно в промышленности, мог быть на рассматриваемом этапе намного глубже, если бы не энергичные и своевременные действия руководства области во главе с губернатором Ю. А. Ножиковым. Показательными здесь является пример с акционированием и приватизацией производственного объединения «Иркутскэнерго», вырабатывающего самую дешевую в стране электроэнергию. Руководство области не согласилось с Указом Президента РФ 1992 г. о передаче контрольного пакета акций всех крупных электростанций и линий электропередач в управляющую компанию федерального уровня РАО «ЕЭС России», оставив эти объекты, включая высокоэффективные ангарские ГЭС, в собственности АО «Иркутскэнерго» и областной собственности вплоть до окончания разграничения полномочий региона и центра [19; 22]. В результате областной бюджет сохранил поступления – налоги и рентные платежи – от самой доходной отрасли промышленности – электроэнергетики, а тарифы на электроэнергию остались самыми низкими в стране [6]. Благодаря низким тарифам на электро- и теплоэнергию, поддерживалась жизнеспособность и рентабельность энергоемких производств индустрии, составляющих костяк экономики Иркутской области.

Таким образом, на втором этапе реформ, с одной стороны, осуществлены кардинальные сдвиги в институциональной структуре экономики региона, прежде всего в структуре собственности от государственной формы к частной, с другой, – произошел столь резкий рост кризисных явлений практически во всех отраслях и секторах, что можно говорить об общесистемном трансформационном кризисе, имеющем затяжной характер.

Третий этап. Денежная приватизация и начало проникновения в регион столичных банковских бизнес-групп (1995–1998 гг.). Завершение чековой приватизации к июлю 1994 г. означало переход к новому, «денежному» этапу приватизационного процесса в стране. Знаковым событием 1995–1996 гг. стало проведение так называемых залоговых аукционов, в ходе которых акции ряда прибыльных промышленных предприятий за бесценок были проданы наиболее влиятельным банкам. В результате в стране появилось несколько крупных корпоративных структур, подконтрольных столичным банкам и ставших основой формирования мощных бизнес-групп [15]. С этого времени можно говорить об экспансии крупного столичного банковского биз-

неса в российские регионы, в том числе в Иркутскую область, тогда как на этапе ваучерной приватизации подобного явления в массовом порядке не было.

В начале рассматриваемого третьего этапа (1995 г.) экономическая ситуация в Приангарье временно стабилизировалась в связи с некоторой адаптацией предприятий и их менеджмента к новым условиям хозяйствования. Цены на продукцию приблизились к себестоимости, а рентабельность – к нормативной [22]. Были отлажены хозяйственные связи, свою поддерживающую роль сыграло расширение внешнеэкономической деятельности.

Однако с 1996 г. в области, как и во всей стране, начался новый виток спада производства, продолжающийся до конца 1998 г., а в отдельных отраслях и далее. Основной причиной углубления спада послужила направленная на борьбу с инфляцией крайне жесткая финансово-кредитная политика Правительства РФ, до предела обострившая проблему кредитного обеспечения предприятий и, по существу, обособившая финансовый сектор от производственного. Уже в 1997 г. большинство предприятий осталось без оборотных средств, отмечались массовые задержки заработной платы, был введен «валютный коридор», искусственно повысивший курс рубля к доллару и поэтому препятствующий экспорту. В августе 1998 г. в стране разразился кризис государственной финансовой системы с последовавшим затем дефолтом – резким ростом курса доллара по отношению к рублю.

С 1996 г. в промышленности Приангарья продолжилось падение промышленного производства, объем которого сократился до 42 % от уровня 1990 г. (см. рис. 1). Резко снизилась эффективность работы индустрии: в 1997–1998 гг. промышленность в целом и большинство ее отраслей и предприятий стали убыточными. Объем экспорта, достигавший в 1995 г. максимума в 2,88 млрд долл. США, уменьшился на 0,85 млрд долл. США, или почти на 30 %. Еще хуже шли дела в строительном комплексе: в сравнении с 1990 г. инвестиции в основной капитал упали в 1998 г. до 16 %, ввод в действие жилых домов – до 15 % (см. рис. 2). Перевозки грузов от уровня 1990 г. составляли 38 %, пассажиров – 60 % (см. рис. 3). Объемы производства почти во всех отраслях экономики региона показали к концу 3-го этапа самые низкие значения за весь период реформ.

В связи с тотальным сокращением производства область продолжала терять рабочие места: в сравнении с 1990 г. числен-

ность занятых в 1998 г. сократилась на 256,8 тыс. чел. (свыше четверти миллиона!), или на 18,9 %. Наибольший урон понесли за тот же период промышленность (142,4 тыс. чел.) и строительство (128,2), причем на рассматриваемом третьем этапе промышленность потеряла вдвое больше рабочих мест (94,5), чем строительство (47,9), тогда как для второго этапа была характерна обратная картина. Уменьшение занятости в пределах 25–30 тыс. чел. произошло с 1994 по 1998 г. в трех следующих отраслях: в образовании, культуре и науке; на транспорте и связи; в сельском хозяйстве. Вместе с тем число рабочих мест заметно выросло – в 1,8 раза – в таких отраслях, как торговля (на 87,2 тыс. чел.) и управление (на 24,5 тыс. чел.), причем почти весь этот рост наблюдался на третьем этапе.

По сравнению со вторым этапом в экономике области на третьем этапе заметно снизились темпы изменений по формам собственности. Если в 1994 г. в государственном и муниципальном секторе Приангарья работало 45,9 % всей численности занятых, то в 1998 г. – 41,1 % (в сфере индивидуального и частного предпринимательства – соответственно 54,1 и 58,9 %). При этом в отраслевом разрезе картина распределения занятых по формам собственности была чрезвычайно контрастной. В конце 1990-х гг. минимальной долей государственной и муниципальной собственности отличались промышленность и сельское хозяйство – менее 10–15 %, а также строительство и торговля – 15–20 %. Высокий удельный вес государственной и муниципальной собственности был характерен для транспорта (80–90 %) и отдельных отраслей непродуцированной сферы – жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, культуры и науки и др. (более 90–95 %).

В промышленности на третьем этапе доли организаций государственной и частной форм собственности в объеме продукции и численности персонала практически не менялись, поскольку почти все крупные и средние предприятия уже были приватизированы. Однако значимые масштабы приобрели в это время процессы перераспределения собственности. К самым общим тенденциям указанных процессов, характерным как для области, так и для страны в целом, относятся следующие: концентрация первоначально расплывленного в ходе ваучерной приватизации акционерного капитала, рост доли внешних крупных акционеров, сокращение доли рядовых членов трудовых коллективов в собст-

венности [15]. Эти процессы особенно зримо проявились главным образом в энергоемких отраслях специализации региона, предприятия которых были весьма привлекательными активами ввиду своей прибыльности и эффективности.

Так, в 1998 г. уставной капитал (фонд) крупных и средних предприятий промышленности Иркутской области распределялся между акционерами (учредителями) следующим образом: коммерческие и некоммерческие организации – 61,3 %, органы государственной власти и местного самоуправления – 21,0 %, физические лица – 14,0 % (в том числе работники данных предприятий – 7,6 %), прочие – 3,7 %. При этом в уставном капитале предприятий энергоемких отраслей (цветная металлургия, топливная, химическая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность) и машиностроения безраздельно доминировал частный капитал (коммерческие и некоммерческие организации) – свыше 70–80 %. Основная же часть уставного капитала менее привлекательных отраслей, ориентированных на сжимающийся внутренний рынок (пищевая, легкая, строительных материалов), приходилась на физические лица (свыше 60 %), среди которых был довольно высок удельный вес работников данных предприятий (25–50 %).

Отличительной чертой третьего этапа стало начало проникновения в регион столичных финансовых структур (т. е. бизнес-групп банковского происхождения) и переход под их управление ряда крупных предприятий Приангарья. Показательным примером здесь может служить приобретение в 1996 г. контрольного пакета акций Ангарской нефтехимической компании (АНХК) нефтяной компанией «Сиданко», входящей в состав финансово-промышленной интегрированной бизнес-группы «Интеррос-ОНЭКСИМ», сложившейся вокруг московского «ОНЭКСИМбанка» [15]. Компания «Сиданко» поставляла на АНХК нефть и производила только оплату работ по ее переработке, самостоятельно реализуя нефтепродукты. Налоги же от этих продаж поступали не в областной бюджет и не в бюджет г. Ангарска, а уходили по месту регистрации «Сиданко», т. е. в Москву [14].

Другим примером проникновения в регион столичных финансовых структур является приобретение в 1995 г. банком «Менатеп» контрольного пакета акций Усть-Илимского ЛПК. В связи с отсутствием опыта работы в лесной отрасли и нежеланием «Менатеп» прислушиваться к мнению коллектива управленче-

скую деятельность этого банка нельзя признать успешной. Дефицит оборотных средств, неустойчивость сбыта продукции, рост долгов постоянно лихорадили работу ЛПК, не раз приводили к забастовкам и остановке целлюлозного завода [22].

С приходом столичных собственников, далеких от интересов области, с одной стороны, возникли новые проблемы, с другой, – обострились уже имеющиеся. Относительно новой можно считать проблему потери регионом значительной части налоговых поступлений, уходящих теперь по месту регистрации управляющих компаний в Москву. Обостряется проблема, связанная с освобождением приватизированных предприятий от содержания своей ведомственной социальной сферы и передачей ее в муниципальную собственность на баланс местных бюджетов [21]. При этом резкий рост муниципального фонда социальных объектов и соответствующих расходов не сопровождался каким-либо увеличением собственных доходов местных бюджетов. Управляющими компаниями активно прорабатывались и вопросы реструктуризации предприятий, заключающиеся преимущественно в «избавлении» от непрофильных активов и масштабных сокращениях персонала.

Следует отметить, что активную гражданскую позицию в отстаивании экономических интересов Приангарья заняли обе основные ветви региональной власти – исполнительная во главе с областной администрацией (до середины 1997 г. губернатор Ю. А. Ножиков, затем Б. А. Говорин) и законодательная во главе с Законодательным собранием Иркутской области (председатель И. З. Зелент). Так, при участии областной администрации в 1996 г. создана Восточно-Сибирская финансово-промышленная группа (ФПГ), деятельность которой планировалось направить на осуществление структурной перестройки экономики и инициирование инвестиционных проектов [14]. Данная ФПГ объединяла 26 крупных хозяйствующих субъектов и государственных организаций региона. Однако ее роль в экономике оказалось довольно скромной, и в начале 2000-х гг. она прекратила существование.

В течение рассматриваемого периода продолжался многолетний спор между Минимущества РФ и администрацией Иркутской области о разделе государственного пакета акций «Иркутск-энерго», которым фактически распоряжалась областная администрация, передав его в управление Восточно-Сибирской ФПГ [17, 22]. В 1996 г. между федеральными властями и областной адми-

нистрацией был подписан договор о разграничении полномочий, по которому данный 40%-ный пакет акций должен находиться в их совместном ведении. Благодаря самостоятельности иркутской энергосистемы удалось сохранить самый низкий в стране уровень тарифов на электроэнергию.

С целью закрепления прав региона на гарантированное получение части рентных доходов от работы Ангарского каскада ГЭС по инициативе Законодательного собрания был разработан и в конце 1996 г. принят закон «О рентных платежах в электроэнергетике Иркутской области», не имеющий аналогов в законодательной практике других субъектов РФ [6]. Правда, уже с середины 1997 г. этот закон был признан недействующим как противоречащий федеральному законодательству. Законодательное собрание обращалось с иском в Конституционный Суд РФ по поводу принятия федеральных законов, нарушающих конституционные права региона и его населения в отношении собственности на природные ресурсы (в частности, по вопросу отнесения исключительно к федеральной собственности всех крупных водных объектов области) [10].

Таким образом, в течение 3 третьего этапа продолжалось углубление кризисных явлений в экономике, активизировалось перераспределение собственности, началось приобретение крупными столичными финансовыми структурами предприятий региона.

Четвертый этап. Широкая экспансия крупного столичного бизнеса в область и перераспределение ее собственности между частными общероссийскими бизнес-группами и государственными корпорациями страны (1999–2012 гг.). Финансовый кризис 1998 г. стал важной вехой в дальнейших преобразованиях экономики и общей динамике производства. Ряд его последствий носил, безусловно, позитивный характер. Во-первых, сказалось положительное влияние более чем четырехкратного повышения курса доллара по отношению к рублю, что стимулировало экспорт и ограничивало импорт. Во-вторых, с увеличением экспорта и емкости внутреннего рынка (за счет вытеснения импорта) спад промышленного и другого производства сменился ростом. Для экспортоориентированной индустриальной Иркутской области указанные позитивные тенденции имели большое значение.

В то же время с выходом промышленности из кризиса первые роли в общероссийских бизнес-группах стала играть не фи-

нансовая, а производственная компонента, активы при этом перешли от банков в собственность промышленных холдингов, которые, приобретая значительные объемы свободных средств, приступили к широкой территориальной экспансии. Приход в Приангарье московских и петербургских бизнес-групп оказал неоднозначное влияние на экономическую и социальную обстановку: при стабилизации работы предприятий уменьшились налоговые поступления в бюджет области, были отсечены непрофильные активы, переданы на баланс муниципалитетов ведомственные социальные объекты и т. д.

В 2000-е гг. почти все базовые прибыльные предприятия промышленности и частично других отраслей Иркутской области приобрели новых собственников в лице мощных частных интегрированных бизнес-групп общероссийского уровня и государственных корпораций. В 2010 г. частные бизнес-группы (и их управляющие компании) контролировали следующие крупные предприятия региона: «Базовый элемент» совместно с «Реновой» (через управляющую компанию «РусАЛ») – Братский и Иркутский алюминиевые заводы, Иркутский кабельный завод и др.; «Базовый элемент» (через «ЕвроСибЭнерго») – «Иркутскэнерго»; «Базовый элемент» (через «Континенталь Менеджмент») – Байкальский ЦБК; «Базовый элемент» (через «ЕвроСибЭнерго» и «Иркутскэнерго») – «Востсибуголь»; «Илим» – Целлюлозно-картонный комбинат в Братске, Усть-Илимский ЛПК, «Братск-комплексхолдинг» и др.; «Ренова» при участии местных компаний (через «Ренова Оргсинтез») – «Саянскхимпласт»; «Нитол» – «Усольехимпром» и «Усольский силикон»; «Мечел» (через «Мечел-Майнинг») – Коршуновский ГОК; «Мечел» (через «Мечел-Ферросплавы») – Братский завод ферросплавов; ОНЭКСИМ при участии других компаний (через «Полнос Золото») – «Лензолото», «Высочайший», «Светлый» и др. [7; 9; 15]. Государственные корпорации контролировали не попавшие в первый список следующие крупные промышленные предприятия: «Роснефть» – Ангарскую нефтехимическую компанию, Ангарский завод полимеров, «Иркутскнефтепродукт» и др.; «Росатом» (через «ТВЭЛ») – Ангарский электролизно-химический комбинат; «Объединенная авиастроительная корпорация» (через «Иркут») – Иркутский авиационный завод [7; 9; 15]. В состав государственных корпораций – «Российские железные дороги» (РЖД) и «Транснефть» – входят такие мощные транспортные предприятия, как соответственно Восточно-Сибирская железная дорога и «Востокнефтепровод».

После «дефолтного» 1998 г. положение в промышленности Приангарья стало постепенно улучшаться. Однако даже в 2005 г. по сравнению с годами максимального спада (1998–1999 гг.) промышленное производство выросло всего на 25–27 % и составило только 56 % от уровня 1990 г. (см. рис. 1). Затем темпы роста несколько повысились, но снова были приостановлены в 2008–2009 гг. в связи с разразившимся глобальным финансовым кризисом. В 2010 г. промышленность региона продемонстрировала заметный рост производства, объем которого достиг в итоге 3/4 дореформенного 1990 г.

На четвертом этапе (после дефолта 1998 г.) резко усилилась экспортная ориентация промышленности региона. Объем экспорта ее продукции неуклонно возрастал все годы за исключением кризисного 2009 г., увеличившись с 2,14 млрд долл. США в 1999 г. до 4,83 млрд долл. США в 2010 г., т. е. в 2,3 раза. Если в 1990 г. объем экспорта области составлял 8–9 % от ее промышленного производства, то в 1994 г. – 40 %, а в 1999–2000 гг. – даже 75–85 %. Следовательно, наиболее эффективные отрасли индустрии, в первую очередь алюминиевая, целлюлозно-бумажная и химическая, стали производить преобладающую часть своей продукции для зарубежного рынка, а не для собственного. Правда, в последующем роль внутреннего рынка все же заметно повысилась, в связи с чем удельный вес экспорта в промышленном производстве снизился до 43 % в 2005 г. и 32 % в 2009 г.

Сходной в общих чертах с промышленностью была на четвертом этапе динамика в других отраслях экономики области. Стагнация строительного комплекса на минимальном уровне (15–19 % по объему инвестиций и 12–20 % по вводу жилья к 1990 г.) продолжалась вплоть до 2005 г., после чего начался резкий рост инвестиций в основной капитал (с 2006 г.) и ввода в действие жилых домов (с 2007 г.) (см. рис. 2). Глобальный кризис 2008–2009 гг. существенно затормозил восстановление отрасли: темпы роста ввода жилья заметно снизились, а объемы инвестиций даже сократились. В результате объем инвестиций в 2010 г. составил всего лишь 29 % от уровня 1990 г., ввод жилья – 42 %.

На транспорте в 1998–2002 гг. наблюдался максимальный спад объемов грузовых перевозок – до 37–42 % от уровня 1990 г. (см. рис. 3). Начавшийся с 2003 г. рост грузоперевозок был прерван кризисом 2008–2009 гг., и в 2010 г. их объем составил только 53 % от 1990 г.

Совокупный результат производственной деятельности предприятий и организаций всех отраслей экономики можно оценить величиной валового регионального продукта (ВРП), однако данные по динамике его физического объема имеются только с 1996 г. Указанный объем ВРП Иркутской области вырос в 2009 г. по сравнению с годом максимального спада (1998 г.) на 69 %. Существенные изменения произошли в отраслевой структуре ВРП: если в 1995 г. преобладали отрасли по производству товаров (промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство) – 61,5 %, то в 2009 г. – отрасли по производству услуг (все прочие) – 59,0 %. Промышленность, хотя и сохранила за собой лидерство по вкладу в ВРП, резко снизила свой удельный вес с 44,9 до 27,5 % (1,6 раза). В то же время повысилась доля в ВРП транспорта и связи с 13,9 до 21,4 % (в 1,5 раза) и особенно заметно – управления с 1,0 до 7,6 % (в 7,6 раза).

Благодаря определенному оживлению на четвертом этапе экономики Приангарья удалось переломить тенденцию сокращения занятости населения: относительно самого провального 1998 г. общее число рабочих мест несколько выросло уже к следующему году и затем оставалось сравнительно стабильным. Вместе с тем темпы общего уменьшения численности занятых за 1990–2009 гг. (15,8 %, или 213,8 тыс. чел.) превышали темпы сокращения всего населения области (10,5 %). В 2000-е гг. продолжали сокращаться рабочие места в промышленности (на 48,5 тыс. чел. с 1999 по 2009 г.), образовании, культуре и науке (на 24,8), возрастая в то же время в торговле (на 15,8) и управлении (на 21,0 тыс. чел.). В настоящее время по численности занятых торговля вышла в регионе на второе место среди отраслей экономики (16,8 % от общей численности работников), почти сравнявшись с промышленностью (18,8 %), тогда как в 1990 г. промышленность (29,9 %) опережала торговлю (8,1 %) в 3,7 раза. По численности персонала отрасль управления (6,4 %) догоняет сейчас такие традиционно крупные отрасли, как строительство (7,1 %) и здравоохранение (7,5 %).

На четвертом этапе в области продолжались, хотя и замедленными темпами, институциональные преобразования, связанные прежде всего с изменением форм собственности. Если в 1998 г. доля государственного и муниципального сектора составляла 41,1 % во всей численности занятых в экономике, а сектора индивидуального и частного предпринимательства – 58,9 %, то к 2009 г. первый сектор сократился до 36,5 %, а второй вырос до 63,5 %.

В промышленности при этом не прекращались процессы перераспределения собственности. Ведущая тенденция заключалась здесь во все большей концентрации собственности в руках крупных частных бизнес-групп (коммерческих организаций) и органов государственной власти федерального уровня за счет резкого сокращения доли физических лиц, включая работников предприятий. В уставном капитале крупных и средних предприятий промышленности Иркутской области с 1998 по 2009 г. доля коммерческих и некоммерческих организаций почти не изменилась (59–61 %), а доля органов государственной власти федерального уровня выросла в 2 раза – с 18,4 до 36,6 %. Последнее связано с определенной активизацией государства в экономике и созданием в 2000-х гг. таких госкорпораций, как «Роснефть», «Росатом», «Объединенная авиастроительная корпорация» (не считая созданного ранее ПАО «ЕЭС России»), которые владеют в регионе контрольными или значительными пакетами акций крупных предприятий.

В то же время осталась без изменений ничтожная доля в уставном капитале (1,6–1,7 %) региональных органов государственной власти и местного самоуправления. С 14,0 до 2,3 %, т. е. в 6 раз, сократился удельный вес физических лиц, в том числе работников соответствующих предприятий. Во всех отраслях промышленности, кроме пищевой, на физические лица приходится небольшая часть уставного капитала – менее 10 % (в большинстве отраслей – менее 5 %).

Важным показателем «успешности» отрасли или степени внимания к ней со стороны бизнеса и государства является среднемесячная начисленная заработная плата работников. Перед началом реформ в 1990 г. на первом месте по ее уровню находились финансы (133 % к средней по области), на втором – строительство (130 %), на третьем – транспорт (114 %), на четвертом – промышленность (112 %), тогда как здравоохранение (65 %) и образование (66 %) занимали последние места. В 2009 г. в лидерах сохранились финансы (с оплатой в 2 раза выше среднеобластного уровня), затем следуют управление (154 %), транспорт и связь (131 %) и промышленность (120 %), а замыкают весь ряд торговля (56 %), сельское хозяйство и по-прежнему образование (по 67 %). Отличительная черта динамики среднемесячной заработной платы по отраслям – рост их дифференциации по этому показателю в течение 1990-х гг. (разница между максимальными и

минимальными значениями в 1990 г. составляла 2 раза, а в 2000 г. – уже 4,8 раза) и некоторое нивелирование данного разрыва к настоящему времени (к 2009 г. разница в оплате труда отраслей снизилась до 3,6 раз).

Одним из главных негативных следствий вхождения ключевых предприятий области в состав частных интегрированных бизнес-групп и госкорпораций общероссийского значения, зарегистрированных, как правило, в Москве или Санкт-Петербурге, оказалось снижение налоговых поступлений в областной и местные бюджеты. Это происходит за счет широкого применения толлинговых и процессинговых схем производства, механизма трансфертных цен, перерегистрации основных фондов за пределами региона, внутрикорпоративного перераспределения выручки и прибыли, использования внешних и внутренних оффшоров и т. д. При этом непрозрачность финансовых потоков данных бизнес-групп и корпораций не позволяет достоверно оценить их реальную налоговую базу.

Тем не менее, весьма показательной является определенная расчетным путем по данным за 2003 г. степень занижения объемов промышленной продукции и соответственно бюджетных доходов области в двух ведущих энергоемких отраслях – нефтеперерабатывающей и алюминиевой, использующих процессинговые и толлинговые схемы. Результаты наших расчетов [3] говорят о том, что только по двум указанным отраслям продукция на сумму около 70 млрд руб. не учитывалась как продукция региона (почти треть его промышленной продукции), а консолидированный бюджет Иркутской области терял как минимум 12 млрд руб. собственных доходов и становился дефицитным. С учетом же фактических объемов промышленной продукции и соответствующих им доходов никакой дефицитности бюджета не существовало и не существует. Таким образом, значительная часть финансовых ресурсов, формируемых предприятиями области, минует ее бюджет, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и общероссийскими бизнес-группами и госкорпорациями, контролирующими самые прибыльные производственные активы Приангарья.

§ 2. Структурные изменения в основных отраслях и видах деятельности

Под воздействием реформ постсоветского периода все основные отрасли и виды деятельности экономики Иркутской области подверглись изменениям различной глубины и направленности. Произошедшие структурные сдвиги рассмотрим на примере промышленности, строительного-инвестиционного комплекса, транспорта и связи, сферы услуг.

Промышленность. Начиная со времени радикальных преобразований экономических отношений первой половины 1990-х гг. (со 2-го этапа), отрасли промышленности Иркутской области резко дифференцируются по динамике своего производства. В условиях сильнейшего сжатия внутреннего рынка эта дифференциация была обусловлена преимущественно возможностями выхода отраслей и их предприятий на внешний рынок. Общая закономерность здесь такова: отрасли, переориентировавшиеся преимущественно на внешний рынок, лучше адаптировались к новым условиям хозяйствования и в определенной мере сохранили или даже увеличили объем производства, тогда как отрасли, выпускающие продукцию для внутреннего рынка, испытали значительный или даже катастрофический спад.

К сожалению, в связи с переходом с 2005 г. статистической отчетности страны от отраслей к видам экономической деятельности проанализировать динамику отраслей промышленности можно только до 2004 г. В этом году спад по промышленности в целом достиг 49 % к уровню 1990 г. (см. рис. 1). За тот же период на 8 % увеличился объем производства цветной металлургии (в основном за счет работающих на внешний рынок алюминиевых заводов); всего на 15 и 17 % сократилось производство соответственно в черной металлургии (Коршуновский ГОК поставлял сырье на экспортоориентированные металлургические заводы) и лесном комплексе (резко увеличившем экспорт продукции); на 27 % снизила производство электроэнергетика, обеспечивающая потребности энергоемкой промышленности, прежде всего алюминиевой; на 34 % сократился объем производства в машиностроении (при наличии большого числа ликвидированных предприятий отрасли положение спас единственный Иркутский авиационный завод, наладивший крупные поставки авиатехники за рубеж).

В большей мере пострадали отрасли, потерявшие часть внутренних рынков и испытывающие трудности при выходе на внешние. К ним относится топливная промышленность, включая нефтеперерабатывающую и угольную (спад на 59 %), и химическая и нефтехимическая промышленность (на 77 %). В самом худшем положении оказались отрасли, выпускающие продукцию почти исключительно для внутреннего рынка. Если по понятным причинам пищевая промышленность все-таки держится «на плаву» (спад на 55 %), то ситуацию в промышленности строительных материалов (спад на 93 %) и легкой промышленности (на 94 %) можно считать катастрофической.

Следовательно, развитие внешнеторговых связей превратилось в 1990–2000-х гг. в важнейший фактор функционирования базовых градообразующих предприятий Приангарья. Масштабному выходу на внешние рынки благоприятствовало основное конкурентное преимущество региона – очень низкий уровень затрат на энергию, складывающийся в основном благодаря исключительной дешевизне огромного количества электроэнергии, получаемой на ГЭС Ангарского каскада. За счет самых низких в стране тарифов на электроэнергию и относительно низких – на теплоэнергию (при невысокой оплате труда) продукция энергоемких производств алюминиевой и целлюлозно-бумажной промышленности и отчасти химической и нефтеперерабатывающей оказалась вполне конкурентоспособной и востребованной на мировом рынке. Рост экспорта был связан с увеличением вывоза за рубеж таких основных видов энергоемкой продукции, как алюминий и целлюлоза, картон и бумага, а также необработанных и обработанных лесоматериалов. Кроме того, начались массовые поставки ранее почти не экспортировавшихся товаров – нефтепродуктов (мазут, дизельное топливо, бензин и др.), авиатехники, отдельных видов химической продукции [1; 5]. Вместе с тем при таком росте сырьевого и полупродуктового экспорта установилась излишне жесткая зависимость экономики области от конъюнктуры мирового рынка.

В зависимости от удельного веса экспорта в производстве промышленной продукции все ее виды можно разделить на три группы (табл. 1). Объемы видов продукции (алюминий, целлюлоза и др.), ориентированной преимущественно на внешний рынок (доля экспорта в производстве выше 65–90 %), выросли в настоящее время относительно дореформенного 1990 г. на 12–27 %.

Вторая группа (со снижением объемов на 14–59 %) состоит из тех видов продукции, где доля экспорта обычно не превышает 15–25 %, но часть их (электроэнергия, уголь, железная руда) играет важную роль в обеспечении работы экспортоориентированных предприятий. В третью группу вошли виды продукции, ориентированные почти исключительно на внутренний рынок и отличающиеся максимальным падением объемов производства – от 52–65 % в пищевой промышленности до 93–97 % в машиностроении, легкой и строительных материалов.

Таблица 1

Изменение объемов производства отдельных важнейших видов продукции промышленности Иркутской области за 2000 и 2009 г., в % к 1990 г.

Вид продукции	2000	2009
<i>Продукция, ориентированная преимущественно на внешний рынок</i>		
Алюминий	102	127
Целлюлоза товарная	93	112
Картон	84	122
<i>Продукция, ориентированная на внутренний и внешний рынки или обеспечивающая работу экспортоориентированных предприятий</i>		
Электроэнергия	81	86
Уголь	61	44
Железная руда	70	84
Деловая древесина	38	41
Синтетические смолы и пластмассы	71	82
<i>Продукция, ориентированная почти исключительно на внутренний рынок</i>		
Мясо и мясопродукты	22	48
Цельномолочная продукция	21	35
Штамповки	9	7
Цемент	24	44
Сборные железобетонные конструкции и детали	9	7
Обувь	4	3

Отраслевая структура промышленности Иркутской области выгодно отличается от многих регионов страны своей диверсифицированностью. В 2004 г. ведущая роль принадлежала цветной металлургии (26,0 %), лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (20,5 %), машиностроению (15,7 %), электроэнергетике (12,6 %) и топливной промышленности (7,1 %). К значимым структурным изменениям по сравнению с 1990 г. можно отнести рост доли цветной металлургии (в 2,3 раза) при одновременном снижении удельного веса топливной

промышленности (в 2,3 раза), промышленности строительных материалов (в 2,7 раза) и легкой промышленности (в 17,5 раза). Необходимо отметить, что при исключении влияния трансфертных цен отраслевая структура промышленности региона будет существенно отличаться от данных официальной статистики (в частности, за счет увеличения в 3,5 раза доли топливной промышленности) [4]. На рубеже веков структура промышленности области обогатилась новыми многообещающими видами деятельности: с 1998 г. началась добыча нефти, с 2000 г. – природного газа [20].

Стабильность и эффективность промышленного производства напрямую зависят от состояния основных фондов. Промышленность Иркутской области располагала в 2009 г. значительными фондами стоимостью 313 млрд руб. Подавляющая их часть – свыше 80 % – приходилась на такие виды деятельности, как производство и распределение электроэнергии, газа и воды (39,6 %), добыча полезных ископаемых (15,4 %), металлургическое производство (13,7 %) и производство нефтепродуктов (12,5 %).

Застарелой проблемой, стоявшей достаточно остро еще до начала реформ, является износ основных фондов. В целом по промышленности этот показатель в 1999–2003 гг. достигал 54–55 %, а в отдельных отраслях (топливная промышленность и черная металлургия) превышал 60 %. Однако в последние годы в обновлении фондов произошли сдвиги к лучшему. Их износ по видам экономической деятельности с 2005 по 2009 г. заметно снизился: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – соответственно с 59,5 до 48,5 %, в обрабатывающих производствах – с 52,2 до 45,8 %, в добыче полезных ископаемых – с 44,3 до 21,6 %.

Оплата труда в промышленности Приангарья сильно дифференцирована по отраслям и видам деятельности. Средний размер заработной платы в самой высокооплачиваемой нефтеперерабатывающей промышленности и самой низкооплачиваемой легкой различается в 6 раз. Относительно высок уровень оплаты труда в добыче полезных ископаемых, металлургии, электроэнергетике, химической промышленности и машиностроении. Ниже среднего уровня по промышленности заработок во внутреннеориентированных отраслях – в пищевой и строительных материалов, а также в лесной и деревообрабатывающей промышленности.

В последние годы улучшились или стабилизировались экономические показатели промышленности Приангарья. Отрасль в целом и ее основные комплексы – топливно-энергетический, металлургический, лесной и др. – работали с прибылью. Уровень рентабельности в 2005–2009 гг. в добыче полезных ископаемых находился в пределах 20–40 %, в обрабатывающих производствах – 10–15 %, в производстве и распределении электроэнергии газа и воды – 8–12 %. Конечно, такую рентабельность, превышающую средний уровень в экономике региона, удавалось обеспечивать во многом благодаря росту цен на выпускаемую продукцию, в том числе экспортных цен в связи с удачно складывающейся конъюнктурой мировых сырьевых рынков.

Несмотря на груз серьезных проблем, достаточно стабильный рост экономики в течение 2000-х гг. позволил Иркутской области остаться одним из наиболее мощных индустриальных регионов страны. На долю Приангарья приходится значительная часть российского производства многих видов продукции, особенно энергоемкой. В настоящее время регион производит свыше трети первичного алюминия России (1-е место в стране), 29 % товарной целлюлозы (2-е), 14 % поваренной соли, 11 % пиломатериалов (2-е), 10 % золота, 10 % синтетических смол и пластмасс (6-е), 7 % картона (3-е), 7 % древесноволокнистых плит, 6 % электроэнергии (4-е), 6 % клееной фанеры (8-е), 4 % угля (5-е), 4 % железной руды, 4 % бензина и дизельного топлива, 3 % теплоты и т. д.

Перспективы развития промышленности Приангарья связаны в общем виде с реализацией четырех основных направлений. Во-первых, продолжится освоение богатейшего природно-ресурсного потенциала региона: развернется масштабная добыча нефти (Верхнечонское и др. месторождения) и природного газа (Ковыктинское и др. месторождения), вовлечение в эксплуатацию рудного золота (месторождение Сухой Лог), редких металлов, угля и железных руд новых месторождений, лесных запасов северных районов и т. д. Во-вторых, планируется увеличение объемов производства в отраслях специализации: в алюминиевой промышленности – за счет строительства Тайшетского, расширения Иркутского и модернизации Братского алюминиевых заводов; в лесной промышленности – за счет строительства нового целлюлозного завода и мощностей деревообработки; в электроэнергетике – за счет расширения мощностей действующих и

строительства новых теплоэлектростанций; и т. д. В-третьих, стратегическим направлением должно стать углубление переработки сырья с организацией конечных переделов в первую очередь на базе действующих энергоемких производств алюминиевой, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, химической и нефтехимической промышленности. В-четвертых, на основе диверсификации производства и активизации инновационной деятельности в машиностроении предполагается создание новых для региона конкурентоспособных видов продукции высокого качества.

Строительно-инвестиционный комплекс. Строительство в период реформ понесло, пожалуй, наибольшие потери по сравнению с другими отраслями экономики Иркутской области. Объем инвестиций в основной капитал с 1990 по 2009 г. упал в 3,4 раза, ввод в действие жилых домов – в 2,4 раза (см. рис. 2). За тот же период численность работников отрасли сократилась с 204,7 до 81,5 тыс. чел. (в 2,5 раза), а их доля во всем занятом населении Приангарья – с 15,1 до 7,1 % (в 2,1 раза). Правда, во второй половине 2000-х гг. наблюдается определенное оживление инвестиционной и строительной деятельности.

В структуре ВРП удельный вес строительства снизился с 8,5 % в 1995 г. до 5,8 % в 2009 г. По уровню среднемесячной заработной платы отрасль передвинулась со второго места в 1990 г. на пятое в 2009 г., уступив первые места таким отраслям, как финансы, управление, транспорт и связь, промышленность. Резко ухудшилось состояние материально-технической базы строительства и уменьшилось производство строительных материалов: выпуск цемента сократился в 2,2 раза, строительного кирпича – в 5,5 раза, железобетонных конструкций и изделий – в 14,9 раза и т. д. По вводу жилых домов в расчете на душу населения область традиционно занимает одно из последних мест среди сибирских регионов, а стоимость жилья, особенно на первичном рынке, остается самой высокой в Сибири и одной из самых высоких в стране.

В 1990-е гг. произошла структурная перестройка строительного комплекса Приангарья: его промышленная ориентация в значительной мере трансформировалась на жилищно-гражданскую. При этом существенные преобразования наблюдались и в самом жилищном строительстве.

Во-первых, изменились источники его финансирования. В общем вводе жилья доля государственного и муниципального финансирования с 1995 по 2009 г. снизилась с 40,4 до 9,7 %, а доля жилья, построенного за счет частного капитала (с учетом смешанного капитала и средств населения), выросла соответственно с 59,6 до 90,3 %. При этом удельный вес жилых домов, построенных за счет средств населения, составлял в 2000-е гг. от 20 до 40 % общего ввода.

Во-вторых, возведение панельных и монолитных многоэтажных домов стало активно дополняться массовым малоэтажным строительством. Так, в последние годы в пригородной зоне Иркутска различными строительными компаниями начато создание около десяти поселков малоэтажной застройки – как индивидуальных коттеджей, так и многоквартирных домов с небольшим количеством этажей.

Большие изменения претерпели также источники финансирования инвестиций в экономику области. В 2000-е гг. в источниках финансирования инвестиций в основной капитал крупных и средних предприятий доля их собственных средств колебалась по годам в среднем от 40 до 70 %, а доля привлеченных средств, включая кредиты банков, заемные и бюджетные средства, – соответственно от 60 до 30 %. При этом удельный вес инвестиций за счет бюджетных средств постепенно снизился с 27,7 % в 2000 г. до 9,6 % в 2009 г.

Подавляющий объем инвестиций в основной капитал направлен в последние годы главным образом на развитие ведущих отраслей материального производства – промышленности, транспорта и связи. В 2009 г. в промышленность было вложено 46,5 % всех инвестиций, в транспорт и связь – 36,1 %. В промышленности основной объем инвестиций приходился на электроэнергетику, цветную металлургию, топливную и целлюлозно-бумажную отрасли, а на транспорте – на железную дорогу.

Возможности восстановления и модернизации строительного инвестиционного комплекса зависят во многом от повышения стабильности и эффективности работы основных отраслей экономики, их дальнейшего поступательного развития, роста покупательной способности населения региона. В числе прочих мер требуется не только создание принципиально новой, прогрессивной базы стройиндустрии и строительство современного жилья с более высокими потребительскими свойствами, ориентирующи-

мися на индивидуальный спрос, но и коренное совершенствование территориальной структуры отрасли.

Транспорт и связь. Транспорт и связь играют исключительно большую роль в экономике Иркутской области, что определяется не только выполнением ими важных системообразующих и связующих (коммуникационных) функций для огромной территории региона, но и значительными объемами массовых сырьевых и полупродуктовых грузов экспортоориентированной индустрии и необходимостью их перевозки на дальние и сверхдальние расстояния из-за внутриконтинентального глубинного макрорасположения Приангарья и его удаленности от главных центров и морских портов страны. Общей тенденцией последних десятилетий является рост значимости транспорта и связи среди других отраслей. Их удельный вес в основных фондах региона в 2009 г. достиг 44,8 % (против 15–20 % в конце 1980-х гг.), в инвестициях в основной капитал – 36,1 %. Доля транспорта и связи в структуре ВРП повысилась с 13,9 % в 1995 г. до 21,4 % в 2009 г., а доля в общей численности занятого населения осталась практически неизменной – 9,7 % в 1990 г. и 9,5 % в 2009 г. (108,3 тыс. чел.). По уровню среднемесячной заработной платы транспорт и связь на протяжении двух последних десятилетий устойчиво занимали почетное третье место среди отраслей экономики, уступая в 2009 г. только таким привилегированным отраслям, как финансы и управление.

Изменения, произошедшие в период реформ на транспорте и связи, имели далеко неоднозначный характер. Такие из них, как падение объема грузо- и пассажироперевозок, отражают кризисные явления во всей экономике. Другие изменения, прежде всего рост обеспеченности населения личными легковыми автомобилями и бурное распространение мобильной (сотовой) связи, представляют собой в целом прогрессивные тенденции современности, направленные на повышение мобильности населения и возможностей межличностных коммуникаций.

Объем перевозки (отправления) грузов транспортом общего пользования Иркутской области (без учета трубопроводного транспорта), достигавший в 1990 г. 157,3 млн т, сократился в 1998–2002 гг. до 59–60 млн т (в 2,6–2,7 раза), затем вырос до 80–85 млн т (за исключением кризисного 2009 г.) (см. рис. 3). В 2010 г. данный показатель – 83,8 млн т – составил 53,3 % от уровня дореформенного 1990 г. (в 2009 г. – 44,4 %). Грузооборот

транспорта за счет увеличения дальности перевозок (при переориентации значительной части хозяйственных связей с внутренними на экспортно-импортные) сократился в меньшей степени: его размеры в 2009 г. (90 млрд т-км) от уровня 1990 г. (137,3) составили 65,5 %.

Динамику перевозок пассажиров корректно оценить невозможно, поскольку с 1998–1999 гг. перестали учитываться пассажиры, пользующиеся правом бесплатного проезда на железнодорожном транспорте, а с 2005 г. – на автомобильном, троллейбусном и трамвайном. С 1990 по 2009 г., согласно данным официальной статистики, объем перевозок пассажиров упал с 721,3 до 152,1 млн чел., или в 4,7 раза, а пассажирооборот – в 4,0 раза, что, конечно, не соответствует действительности.

За период 1990–2009 гг. при среднем значении уменьшения объемов перевозок грузов региона в 1,9 раза наименьшее сокращение наблюдалось на самом экономичном виде транспорта – железнодорожном (в 1,7 раза), а наибольшее – на самом дорогом – воздушном (в 13,6 раз). Промежуточное положение занимали автомобильный и внутренний водный транспорт, где падение перевозок составило соответственно 4,9 и 6,0 раза.

Подавляющая часть объема перевозок грузов Приангарья приходится сейчас на железнодорожный транспорт (85,3 %), тогда как доли автомобильного (10,5 %) и внутреннего водного (4,2 %) значительно меньше, а роль воздушного ничтожна. В общем объеме грузооборота с учетом большой дальности перевозок железнодорожным транспортом его доминирование поистине безраздельно – 98,1 %, а вклад автомобильного и внутреннего водного снижается соответственно до 0,2 и 1,7 %.

За рассматриваемый период перевозки пассажиров в наименьшей мере сократились также на железнодорожном транспорте (в 1,4 раза), в большей мере – на внутреннем водном, троллейбусном, трамвайном (в 2,3 раза), особенно сильно – на автомобильном и воздушном (в 8,5–8,9 раза). В структуре перевозок пассажиров первые места занимают сейчас автомобильный (37,2 %), трамвайный (29,5 %), троллейбусный (17,8 %) и железнодорожный (14,7 %) виды транспорта, а последние – внутренний водный (0,4 %) и воздушный (0,3 %). Однако ввиду перевозок пассажиров поездами дальнего следования в пассажирообороте на первое место выходит железнодорожный транспорт – 77,5 %, второе место принадлежит автомобильному – 14,1 %, за-

тем следуют воздушный (с учетом только местных авиалиний) – 3,3 %, трамвайный – 3,0 %, троллейбусный – 1,7 % и внутренний водный – 0,4 %.

Магистральный железнодорожный транспорт региона обеспечивает почти все дальние и сверхдальние перевозки транзитных и собственных грузов, основную часть перевозок пассажиров дальнего следования, значительную часть местных грузовых и пассажирских, а также пригородных пассажирских перевозок. Основу железнодорожной сети составляют участки транзитных Транссиба и БАМа, сходящиеся в Тайшете. Густота грузовых перевозок в регионе (38,0 млн т·км на 1 км) в 1,5 раза превышает средний показатель на железнодорожном транспорте «РЖД» (24,9). По объему отправления грузов железнодорожным транспортом Иркутская область устойчиво находится на третьем месте в стране, уступая лишь крупнейшим грузоформирующим субъектам РФ – Кемеровской и Свердловской областям. В структуре грузов, отправляемых из области, 95 % составляют сейчас нефтепродукты, уголь, лесные грузы и железная руда. По объему отправления пассажиров Приангарье опережают только столичные регионы (Москва с Московской областью и Санкт-Петербург) и два региона, возглавляемых городами-миллионерами (Новосибирская и Нижегородская области).

Автомобильный транспорт выполняет основной объем местных, пригородных и внутрихозяйственных перевозок грузов и пассажиров. Каркас автомобильной сети области составляют федеральные автомобильные дороги, к которым относится прежде всего Московский тракт (М53 и М55), проходящий в целом параллельно Транссибу. Дороги регионального и межмуниципального значения представляют собой ответвления от федеральных автодорог. Протяженность автодорог с твердым покрытием общего пользования – федеральных, региональных, межмуниципальных – в 2009 г. достигла 12,4 тыс. км. По густоте автодорог с твердым покрытием (16 км дорог на 1000 км² территории) область в 2,4 раза уступает соответствующему показателю для страны в целом (38) и в 13,4 раза – показателю для Центрального федерального округа (215).

Внутренний водный транспорт нацелен преимущественно на доставку грузов в северные труднодоступные районы как самой Иркутской области, так и соседней Республики Саха (Якутии). Несмотря на большую протяженность внутренних судоходных

путей региона (более 8 тыс. км), принадлежащих бассейнам двух великих рек Азии – Енисея (Ангары) и Лены, в настоящее время только их часть фактически используется водным транспортом. Судоходство осуществляется по Ангаре с ее водохранилищами и оз. Байкал, Лене, нижнему течению Витима, верховьям Нижней Тунгуски. Основной объем перевозимых грузов – свыше 60 % – приходится на лесные, строительные и нефтяные.

Воздушный транспорт на дальних и сверхдальних расстояниях осуществляет пассажирские связи области с рядом крупных и курортных городов России и отдельных стран мира, а также на местных линиях и менее дальних расстояниях – с изолированными в транспортном отношении районами и пунктами. Подавляющий объем перевозок выполняют два международных аэропорта – Иркутск и Братск, относящиеся к 62 крупнейшим аэропортам страны. Лидирующий в Приангарье аэропорт Иркутска по размерам отправления пассажиров в 2008 г. (494,4 тыс. чел.) находился на пятом месте в Сибири и на Дальнем Востоке, уступая аэропортам Новосибирска (в 2 раза) и незначительно Хабаровска, Сургута и Красноярска. Намного меньше объем пассажирских перевозок на местных воздушных линиях, связывающих Иркутск с центрами труднодоступных районов – Ербогаченом, Мамой, Бодайбо, Киренском и др. С начала 1990-х гг. десятки аэропортов региона, обслуживающих местные линии, были полностью закрыты или переведены в эпизодически функционирующие посадочные площадки [11].

Узкоспециализированный трубопроводный транспорт ориентирован как на снабжение нефтью и продуктами ее переработки ряда крупных центров области, так и на экспорт нефти в страны АТР. Данный вид транспорта представлен участком магистрального нефтепровода Омск – Ангарск, обеспечивающим нефтью Ангарскую нефтехимическую компанию; нефтепродуктопроводами Ангарск – Иркутск (керосинопровод) и Ангарск – Саянск (этиленопровод); проходящим по северу региона участком крупнейшего магистрального нефтепровода экспортного назначения «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО).

В отличие от многих отраслей экономики, испытывающих в период реформ спад и стагнацию, целый ряд видов связи (мобильная связь, Интернет и др.) находился в это время в стадии бурного развития. Объем платных услуг связи населению области с 2000 по 2009 г. вырос с 1 до 12,4 млрд руб., а доля связи в общем объеме платных услуг – с 12,9 до 22,5 %.

О структурных изменениях в отрасли можно судить по динамике доходов ее основных видов (сегментов). Еще в 1996 г. подавляющую часть доходов – свыше 90 % – предприятия отрасли получали от телефонной (65,2 %) и почтовой связи (19,0 %), радиовещания и телевидения (7,6 %). Менее чем за полтора десятилетия ситуация коренным образом изменилась: в 2009 г. почти половина (49,8 %) доходов приходилась на подвижную (мобильную) электросвязь, тогда как удельный вес телефонной и почтовой связи, радиовещания и телевидения уменьшился в 2,5–3,5 раза.

Тем не менее, традиционные услуги почтовой и телефонной связи остаются неотъемлемой и социально значимой, особенно в сельской местности, частью рынка связи и телекоммуникаций. В Приангарье работают 22 почтамта, в ведении которых находится 737 отделений почтовой связи. Почтовые отправления в 2009 г. состояли из писем, бандеролей и посылок (44,0 %), газет и журналов (34,0 %), денежных переводов и пенсионных выплат (21,6 %), телеграмм (0,4 %). Динамика их объемов за 1990–2009 гг. в целом отрицательна: при незначительном росте отправления переводов и выплат (на 9,6 %) количество писем, бандеролей и посылок сократилось в 3,9 раз, а телеграмм, газет и журналов – даже соответственно в 33 и 47 раз. В то же время обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами выросла с 8,5 до 24,7 штук на 100 жителей, или в 2,9 раза.

Рынок мобильной связи области, как и во всей стране, находился в последние годы в стремительном развитии: с 2000 по 2009 г. обеспеченность населения абонентскими устройствами сотовой связи выросла с 0,6 до 125 штук на 100 жителей, или в 208 раз. Услуги сотовой связи стали предлагаться в регионе с 1995 г., но уже в 2004 г. уровень обеспеченности ею обгоняет уровень традиционной телефонизации населения, а в 2007 г. обеспеченность населения сотовыми телефонами более чем в 5 раз превысила его обеспеченность обычными квартирными телефонами. Вместе с тем сплошная зона охвата сотовой связью ограничена наиболее плотно заселенной полосой вдоль Транссиба и Ангары от Куйтуна и Усть-Уды на западе, до Байкала на востоке, тогда как на остальной части области мобильная связь действует только вдоль главных транспортных коридоров в зонах влияния городских и районных центров.

Все более острой проблемой в сфере транспорта становится отставание темпов расширения дорожной сети от темпов автомо-

билизации населения. Если протяженность автодорог с твердым покрытием общего пользования с 1990 по 2009 г. увеличилась в Приангарье с 8,8 до 12,4 тыс. км (в 1,4 раза), то обеспеченность населения собственным легковыми автомобилями – с 74 до 185 шт. на 1000 чел. (в 2,5 раза) (см. рис. 3). Недостаточная пропускная способность дорожной и уличной сети, особенно в городах и на подходах к ним, ведет к постоянному возникновению «пробок», что во многом обесценивает преимущества индивидуального легкового автотранспорта – комфортность поездки, высокую скорость сообщения, свободный выбор маршрута и др. Между тем есть все основания считать, что уровень автомобилизации будет еще долгое время только нарастать со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Другой крупной транспортно-экономической проблемой Иркутской области является повышенный уровень транспортных издержек в стоимости вывозимых сырьевых и полупродуктовых товаров, что обусловлено исключительно большой удаленностью от основных внутренних и внешних рынков сбыта. По нашим расчетам [2], величина суммарных транспортных издержек 12 крупнейших предприятий индустрии региона сопоставима со всей доходной частью областного бюджета, причем транспортные расходы товаропроизводителей Приангарья выше аналогичных расходов товаропроизводителей европейской части страны как минимум в 1,5–2 раза. Чрезмерно высокая транспортная составляющая существенно снижает рентабельность работы, прибыльность и ценовую конкурентоспособность продукции большинства производств, ведет к уменьшению налоговых и бюджетных доходов, ставит экономику региона в сильнейшую зависимость от тарифной политики на железнодорожном транспорте.

Между тем в связи с переходом к финальному этапу реформирования железнодорожного транспорта встает реальная угроза приватизации «РЖД» [18]. Опыт приватизации электроэнергетики показывает, что при этом государство снимает с себя ответственность, а пришедший в отрасль крупный бизнес стремится к быстрому повышению тарифов под предлогом необходимости окупить инвестиции в обновление фондов. Однако одинаковый для всей страны рост тарифов на грузовые железнодорожные перевозки неминуемо поставит Иркутскую область и другие сибирские регионы в особо невыгодные транспортно-экономические условия.

Перспективы развития транспорта и транспортной сети Иркутской области связаны как с более полным использованием возможностей ее транзитного положения между Западной Европой и Восточной Азией на основе действующих железнодорожных магистралей, так и со строительством новых железных и автомобильных дорог, нефте- и газопроводов. На базе реконструированного и расширенного Транссиба (и отчасти БАМа) предполагается организация трансконтинентального евразийского транспортного коридора, который позволит не только резко увеличить объем транзитных международных перевозок (в первую очередь контейнерных), но и экономически «приблизить» глубинный регион (и Сибирь в целом) к ведущим центрам страны и мира, морским и океаническим портам. Согласно «Транспортной стратегии РФ до 2030 г.», в Приангарье планируется строительство двух железных дорог: восточного участка стратегической Северо-Сибирской магистрали Усть-Илимск – Лесосибирск – Нижневартовск и линии Усть-Кут – Непа – Ленск. Создание автодороги в направлении Усть-Кут – Непа – Мирный даст Республике Саха (Якутия) второй круглогодичный выход на опорную сеть автомобильных дорог России, а строительство автодороги Иркутск – Жигалово – Магистральный по кратчайшему пути свяжет юг области с БАМом. Проектируются газопроводы от Ковыктинского газоконденсатного месторождения к линии БАМа, Саянску и Ангарску, нефтепроводы от северных месторождений нефти (Верхнечонское и др.) к магистральному нефтепроводу ВСТО.

Сфера услуг. В 1992–1993 гг. развернулись активные процессы акционирования и приватизации предприятий сферы услуг – торговли, общественного питания, бытового обслуживания и др. Переход к частной собственности коренным образом изменил к лучшему работу указанных видов деятельности. Покажем это на примере торговли как наиболее мощной отрасли сферы услуг.

К середине 1990-х гг. торговля в основном переходит из-под государственного управления в частные руки и начинает базироваться на рыночных принципах организации. Если в 1990 г. частная форма собственности в структуре розничного товарооборота занимала всего 2 %, то уже в 1995 г. она составляет 58 %, а в 2000 и 2009 г. достигает соответственно 80 и 97 %. Во многом благодаря частной инициативе быстро улучшается состояние потребительского рынка: исчезает дефицит продовольственных и промышленных товаров, расширяется их ассортимент, уходят в прошлое распределительные талоны, появляется долгожданная свобода

бода выбора. Постепенно преобразуются старые и создаются новые предприятия торговли, включая современные супер- и гипермаркеты и торговые центры, в регион приходят крупные сетевые торговые структуры.

По объему ВРП среди отраслей экономики области оптовая и розничная торговля занимает в 2009 г. почетное третье место (12,0 %) после промышленности (27,4 %) и транспорта и связи (21,4 %). На постсоветском этапе с 1990 по 2009 г. численность занятых в торговле выросла со 109,4 до 192,3 тыс. чел. (в 1,8 раза), а количество предприятий торговли – с 6,7 до 19,9 тыс. (в 3 раза). В настоящее время (2009 г.) по численности занятых среди отраслей экономики региона торговля находится на втором месте (16,8 %), незначительно уступая лишь одной промышленности (18,8 %).

Вместе с тем следует учитывать, что сфера услуг, ориентируясь на потребителя, непосредственно связана с уровнем экономического развития государства и личными доходами граждан. Поэтому ситуация на потребительском рынке и в торговле может служить наглядным индикатором трансформации социально-экономического положения в регионе в целом.

Например, заметное снижение уровня жизни подавляющей части населения Приангарья, особенно на первых этапах реформ в 1990-е гг., рельефно отражается изменением в худшую сторону уровня и структуры питания населения области. Несмотря на обогащение ассортимента продовольственных товаров, с 1990 по 2000 г. резко снизилось потребление мяса и мясopодуков – на 28 %, молока и молочных продуктов – на 55 %, яиц – на 38 %, а также ряда других биологически ценных продуктов. В то же время значительно (на 56 %) увеличилось потребление картофеля, который в условиях низкой покупательной способности населения заместил собой часть более дорогих и полезных продуктов. Повышение уровня жизни населения региона в 2000-х гг. сопровождалось ростом потребления мяса почти до исходного дореформенного уровня, тогда как потребление молока до сих пор составляет только 54 % от уровня 1990 г., яиц – 70 %.

За годы реформ значительное развитие получили платные услуги населению, включающие бытовые услуги, услуги пассажирского транспорта, связи, жилищно-коммунальные, услуги систем образования, культуры, туристско-экскурсионные, медицинские, санаторно-оздоровительные услуги, услуги правового

характера и др. Данная сфера деятельности претерпела при этом существенные структурные изменения. В 1990 г. доминирующее положение здесь занимали услуги транспорта (29,0 %), бытовые (26,8 %) и жилищно-коммунальные (17,9 %). В 2010 г. на первое место выдвинулись услуги жилищно-коммунального хозяйства (28,6 %), на второе – связи (22,2 %), оттеснив услуги транспорта на третье место (18,3 %), бытовые услуги – на четвертое (8,6 %). Такой ценовой «рывок» услуг жилищно-коммунального хозяйства обусловлен осуществленной в последние годы его приватизацией, сопровождающейся резким повышением тарифов, а рост услуг связи определен преимущественно развитием рынка мобильной (сотовой) связи. За 1990–2010 гг. в структуре бытовых услуг при сокращении в 1,8 раза доли услуг по ремонту и пошиву швейных, меховых и кожаных изделий в 2,2 раза увеличилась доля услуг по ремонту и техническому обслуживанию автотранспортных средств, что отражает, с одной стороны, насыщение потребительского рынка готовой одежды, с другой, – повышение уровня автомобилизации населения.

Определенные позитивные изменения произошли в туристском сервисе и связанном с ним гостиничном бизнесе. В 2010 г. в Приангарье работало 145 зарегистрированных туристических фирм, 97 % которых имели частную форму собственности. Свыше 90 % этих фирм располагалось в трех крупных городах региона – Иркутске, Ангарске и Братске. Численность занятых непосредственно в сфере туризма остается относительно небольшой – всего 0,5 тыс. чел.

За 2010 г. туристические фирмы области обслужили 74,7 тыс. туристов, причем самое широкое распространение получил выездной туризм – 60 % туристов, на внутренний туризм приходилось 32,5 % и на въездной туризм – только 7,5 %. В выездном туризме наибольшей популярностью у населения пользуются поездки в Китай, Таиланд и Турцию (в сумме до 2/3 туристов, выезжающих за границу). Существенно медленнее развивается внутренний туризм, особенностью которого является тот факт, что подавляющее большинство туристов Приангарья, путешествующих по России (3/4), предпочитают отдыхать на побережье оз. Байкал, не выезжая за пределы области. По сравнению с советским периодом ненамного увеличился общий поток иностранных туристов: в 1990 г. он составлял 35 тыс. чел., в конце 1990-х гг. сократился до 10 тыс. чел. и ниже, и лишь в конце

2000-х гг. вырос до 40–50 тыс. чел. К сожалению, до сих пор не получили реального воплощения масштабные планы создания на побережье оз. Байкал особой экономической зоны туристско-рекреационного типа.

Основой индустрии туризма является гостиничное хозяйство, представленное коллективными средствами размещения общего назначения (гостиницы, мотели, общежития для приезжих и др.) и специального назначения (туристские базы, санатории и др.). Общее количество указанных средств размещения выросло в области за период 1985–2010 гг. с 183 до 241, а число мест (коек) – с 10,6 до 19,2 тыс. (т. е. в 1,8 раза). Однако по-прежнему в регионе относительно низок уровень гостиничного сервиса: доля номеров высшей категории в общем номерном фонде не превышает 10 %. Для увеличения потока туристов, прежде всего иностранных, необходимо повышение комфортности их проживания, предоставление дополнительных туристских услуг, в том числе развитие зимних видов туризма.

Характерная особенность современного этапа – динамичное развитие малого бизнеса. В 2009 г. в Приангарье действовало 18,4 тыс. малых предприятий, где работало 154,2 тыс. чел. (13,5 % общей численности занятых в экономике). Наиболее привлекательными для малого бизнеса являются торговля (43,7 % малых предприятий), рынок недвижимости и предоставления услуг (18,0 %), строительство (11,8 %). Кроме малого бизнеса, значительная доля продукции и услуг создается в неформальном («теневом») секторе экономики, который включает в себя главным образом рыночную (предпринимательскую) деятельность домашних хозяйств без образования юридического лица, а также деятельность в формальном секторе без письменного оформления трудовых соглашений. В 2009 г. неформальный сектор экономики насчитывал 351,7 тыс. рабочих мест (30,8 % общей численности занятых в экономике). Из работающих в неформальном секторе треть занята в торговле и почти четверть в сельском хозяйстве. Развитие малого бизнеса и неформального сектора экономики, где трудится сейчас в совокупности 44,3 % занятого населения региона, в значительной мере смягчило остроту проблемы сокращения рабочих мест на крупных и средних предприятиях, предотвратило возникновение массовой безработицы.

§ 3. Внутрирегиональные социально-экономические контрасты

Территория Иркутской области чрезвычайно разнообразна и неоднородна во всех отношениях – природном, хозяйственном, демографическом, этнокультурном и др. На постсоветском этапе в силу целого ряда причин отмечается резкое усиление социально-экономических контрастов на внутрирегиональном уровне, т. е. между городами и районами (или муниципальными образованиями верхнего уровня). Ведущей тенденцией является при этом рост дифференциации и поляризации районов и пунктов по масштабам и рентабельности экономической деятельности, определяющий, в конечном счете, неравномерность в распределении доходов, уровне жизни и занятости населения по муниципальным образованиям. Данную тенденцию рельефно отражает высокая степень концентрации в небольшом числе центров и районов таких важных отраслей экономики региона, как промышленность, строительство и торговля.

Основная часть промышленного потенциала Приангарья сосредоточена в ведущих городах Иркутской агломерации – Иркутске, Ангарске и Шелехове, а также в находящихся на севере области Братске и Усть-Илимске. Удельный вес указанных пяти городов в объеме отгруженных товаров промышленности в 2009 г. составил 61,3 %, в основных фондах отрасли – 81,7 %. При этом на долю трех главных индустриальных центров – Иркутска, Братска и Ангарска – приходится соответственно 47,7 и 68,3 % этих показателей. В то же время в большинстве районов промышленность представлена очень слабо.

В 2009 г. четыре самых больших города – Иркутск, Братск, Ангарск и Усолье-Сибирское, а также северный Катангский район (за счет интенсивного строительства объектов нефтегазодобычи) сосредоточивали 61,7 % всех инвестиций в основной капитал. Еще выше была концентрация жилищного строительства: всего на пять муниципальных образований – Иркутск, Иркутский район, Ангарск, Братск и Саянск – приходилось 87,7 % ввода жилых домов Приангарья. Доля Иркутска и одноименного района достигла при этом 71,4 %, тогда как еще в 1995 г. она составляла 21,8 %. В результате за последние годы сложилась нездоровая ситуация, когда жилье строится главным образом для областного центра, а 3/4 населения региона, проживающего на огромной терри-

тории в десятках городов и поселков и в сельской местности, остается без реальных перспектив улучшения жилищных условий.

Если в 1985 г. максимальные и минимальные значения розничного товарооборота в расчете на душу населения для городов и районов области различались всего в 2,1 раза, то в 2001 г. – в 26,6 раза (правда, к 2010 г. эта разница сократилась до 10,6 раз). Отличительная особенность современной торговли – чрезмерная степень ее концентрации в самых больших городах – Иркутске, Ангарске и Братске: уже с конца 1990-х гг. они сосредоточивают 2/3 розничного товарооборота региона (при доле в численности населения, равной 43–44 %). Удельный вес в этом показателе областного центра в 2010 г. достиг 46,4 % (доля в населении – 24 %). Однако подавляющая часть населения Приангарья, проживающая в сельской местности, малых и отчасти средних городах, характеризуется относительно низкой покупательной способностью и по-прежнему лишена полноценного торгового обслуживания.

Оценка современной дифференциации муниципальных образований (МО) верхнего уровня Иркутской области по уровню социально-экономического благополучия осуществлена с применением разработанной нами ранее методики [4]. В ее основе лежит анализ следующего набора информативных индикаторов, имеющих относительно интегральный характер: среднемесячная оплата труда (с исключением районных коэффициентов и северных надбавок), уровень зарегистрированной безработицы, сальдо миграции, обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями. Первые три показателя напрямую характеризуют как социальное благополучие, так и стабильность работы экономики города или района, а четвертый показатель косвенным образом восполняет недостатки статистики доходов и расходов населения. По каждому индикатору на основе данных за 2010 г. произведено ранжирование всех 42 МО верхнего уровня (9 городских округов и 33 муниципальных районов) от «лучших» к «худшим» и затем определены их суммарные ранги.

В результате по уровню социально-экономического благополучия в Иркутской области выделено четыре группы МО: 1) относительно благополучная (ранг менее 20), 2) менее благополучная (20–50), 3) стагнирующая (50–85), 4) депрессивная и отсталая (более 85) (рис. 4). Установленная дифференциация по уровню социально-экономического благополучия во многом объ-

яснима как положением рассматриваемых муниципальных образований относительно крупнейших центров и важнейших транспортных магистралей (главным образом железных дорог), так и уровнем развития и структурой экономики (прежде всего индустрии) данных городов и районов.

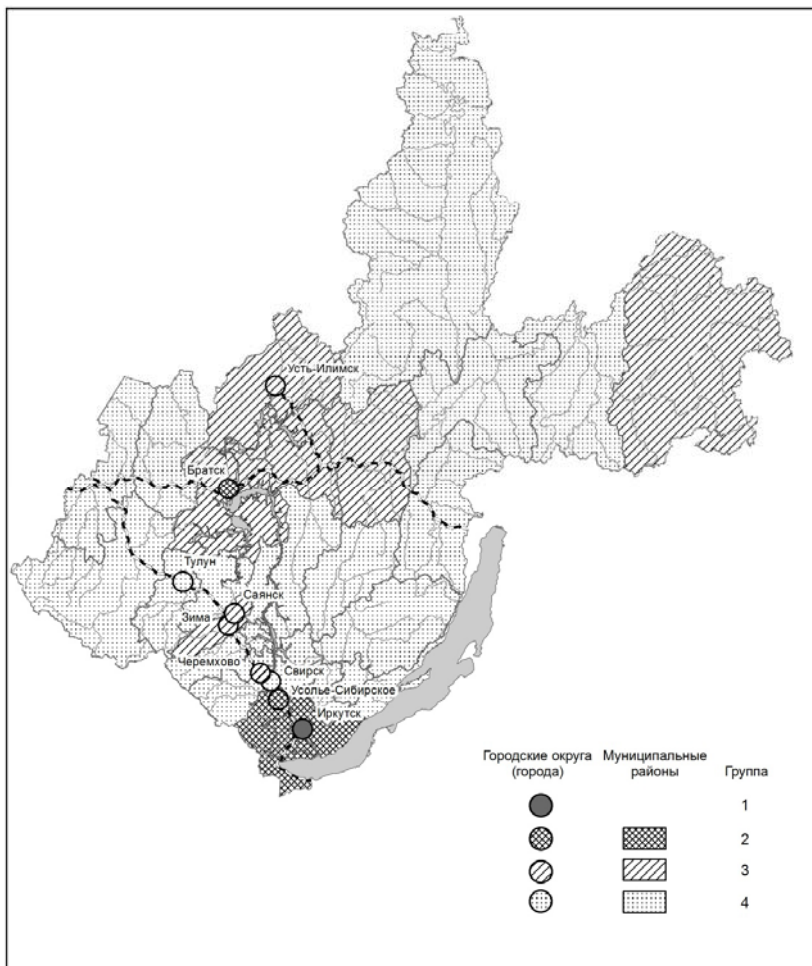

Рис. 4. Группировка муниципальных образований Иркутской области по уровню социально-экономического благополучия в 2010 г. Группа: 1 – относительно благополучная, 2 – менее благополучная, 3 – стагнирующая, 4 – депрессивная и отсталая

В относительно благополучную группу вошел лишь один Иркутск – крупнейший город и «столица» области, отличающийся самым благоприятным местоположением и развитой транспортной и рыночной инфраструктурой, наличием агломерационного эффекта и значительного научно-образовательного потенциала. Большую стимулирующую роль для Иркутска играет статус областного центра, нахождение здесь региональных органов управления и головных финансовых структур, банков и фондов. На постсоветском этапе «региональная столица» усилила финансово-экономические и административные функции и свое доминирование в Иркутской городской агломерации, мобильно реструктурировала хозяйственный комплекс в сторону развития сферы услуг, интенсифицировала малый бизнес и торговлю.

Менее благополучная группа объединяет семь МО. Из них шесть представляют собой города и районы, непосредственно входящие в состав Иркутской городской агломерации или прилегающие к ней (Ангарский, Иркутский, Шелеховский, Усольский и Слюдянский муниципальные районы и г. Усолье-Сибирское). Вне зоны влияния агломерации расположен только один Братск – второй по величине и значимости после Иркутска город области. Определенный уровень социально-экономического развития крупных индустриальных центров (Ангарск, Братск, Шелехов, Усолье-Сибирское) поддерживается благодаря прибыльной работе экспортоориентированных отраслей промышленности – алюминиевой, нефтеперерабатывающей, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, химической. Сельские пригородные районы выживают за счет близости к городам, использования их как емких рынков сбыта своей продукции, сферы приложения труда, центров своего обслуживания.

Стагнирующая группа содержит 10 МО, которые чувствуют себя в условиях реформ существенно хуже, чем города и районы предыдущих групп. Основная часть территорий держится «на плаву» вследствие развития экспортоориентированной лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (города Усть-Илимск и Зима, Братский, Усть-Илимский, Нижнеилимский и Усть-Кутский муниципальные районы), а также химической промышленности (Саянск), золото- и угледобычи (соответственно Бодайбинский район и Черемхово), черной металлургии (Нижнеилимский район). Дополнительным поддерживающим фактором выступает или само наличие сравнительно

крупного города (Усть-Илимск), или близость к нему (Братский и Усть-Илимский районы к одноименным городам, Черемхово к Иркутской агломерации, Зиминский район одновременно к Саянску и Зиме).

Депрессивная и отсталая группа – самая большая: она состоит из 24 МО. Подавляющее большинство районов и городов этой группы отличается неблагоприятным местоположением: почти все они характеризуются удаленностью от крупных городов, половина лишена железных дорог, причем в двух районах отсутствуют даже круглогодичные автодороги (кстати, один из них – Мамско-Чуйский – демонстрирует самые худшие в области показатели по уровню социально-экономического благополучия). Районы и города в основной своей массе имеют малопродуктивную структуру экономики (сельское, лесное, промышленное хозяйство, местная промышленность и т. д.). Из-за невыгодного положения и резкого сокращения в период реформ государственной поддержки сельского хозяйства и других отраслей экономики МО данной группы в современных условиях выживают с большим трудом.

Таким образом, на постсоветском этапе подавляющая часть городов и районов – 34 из 42 – оказалась по сравнению с МО Иркутской агломерации (и Братском) в гораздо худшем социально-экономическом состоянии – стагнирующем, депрессивном или отсталом. Между тем в этих муниципальных образованиях, занимающих свыше 96 % территории Приангарья, проживает сейчас 42,5 % его населения (более 1 млн чел.).

В связи с наличием подобных контрастов сомнительной выглядит идея административного объединения городов Иркутской агломерации. Они уже сейчас успешно стягивают со всей области те финансовые потоки, которые не успевают «освоить» федеральный центр. Искусственное объединение городов Иркутской агломерации приведет к еще большему их отрыву от остальной массы неблагоприятных городов и районов, «подстегнет» деградацию громадной слабоосвоенной территории и дальнейшее ее обнищание.

Произошедшее за годы реформ резкое увеличение территориальных социально-экономических контрастов связано прежде всего с возникновением глубокого разрыва между прибыльностью экспорто- и внутреннеориентированных секторов экономики, непропорциональным повышением транспортных издержек, существенным усилением роли региональных «столиц» и агломераций как фокусов развития на фоне заброшенной периферии,

ростом диспаритета цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, ведущим к падению рентабельности и «натурализации» сельскохозяйственного производства и всей сельской жизни, появлением принципиально различных возможностей получения неучитываемых доходов от теневой и неформальной (эксплоярной) экономики в различных типах поселений и т. д.

Полученные закономерности дифференциации муниципальных образований Иркутской области по уровню социально-экономического благополучия в целом хорошо подтверждаются при анализе доходов их бюджетов. В соответствии с Федеральным законом № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» региональные власти передали ряд своих полномочий муниципалитетам. При этом консолидированный бюджет Приангарья разделен на областной (региональный) бюджет и два уровня местных (муниципальных) бюджетов. Все эти уровни должны иметь свои собственные источники доходов и свои расходы; они несут юридическую ответственность за те обязательства и социальные гарантии, которые возложены на каждый из них в отдельности.

Однако так называемая наполняемость местных бюджетов – это самый сложный и явно провальный вопрос муниципальной реформы. Полноценное самоуправление предполагает самофинансирование. Но реальная налогооблагаемая база в большинстве муниципальных образований как верхнего уровня (городские округа и муниципальные районы), так и нижнего (городские и сельские поселения), – ничтожно мала. Далеко не всегда столь плачевное положение связано с экономической отсталостью самих муниципальных образований. Корень этой проблемы следует искать в неуклонной централизации финансов, в связи с чем доля доходов, остающихся в местных бюджетах, постоянно снижается. Федеральный и региональный центры, изымая в свою пользу подавляющую часть доходов городов и районов, одновременно перекладывают на них многочисленные финансовые расходные обязательства.

Рассмотрим фактическую ситуацию с наполняемостью местных бюджетов верхнего уровня Приангарья. Еще совсем недавно – в 1998 г., когда отчисления в местные бюджеты шли более чем по десяти видам налогов, – значительная часть городов и районов области (без учета районов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, имевшего тогда статус отдельного субъекта

РФ) была финансово самодостаточной (табл. 2). Средняя по области доля собственных доходов в общей доходной части местных бюджетов составляла 86,1 %. Под собственными доходами МО понимаются доходы за вычетом трансфертов или безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов в виде дотаций, субсидий и субвенций. Из тридцати семи МО Приангарья у семнадцати собственные доходы превышали 80 %, в том числе у девяти – 99 % всего бюджета. К числу особо дотационных территорий с долей собственных доходов менее 50 % относилось лишь двенадцать, т. е. меньшая часть городов и районов.

Таблица 2

Изменение обеспеченности местных бюджетов Иркутской области собственными доходами за период 1998–2010 гг.

Обеспеченность местных бюджетов собственными доходами		Количество местных бюджетов		
Характеристика уровня обеспеченности бюджета	Доля собственных доходов в общих доходах, %	1998 г.	2005 г.	2010 г.*
Относительная самодостаточность	100–80	17	0	0
Слабая дотационность	80–60	6	3	5
Умеренная дотационность	60–40	6	3	6
Сильная дотационность	40–20	7	11	23
Крайняя дотационность	Менее 20	1	20	8

* С учетом 6 районов бывшего Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, вошедшего в состав Иркутской области, и объединения двух отдельных МО – г. Нижнеудинска и одноименного района – в единое МО

Изменения в налоговом законодательстве в пользу федерального центра поставили муниципальные образования к 2005 г. на грань бюджетно-финансового краха. Средняя по области доля собственных доходов в общих доходах местных бюджетов упала до 42,7 %. В результате не осталось ни одного муниципалитета с долей собственных доходов свыше 80 %. Только в МО четырех крупнейших городов – Иркутске, Ангарске, Братске и Усть-Илимске – эта доля превышала 50 %, тогда как все остальные тридцать три города и района получили статус особо дотационных. Более чем в половине МО – в двадцати – доля собственных доходов не достигала даже 20 %.

Несмотря на незначительное улучшение ситуации за последние годы, проблема наполняемости местных бюджетов области по-прежнему остается чрезвычайно острой. В 2010 г. сред-

няя по области доля собственных доходов в общих доходах местных бюджетов составляла всего 51,0 %. Как и ранее, ни в одном из сорока двух муниципалитетов (с учетом районов бывшего Усть-Ордынского Бурятского автономного округа) доля собственных доходов не достигала 80 %. Эта доля превышала 50 % лишь в семи МО – четырех городах (Иркутск, Братск, Усолье-Сибирское и Саянск) и трех муниципальных районах (Ангарский, Иркутский и Шелеховский). Хотя число крайне дотационных МО с долей собственных доходов менее 20 % снизилось с двадцати до восьми, подавляющее большинство МО – $\frac{3}{4}$ – имело статус особо дотационных территорий (доля собственных доходов менее 50 %).

Таким образом, почти все муниципальные образования области столкнулись с острейшей проблемой финансового дефицита и несбалансированности местных бюджетов, обусловленной сокращением доходных источников муниципалитетов при увеличении их расходных полномочий и обязательств. Несмотря на разницу экономического потенциала, многие города и районы оказались в схожих, чрезвычайно тяжелых условиях, когда собственных средств не хватает даже на выплату зарплаты работникам бюджетной сферы, а финансирование самых неотложных расходных статей отстает от минимальных нормативов. В сложившейся обстановке нет реальных возможностей для укрепления финансово-экономических и политических основ местного самоуправления, в результате чего в большинстве МО преобладают негативные социальные и демографические тенденции, что ведет к дальнейшему снижению уровня жизни подавляющей части населения области.

Кроме общих финансово-бюджетных проблем муниципальных образований, для их отдельных групп характерны свои более частные проблемы. В качестве примера назовем только три из них.

Существует проблема отсталости сельских районов области, возникшая вследствие резкого сокращения централизованной поддержки сельского хозяйства в условиях роста диспаритета цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией. К числу самых отсталых МО с мало доходной структурой экономики относятся все районы бывшего Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, а также Катангский, Киренский, Усть-Удинский, Мамско-Чуйский, Балаганский, Куйтунский, Качугский, Жигаловский и др. Население и сельское хозяйство данных

районов нуждается в постоянном приоритетном внимании и прямой помощи государства.

Другой жгучей проблемой является отсутствие у ряда районов и многих поселений региона круглогодичной наземной транспортной связи. Неизбежным следствием этого становятся крайне высокие транспортные издержки при перевозке грузов, невозможность удовлетворения элементарных социальных нужд (включая медицинскую помощь), общее удорожание жизни. До сих пор все населенные пункты Катангского и Мамско-Чуйского районов не имеют круглогодичной связи с «Большой Землей» и нуждаются в федеральной и региональной поддержке так называемого северного завоза продукции. Аналогичная ситуация характерна также для тех МО (Бодайбинский, Киренский, Чунский, Усть-Кутский, Нижнеилимский, Казачинско-Ленский и др.), где отсутствует круглогодичная связь с их отдельными отдаленными пунктами. Коренное решение рассматриваемой проблемы состоит в строительстве круглогодичных автодорог, что позволит резко улучшить транспортную доступность всех изолированных территорий.

Не менее «застарелой» проблемой является неудовлетворительное состояние питьевого водоснабжения во многих районах и городах Приангарья. Как ни странно, но эта проблема уже много лет стоит перед одним из наиболее водообеспеченных регионов страны и мира. Речь идет, во-первых, о дефиците питьевой воды в целом ряде населенных пунктов сельской местности и, во-вторых, о низком ее качестве во многих городах и сельских поселениях. Прежде всего необходимо решение проблемы питьевой воды для тех районов и поселений, которые не в состоянии обеспечить свое водоснабжение за счет поверхностных и подземных вод из-за их низкого качества и недостаточного количества. Проблема водоснабжения здесь может быть решена путем строительства следующих районных (групповых) водоводов: Куйтунского (Куйтунский район), Черемховского (Черемховский), Заларинского (Заларинский), Ворот-Онгойского (Нукутский, Аларский и частично Черемховский). Проекты этих водоводов существуют уже много лет, но регион, обладающий богатейшим водно-ресурсным потенциалом, никак не может найти необходимые средства для их реализации.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие проблемы были характерны в конце советского периода для основных отраслей и видов деятельности экономики Иркутской области – промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и связи, сферы услуг?
2. Какие этапы экономических реформ выделяются в рамках постсоветского периода и на чем основано их выделение в Иркутской области?
3. Назовите отличительные черты экономических реформ и их результатов в Иркутской области на каждом из выделенных этапов.
4. Для какого этапа был характерен максимальный экономический спад? Раскройте глубину падения производства в основных отраслях экономики Иркутской области в сравнении с концом советского периода.
5. Назовите основные тенденции институциональных преобразований и перераспределения собственности в промышленности Иркутской области в 1990–2000-х гг.
6. В чем состоят причины резкой дифференциации динамики производства по основным отраслям и видам продукции промышленности Иркутской области в 1990–2000-х гг.?
7. Назовите основные тенденции изменений в строительно-инвестиционном комплексе Иркутской области (динамика производственных показателей и структурные преобразования).
8. Дайте характеристику основным тенденциям развития транспорта и связи Иркутской области и объясните причины разнонаправленной динамики их отдельных видов.
9. Раскройте перспективы дальнейшего развития промышленности и транспорта Иркутской области.
10. Дайте характеристику процессам усиления в 1990–2000-х гг. внутрирегиональных социально-экономических контрастов в Иркутской области (на примере промышленности, строительства, сферы услуг).
11. Назовите группы муниципальных образований Иркутской области, различающиеся по уровню социально-экономического благополучия, и объясните причины этих различий.
12. Что обусловило резкое увеличение внутрирегиональных социально-экономических контрастов в Иркутской области в течение постсоветского периода?
13. Дайте характеристику бюджетно-финансовых и других проблем муниципальных образований Иркутской области на современном этапе.

Литература

1. Безруков Л. А. Внешнеторговые связи в экономике Иркутской области // Иркут. губерния. – 2002. – № 2 (3). – С. 28–33.
2. Безруков Л. А. Экономико-географическое макроположение Сибири и проблема эффективности ее хозяйства // География и природ. ресурсы. – 2007. – № 3. – С. 149–158.
3. Безруков Л. А. Бюджетно-финансовый баланс отношений «центр – сибирские регионы» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 11–19.

4. Безруков Л. А. Область в постсоветский период / Л. А. Безруков, А. Ф. Никольский // Географические исследования Сибири. Т. 5. Общественная география. – Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2007. – С. 330–344.
5. Бонадысенко Е. А. Географические аспекты внешнеэкономических отношений / Е. А. Бонадысенко, Л. А. Безруков // Географические исследования Сибири. Т. 5. Общественная география. – Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2007. – С. 316–330.
6. Булыгин В. В. Проблемы установления рентных и компенсационных отношений при пользовании гидроэнергоресурсами Ангары / В. В. Булыгин, А. Ф. Никольский, Л. А. Безруков // Управление водопользованием Ангары. – М. : МОНФ, 1999. – С. 81–93.
7. Воронин О. Л. Пространственная структура крупного бизнеса / О. Л. Воронин, Н. А. Ипполитова, Л. М. Корытный // ЭКО: Всерос. экон. журн. – 2008. – № 7. – С. 45–59.
8. Восточно-Сибирская железнодорожная магистраль: Путь в 100 лет (1898–1998) / под общ. ред. В. Г. Третьякова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 552 с.
9. Григорьева М. А. Крупный бизнес в социально-экономическом развитии городов Байкальского региона / М. А. Григорьева, Н. А. Ипполитова // География и природ. ресурсы. – 2011. – № 2. – С. 123–129.
10. Зелент И. З. Выступление на конференции «Иркутская область: проблемы и перспективы развития» (28–29 ноября 1995 г. – г. Иркутск) // Иркутская область – проблемы и перспективы развития. – Иркутск : Адм. Иркут. обл., 1996. – С. 41–46.
11. Транспортное обеспечение Сибири: проблемы и перспективы / В. Б. Игнатьев Ю. В. Гордина, Я. Л. Горчаков, Е. Ю. Молокова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 310 с.
12. Концепция перехода экономики Иркутской области на рыночные отношения / под ред. А. П. Черникова. – Новосибирск ; Иркутск : ИЭ и ОПП СО РАН, 1992. – 159 с.
13. Концепция развития производительных сил Иркутской области на период 1993–2005 гг. Т. 2. – Иркутск : Иркут. ин-т народ. хоз-ва, 1993. – 56 с.
14. Концепция программы финансовой стабилизации Иркутской области. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1998. – 166 с.
15. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов / О. В. Кузнецова, А. В. Кузнецов, Р. Ф. Туровский, А. С. Четверикова ; под ред. О. В. Кузнецовой. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 440 с.
16. Лазаренко В. В. Твои дороги, Приангарье / В. В. Лазаренко, С. С. Шабуров. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – 320 с.
17. Радыгин А. Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе (некоторые новые тенденции) // Вопр. экономики. – 2001. – № 5. – С. 26–45.
18. Рубченко М. Приватизация бессмысленная и беспощадная // Эксперт. – 2011. – № 28. – С. 15–18. – (Спец. обозрение «Приватизация»).
19. Савельев В. А. Современные проблемы и будущее гидроэнергетики Сибири / В. А. Савельев. – Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 2000. – 200 с.
20. Савельева И. Л. Минерально-сырьевые циклы производств Азиатской России: региональные черты становления и развития / И. Л. Савельева. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 274 с.
21. Самаруха В. И. Развитие финансов Иркутской области : ист. очерк / В. И. Самаруха, А. А. Козлов, И. В. Самаруха. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. – 392 с.
22. Тараканов М. А. Промышленность Иркутской области в годы российских экономических реформ (1991–2005 гг.) / М. А. Тараканов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. – 252 с.
23. Фильшин Г. И. Экономика Приангарья: проблемы и перспективы / Г. И. Фильшин. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 208 с.

АГРАРНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИРКУТСКОГО РЕГИОНА

§ 1. Состояние и проблемы агропромышленного комплекса Приангарья

Иркутская область расположена в центральной части Азиатского материка, на юго-востоке Среднесибирского плоскогорья. На юго-западе области возвышаются горные хребты Восточного Саяна, на северо-востоке – Северо-Байкальское и Патомское нагорья. Почти две трети территории региона находится на высоте более 500 м над уровнем моря. По климатическим условиям территория области выделяется среди других регионов страны, лежащих в тех же широтах, но находящихся в Европейской России или на Дальнем Востоке. Удаленность от морей и расположение в центре Азиатского материка придают климату резко континентальный характер с суровой, продолжительной, малоснежной зимой и теплым летом с обильными осадками во второй его половине.

Область относится к поясу рискованного земледелия. В аграрном хозяйстве занимаются выращиванием зерновых, а также животноводством, оленеводством, звероводством, пушным промыслом, рыболовством и рыбоводством. Самообеспеченным по продовольствию Приангарье никогда не являлось, а после активного индустриального освоения область в советский период превратилась в хронического импортера пищевых продуктов.

В 1960–80-е гг. Иркутская область являлась активной строительной площадкой, нуждавшейся в рабочих руках и специалистах. Эта потребность компенсировалась, прежде всего, за счет сельского населения близлежащих территорий. Согласно табл. 1, сельское население Иркутской области сокращалось в 1970–1980-е гг. в абсолютных и относительных значениях. Сельчан стало меньше на 95 тыс., и их доля сократилась с 27,8 до 19,6 %. С начала 1990-х гг. промышленное и жилищное строительство существенно сократилось или прекратилось вовсе, в городах господствовала безработица, возросли смертность и выезд за пределы области.

Одновременно произошел рост численности сельчан с 1990 по 1995 г. на 18 тыс. чел., а доля их возросла до 20,6 %. При этом необходимо учитывать, что неблагоприятные процессы, происходившие в городе, в полной мере были свойственны и селу, а увеличение численности произошло в том числе и за счет перевода ряда поселков в категорию сел.

В 1996–2010 гг. продолжилось сокращение численности населения с замедлением к концу рассматриваемого периода. В совокупности оно уменьшилось на 11,6 %, а сельское население – на 12,5 %, но его доля в общей численности жителей области практически не изменилась, составив 20,4 %.

Таблица 1

Динамика численности постоянного населения Иркутской области (на конец года, тыс. чел.) [8, с. 85, 86, 655, 666; 5, с. 28–32]

Год	1970	1979	1985	1990	1995	2000	2005	2007	2008	2010
Всего	2314	2559	2727	2798	2748	2 623	2527	2508	2506	2428
Сельское	644	578	554	549	567	543	529	529	529	496

Динамика сельского населения показывает только одну сторону процесса – количественную. С точки зрения качественных изменений, в 1999–2010 гг. доля занятых в сельском хозяйстве области в общей численности работавших непрерывно снижалась с 11,0 % до 7,2 % в 2004 г. и до 2,1 % в 2010 г. [9, с. 8; 10, с. 21].

В начале 1990-х гг. с крахом советской системы в сельском хозяйстве страны произошли радикальные изменения. Колхозно-совхозная система могла существовать только в условиях жесткого централизованного управления и постоянных субсидий со стороны государства. С 1992 г. эти условия перестали действовать, а адаптация аграриев к рынку шла медленнее, чем требовалось, что привело к сжатию сельскохозяйственного производства.

В постсоветский период в процессе смены государственной идеологии и господствующего способа производства в России развернулась активная законотворческая работа, в результате которой изменилась сущность и структура сельскохозяйственного сектора народного хозяйства. С определенной степенью условности в рамках этого периода можно выделить три этапа: конец 1980 – начало 1990-х гг. (подготовительный); начало 90-х гг. XX в. – начало XXI в. (активный); с первой половины нулевых годов

(стабилизационный). Работа велась как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Основной целью этой деятельности стали структурная перестройка АПК и организационная трансформация сельского хозяйства. Требовалось сориентировать все звенья АПК на физических потребителей продукции, обеспечить возможность активно влиять на формирование структуры спроса, снизить ресурсоемкость продукции, улучшить ее качество и ассортимент. С этой целью в 1991 г. была начата аграрная реформа и в ее рамках – земельная реформа, под которой понималось изменение отношений собственности на землю, устранение монополии госсобственности, преобразование колхозов и совхозов в различные организационно-правовые формы, предусмотренные Гражданским кодексом.

Ключом к решению проблемы организации сельского самоуправления и восстановления сельскохозяйственного производства является институт частной собственности на сельхозугодья. Частная собственность на землю была восстановлена в ноябре-декабре 1990 г. сразу тремя радикальными российскими законами: «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О собственности в РСФСР». Этими же законами была разрешена покупка земли. Одновременно проводились мероприятия, разрушившие структуру АПК страны и положившие начало новой, соответствующей рыночному характеру экономики. Началась приватизация земель сельхозназначения, находившихся в пользовании совхозов и колхозов. Они передавались в частную собственность работников сельхозпредприятий.

Но, по сути, единственным хозяином российской земли, как и при советской власти, является Правительство РФ с его бюрократическим аппаратом, а также органы местного самоуправления. Последние сегодня наделены государственными полномочиями по управлению и распоряжению землями, хотя эти органы и не входят в систему государственной власти. Однако это противоречит Конституции РФ, следовательно, до полного решения земельного вопроса в России еще далеко.

Вторым направлением законодательной деятельности по модернизации сельскохозяйственного производства в России стало изменение принципов хозяйствования на землях сельхозназначения. Законодательное изменение организационно-правовой формы крестьянских хозяйств вызвало три основных процесса: трансформацию бывших коллективных и государственных хо-

зяйств и предприятий; создание частных крестьянских (фермерских) хозяйств; и укрупнение личных приусадебных хозяйств. Создаваемые хозяйства изначально ориентировались на существование в условиях рыночной экономики.

Благодаря множественности форм собственности, либерализации цен и внешней торговли не государство, а потребители стали определять хозяйственную деятельность и ее результаты. Корректировка деформированной ценовой структуры способствовала рационализации товарообмена между всеми сферами АПК. В частности, исчезла чрезмерная дешевизна средств производства и энергоносителей, ликвидировано превышение закупочных цен над розничными, более рациональной стала структура розничной цены продовольствия в целом: она стала больше соответствовать межотраслевому распределению ресурсов и затрат в региональных звеньях АПК. Усилилась конкуренция, произошли положительные сдвиги в структуре импорта продовольствия.

С 1994 г. в регионе, как и на всей территории России, развернулась земельная реформа, в результате которой происходило переустройство сложившихся земельных отношений, формирование многоукладности в сельском хозяйстве. В ее русле происходила реорганизация колхозов и совхозов в акционерные общества и товарищества. В середине 1990-х гг. в Приангарье действовало 7 новых организационно-правовых форм сельхозпредприятий. Количество предприятий, работавших на земле в 2001 г., было в 1,8 раза, а с учетом крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) в 4,4 раза больше, чем в 1990 г. В то же время к 2001 г. количество колхозов сократилось практически в 8, а совхозов – почти в 40 раз. Наиболее распространенной организационно-правовой формой сельхозпредприятия стали к началу XXI в. сельскохозяйственные производственные кооперативы.

В рассматриваемый период производством сельхозпродукции преимущественно занимались три вида структур: **сельхозорганизации** (производственные кооперативы, закрытые и открытые акционерные общества, госпредприятия, общества с ограниченной ответственностью, подсобные хозяйства промышленных, транспортных, научно-исследовательских учреждений и других организаций); **хозяйства населения** (личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан в сельских и городских поселениях, а также хозяйства граждан, имеющих земельные участки в садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях); и **крестьянские (фермерские) хозяйства**.

Их доля в совокупном производстве была различной и менялась в рамках рассмотренного периода. Сельхозорганизации и фермерские хозяйства увеличили примерно в равной пропорции свое участие за счет хозяйств населения (табл. 2). При этом организации – на 3,0 %, а фермеры – на 3,9 %, но, однако их структурный рост имел принципиальные отличия. Организации увеличили свое участие на 7,9 %, а фермеры – в 2,7 раза. Это свидетельство того, что фермерские хозяйства в первом десятилетии XXI в. продемонстрировали высокую эффективность и динамизм.

Таблица 2

Структура сельского хозяйства Иркутской области по категориям хозяйств (в % от хозяйств всех категорий) [10, с. 36]

Год	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Сельхозорганизации	34,8	33,0	37,5	38,0	37,5	38,0	39,9	37,8
Хозяйства								
населения	63,0	64,0	58,3	58,0	57,8	55,8	53,0	55,6
фермерские	2,2	3,0	4,2	4,0	4,7	6,2	7,1	6,1

В области в рассмотренный период в среднем действовало около 300 сельхозорганизаций, 3300 крестьянских (фермерских) хозяйств и 176 тыс. личных подсобных хозяйств населения. Процессы создания новых организационно-правовых форм в сельском хозяйстве региона привели к перераспределению сельхозугодий, сопровождавшемуся сокращением их общей площади, в особенности посевных угодий. Благодаря организации новых подсобных сельхозпредприятий, фермерских хозяйств, формировавшихся за счет земель лесного фонда и земель запаса, удалось несколько компенсировать потери сельхозпроизводства и сокращение сельхозугодий в коллективных хозяйствах.

В условиях сокращения государственной поддержки и уменьшения инвестиций сельхозорганизации к середине 1990-х гг. пришли в упадок, но часть из них смогла приспособиться к рыночным условиям. Ряд хозяйств присоединился к интеграционным многопрофильным объединениям, включающим в себя комплексы по производству, переработке и реализации продукции.

Вопреки неблагоприятным для организации сельхозпроизводства условиям в Иркутской области, ряд руководителей крупных сельхозпредприятий смогли сохранить трудовые коллективы и обеспечить высокую культуру работы на земле. Среди них:

Г. С. Франтенко (СХОАО «Белореченское»), В. И. Рогов (ЗАО «Савватеевское» Ангарского р-на), В. Н. Тофоров (СХПК «Александровский» Братского р-на), В. Т. Волошин (СПК «Окинский» Зиминского р-на), Н. Г. Шишпаренок (СХПК «Байкал» Иркутского р-на) и др. [1, с. 20, 26, 40].

В настоящее время в Иркутской области действуют интеграционные объединения двух типов: созданные на базе сельхозорганизаций, где предприятием-инвестором является организация со статусом сельскохозяйственной; и созданные с участием предприятий перерабатывающих производств, где инвестором является, как правило, организация по переработке сельхозпродукции. Примерами интеграционных объединений первого типа являются СПК «Окинский» и ОАО «Белореченское». Примером успешной работы структур второго типа является Ангарская птицефабрика, входящая в интеграционное объединение, которое возглавляет ОАО «Иркутский масложиркомбинат».

В стране и регионе с начала 1990-х гг. общественно значимым явлением стало возникновение фермерского движения. КФХ формировались, прежде всего, за счет выхода из сельхозпредприятий членов коллективов со своим земельным паем, но иногда и за счет получения земель из резервного фонда или фондов муниципалитетов.

Фермерские хозяйства стали интенсивно образовываться после принятия 27 декабря 1991 г. Указа Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». На 1 января 1989 г. их было 1 тыс., 1992 г. – 4,4 тыс., 1993 г. – уже 182,9 тыс. За 1992–1993 гг. правительство выделило для продажи фермерам 20 тыс. тракторов, 30 тыс. грузовых автомобилей и немало другой техники. Затем темпы замедлились. Если в 1992 г. на одно распавшееся хозяйство приходилось 26 вновь созданных, в 1993 г. – 6, то в 1994 г. распалось больше, чем возникло. Две трети их прекратили существование из-за разорительных налогов, недоступности кредита, диспаритета цен, высокой дебиторской задолженности заготовочных организаций и трудностей со сбытом продукции.

В 1993 г. в Иркутской области имелось 2 098 фермерских хозяйств, использовавших сельхозугодья общей площадью 62,4 тыс. га, в том числе 28,5 тыс. га пашни, а на начало 1996 г. в области имелось 3 284 таких хозяйств, что на 296 больше, чем в предыдущем году, они использовали 92,9 тыс. га земель, в том

числе 54,1 тыс. га пашни. С 1996 г., в связи с отсутствием реальной помощи со стороны федерального и местных бюджетов, создание новых КФХ практически прекратилось. Затем произошел некоторый откат, и в начале 2001 г. в Приангарье насчитывалось 3 140 КФХ [12, с. 21; 26; 21; 27; 32].

Несмотря на сложные финансовые и организационно-правовые условия, в которых приходилось работать начинающим фермерам, в регионе имеется много примеров эффективного использования сельхозугодий малыми предприятиями и крестьянско-фермерскими хозяйствами. Это КФХ «Цикурское», возглавляемое В. П. Хмелевым, «Атовское» (С. Г. Новицкий), Н. П. Савватеева, В. А. Зуева, С. Г. Дулина, В. В. Ворона, И. В. Майора, Е. А. Слесарчук, «Красный брод» (О. Г. Егоров), «Бухта Крестовая» (А. Г. Копылов) и мн. др. [1, с. 204].

Достаточно показательными представляются цифры, фиксирующие результаты десятилетнего (2000–2010 гг.) развития фермерского движения в Байкальском регионе. Если в конце столетия в руках индивидуальных сельхозтоваропроизводителей находилось всего 3,1 % сельхозугодий, то в 2010 г. в Иркутской области 23,4 % посевов принадлежали фермерам, что свидетельствует об обоснованности надежд на восстановление в сельском социуме и АПК региона этой ранее доминировавшей группы. По совокупности занимаемых угодий фермерство доминировало в Читинской области, следом шла Иркутская область, затем Бурятия. Учитывая все остальные условия, приходится констатировать, что это в первую очередь заслуга администраций Читинской области и Агинского АО.

Фермерские хозяйства различаются по направлениям специализации. Но процесс ее формирования и стабилизации далек от завершения. Крупные хозяйства, как правило, производят несколько видов продукции. Такое видовое разнообразие связано с существующими экономическими условиями, т. е. необходимостью резервировать возможность выхода из затруднительных ситуаций сбыта продукции при односторонней специализации. Но в дальнейшем следует ожидать перехода фермерских хозяйств к более узкой специализации.

В 1990-х гг. в социально-экономической структуре аграрного сектора России произошли существенные изменения. Так, если в 1990 г. на долю личных подсобных хозяйств, а также садово-огородных участков приходилось 24 % валовой продукции сель-

ского хозяйства, то в 1997 г. – уже примерно 50 % (без фермерских хозяйств). В 1997 г. в хозяйствах населения было произведено 90 % картофеля, 73 % овощей, 77 % плодов и ягод, 55 % мяса скота и птицы (в убойной массе), 47 % молока, 51 % шерсти, 30 % яиц, 74 % меда [3, с. 513].

В Иркутской области в 1999 г. было произведено продукции сельского хозяйства на 10 577 млн руб., из них хозяйствами населения – 7 179,8 млн, сельхозорганизациями – 3 192,5 млн, фермерскими хозяйствами – 205,3 млн. За счет хозяйств населения удалось полностью возместить падение производства картофеля и овощей в крупных сельскохозяйственных предприятиях. Производство в целях самообеспечения стало необходимым условием выживания для подавляющего большинства и в первую очередь – для малообеспеченных семей.

В 2000 г. в личных хозяйствах населения находилось 7,1 % посевных площадей Иркутской области, а выращивалось 0,3 % зерна, 16,0 % сена многолетних трав, 37,3 % однолетних трав, 76,8 % овощей и 95,0 % картофеля. Соответственно в 2010 г. засевалось 7,2 %, а выращивалось 0,2 % зерна, 4,0 % сена однолетних и 5,2 % многолетних трав, 78,4 % овощей и 88,3 % картофеля. Таким образом, по выращиванию овощей и картофеля хозяйства населения по-прежнему являлись абсолютными лидерами [10; 11, с. 21; 47].

Значительная часть земель сельскохозяйственного назначения находилась в распоряжении органов местного самоуправления, запаса и несельскохозяйственных предприятий. Однако большая их часть могла быть возвращена в аграрный сектор при создании необходимых для этого условий. В 1990–1995 гг. в связи с передачей земель сельхозпредприятий и организаций в ведение местных органов власти они получили контроль над заметно возросшей площадью сельхозугодий. Так, в 1990 г. в Иркутской области они контролировали 47,4 тыс. га, или 2,5 % сельхозугодий, а в 1997 г. – 420,6 тыс. га, или 21,8 % [4, с. 32, 33].

Особенно негативным явлением была передача в земли запаса пашен. Этот тип угодий крайне трудоемок для создания, но быстро переходит в состояние, требующее дополнительных затрат. Земельные преобразования привели только к количественному перераспределению земель. Качественное состояние сельхозугодий не только не улучшилось, но, в основном, продолжало ухудшаться. Угодья, особенно расположенные вокруг

населенных пунктов и промышленных объектов, превратились в бытовые свалки, отсутствие противоэрозионных мероприятий привело к дальнейшему развитию эрозии почв. Недостаток финансовых средств не позволял применять в необходимом количестве органические и минеральные удобрения, что снижало плодородие почв, создавало дефицитный баланс гумуса и фосфатов в почве.

Большая часть земель, используемых сельхозпроизводителями в Байкальском регионе в 2000 г., находилась в собственности сельхозпредприятий и организаций – 83,7 %. Затем шли научные структуры, промышленные предприятия, иностранные арендаторы и др. (9,6 %). На третьем месте оказались отдельные граждане (3,6 %), а на последнем – фермеры (3,1 %). Эти сводные данные отличаются по основным территориям региона, так, в пользовании сельхозпредприятий Читинской области находилось 81,2 % сельхозугодий, Бурятии – 83,0 %, Иркутской области – 89,2 %. Это свидетельство того, что в Приангарье сельхозпредприятиям в наибольшей степени удалось сохранить контроль над сельхозугодьями и свою роль в агрокомплексе, читинцам – в наименьшей [7, с. 316].

Наиболее «преуспели» неосновные и нетрадиционные сельхозземлепользователи Восточного Забайкалья, они контролировали 13,2 %, в Бурятии – 11,7 %, в Приангарье – 0,5 %. И здесь процесс растаскивания сельхозугодий в наименьшей степени затронул Иркутскую область, а в наибольшей – Читинскую.

По площади сельхозугодий, используемых населением в личных целях, Иркутская область лидировала и в абсолютных цифрах (48,5 % региональной их совокупности), и в относительных (6,9 %, Читинская обл. – 2,6 %, Бурятия – 2,4 %). В этой группе землепользователей особенно интересны собственники коллективных садов и огородов. В Иркутской области было сосредоточено 71,6 % регионального количества, в Читинской – 15,1 %, в Бурятии – 13,3 %. Причин такой принципиальной разницы – несколько, во-первых, численность населения Предбайкалья равна аналогичному параметру всего Забайкалья; во-вторых, уровень урбанизации в Прибайкалье значительно выше; к последней причине автор относит глубокие традиции огородничества, существующие в Приангарье.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) являлись основными пользователями сельхозугодий, предоставленных гражданам для занятия сельхозпроизводством, в регионе ЛПХ использовали

69,1 % их общей площади. Во всей совокупности сельхозугодий Байкальского региона они занимали скромных 2,5 %. В процентном отношении больше всего их приходилось на Предбайкалье – 55,4 %. Рассматривая эту пропорцию с точки зрения животноводства, следует учитывать, что именно ЛПХ являлись в конце века основными содержанием крупного рогатого скота.

Вместе с тем в нулевые годы отчетливо проявилась тенденция снижения роли населения в использовании сельхозугодий, так, если в 2000 г. в Иркутской области в них засеивалось 71,5 тыс. га, то в 2010 г. уже 46,2 тыс. га (-35,6 %).

Важную роль в эффективности сельскохозяйственного производства играет материально-техническая база. За 11 лет (2000–2010 гг.) обеспеченность сельхозтехникой в Прибайкалье уменьшилась в несколько раз. В частности, по тракторам, плугам, сеялкам – в 3,5 раза; комбайнам зерновым – в 2,9; картофелеуборочным – в 2,6; кормоуборочным – в 4,2 раза. Исходя из формальной логики, производство продукции на этом фоне также должно было сократиться в три раза, но этого не произошло. Можно предположить, что в такой же мере возросла эффективность использования техники, прежде всего за счет использования более высокопроизводительных механизмов [11, с. 39].

Другим важным показателем, характеризующим эффективность сельского хозяйства, является потребление электроэнергии на производственные цели и используемые в сельском хозяйстве энергетические мощности. Здесь ситуация продолжает ухудшаться, в частности, в 2010 г. потребление электроэнергии в сельхозорганизациях от уровня 2005 г. сократилось на 46,3 %, а в пересчете на одного работника лишь приблизилось к существовавшему тогда уровню. Это свидетельствует о том, что даже рационализация численности занятых в сельскохозяйственном производстве не позволила сохранить и без того низкий уровень электропотребления. Энергетические мощности техники, используемой в производстве в сельхозорганизациях, в 2010 г. от уровня 2000 г. сократились в 2,8 раза, а в пересчете на гектар посевной площади – на 24,3 %. Символический рост наблюдается при расчете на одного работника – на 9,3 % [11, с. 41].

Жертвой системного кризиса российской экономики 1990-х гг. стало все народное хозяйство, но, прежде всего, сельскохозяйственная отрасль. Жесткие рыночные условия привели к тому, что каждое второе предприятие в области оказалось убыточным. До-

тации, предоставляемые отрасли центральным и областным правительствами в начале нулевых годов, позволили быстро изменить ситуацию. Уже в 2007 г. нерентабельным в области осталось лишь каждое 16-е хозяйство, но позитивные процессы продолжались недолго, с 2008 г. из-за кризиса пошел обратный процесс, и в 2010 г. убыточной была каждая четвертая сельхозорганизация [11, с. 32].

Финансовое состояние сельхозпроизводителей области в нулевые годы улучшалось. Уровень производства сельхозпродукции в 2000-е гг. в денежном эквиваленте не был превзойден более чем на 9,4 %, но и стабильного падения производства, характерного для 1990-х гг., уже не наблюдалось. Более того, в 2007–2010 гг. было обеспечено безусловное превышение производства сельхозпродукции над уровнем 2000 г. Нестабильность в производстве была свойственна как сельхозорганизациям, так и хозяйствам населения. Иная картина наблюдается в фермерском секторе. Здесь не только не происходило провалов в производстве, но и индекс производства вырос более чем в 3,8 раза [11, с. 36].

О заведомо ограниченных для сельскохозяйственного освоения возможностях Приангарья свидетельствует структура земель сельхозпользователей, сложившаяся к концу советского периода. В 1989 г. в Иркутской области в структуре земель сельхозназначения 35,8 % занимала пашня, 5,3 % – сенокосы, 9,8 % – пастбища, остальная территория (49,1 %) приходилась на леса, кустарники, болота, реки и озера. Стремление расширить пределы обрабатываемых земель вывело пахотные площади на предельные для растениеводства высотные уровни, например, до горизонтали 800 м над уровнем моря в Качугском и Жигаловских районах, или в заболоченные, переувлажненные понижения Присяянского прогиба (Усольский, Зиминский, Куйтунский, Черемховский районы), либо продвинуло к северной границе земледелия (Усть-Илимский, Усть-Кутский, Киренский административные районы) [6, с. 14, 56, 86]. То есть уже туда, где земледелец не сотрудничал с природной средой, а боролся с нею.

Во второй половине 1980-х гг., когда административно-командная система начала разрушаться, а экономические стимулы еще не заработали, процессы расширения угодий пошли вспять. В Иркутской области их площадь уменьшилась с 2 752,0 тыс. га в 1985 г. до 2 246,4 в 1990 г., и пашни с 1 843,1 тыс. га до 1 657,9 соответственно, хотя распаханность сельхозугодий в об-

ласти по-прежнему превышала 70 % площадей, закрепленных за сельхозпредприятиями земель [2, с. 71]. В 1990 г. общая площадь сельскохозяйственных угодий области составила лишь 3,1 % ее территории.

В рассматриваемый период продолжилось снижение уровня аграрного освоения территории области. Так, в 2000 г. от уровня 1990 г. совокупная площадь сельхозугодий сократилась на 6,8 %, а на начало 2010 г. она уменьшилась от достигнутого еще на 4,1 %. Аналогичная тенденция действовала и относительно пашни: 2000 г. к 1990 г. – сокращение на 6,8 %, в свою очередь 2010 г. к 2000 г. – на 6,3 %. Сократилась площадь сенокосов: 2000 г. к 1990 г. на 6,2 %, а 2010 г. к 2000 г. – на 6,7 %. Уменьшилась и территория, используемая в области под пастбища, она к 2010 г. сократилась от уровня 1990 г. на 7,9 % [11; 7, с. 41; 82, 318].

На 1 января 2011 г. совокупная площадь сельскохозяйственных угодий области составила 2,32 млн га, в том числе пашня – 1,59 млн, сенокосы – 0,26 млн, пастбища – 0,44 млн, многолетние насаждения – 0,029 млн, залежь – 100 га.

Процессы, происходившие 1990-е гг. в разрушающемся сельском хозяйстве региона, особенно наглядно отразились на динамике посевов. Посевные площади сельхозкультур в Байкальской Сибири в 2000 г. сократились от уровня 1990 г. на 2 161,0 тыс. га (на 57,7 %), в то время как по Сибирскому федеральному округу в целом – на 28,5 %. Сокращение посевных площадей по Байкальской Сибири составило 32,3 % общесибирских потерь, вследствие чего доля региона в совокупной площади посевов Сибирского федерального округа уменьшилась с 16,6 % в 1990 г. до 10,3 % в 2000 г. Сокращение площади посевов не в одинаковой степени затронуло территории Байкальской Сибири – в Иркутской области оно составило 552,3 тыс. га, или 35,1 %, в Бурятии – 406,2 тыс., или 52,9 %, в Читинской области – 1 203,3 тыс. га (78,0 %). Сокращение посевов в регионе, как и в округе, происходило ежегодно и непрерывно, но более высокими темпами. Кризисные процессы принципиально изменили региональную структуру посевных площадей. Если в 1990 г. в Иркутской области засеивали 40,5 % региональной посевной площади, в Читинской – 39,7 %, а в Бурятии – 19,8 %, то в 2000 г. – 59,3 %, 19,7 %, 21,0 % соответственно. Основная причина этой ситуации – низкая рентабельность земледелия в регионе; оно могло развиваться лишь на основе постоянной государственной помощи крестьянским

хозяйствам техникой, горюче-смазочными веществами и благодаря страховой поддержке [7, с. 474].

В нулевые годы XXI в. сокращение посевных площадей продолжилось. В 2010 г. от 2000 г. они сократились на 36,2 %. При этом посевы пшеницы сократились на 39,5 %, картофеля – на 24,3 %; овощей – на 24,4 %; кормовых культур – на 38,6 %; технических культур – на 37,8 %.

Однако с 2008 г. начался рост площади посевов кормовых культур в сельхозорганизациях и фермерских хозяйствах, где площадь посевов картофеля выросла. Кроме этого, фермеры увеличили посевы пшеницы (в 3 раза), овощей (в 2 раза), кормовых культур (в 4,3 раза).

Произошло заметное изменение структуры посевов по категориям хозяйств. В 2010 г. от состояния 2000 г. доля сельхозорганизаций в площади посевов сократилась с 88,9 % до 69,4 %, хозяйств населения выросла с 7,1 до 7,2 %, а фермерских хозяйств – с 4 % до 23,4 % [11, с. 44].

Универсальным показателем эффективности земледелия является динамика урожайности культур. В области в 2009–2010 гг. происходило снижение урожайности основных культур, но уровень 2000 г. был превышен в 2010 г. по большинству позиций, в частности, по зерновым культурам на 8,3 %, превышена и средняя за 2001–2005 гг. урожайность – на 4,5 %, достигнувшая 15,6 ц/га. Для сравнения: урожайность зерновых культур составила в 1971–1975 гг. – 12,4 ц/га, 1976–1980 гг. – 11,7; 1981–1985 гг. – 14,3; в 1986–1990 гг. – 15,4; в 2001–2005 гг. – 14,9; в 2006–2010 гг. – 17,4 ц/га.

Показатели урожайности картофеля за последнее десятилетие достаточно стабильны при небольшом росте, так, в 2010 г. урожайность превысила уровень 2000 г. на 7,3 %, а среднюю за 2001–2005 гг. – на 2,7 %. Более впечатляющую динамику демонстрирует урожайность овощей, возделываемых в открытом грунте: она выросла на 26,3 %; 2006–2010 гг. по отношению к средней урожайности 2001–2005 гг. показали и рост урожайности на 16,5 % [11, с. 49].

С точки зрения населения и власти, эффективность земледелия определяется валовыми сборами возделываемых культур. Динамика этого показателя отражена в табл. 3. Во второй половине нулевых годов производство основных сельскохозяйственных культур стало возрастать и практически превзошло уровень

десятилетней давности, и уступало последнему советскому десятилетию лишь в производстве зерна. Ситуация с картофелем специфична: учитывая, что большая его часть производится в хозяйствах населения, его количество определяется уровнем жизни населения, чем он выше, тем меньше производится картофеля, тем более что область традиционно вывозит картофель в соседние регионы.

К благоприятным сдвигам можно отнести положение дел в овощеводстве. Здесь область практически вышла на рекордные показатели начала 1990-х гг., когда мгновенно обнищавшее население взяло на себя задачу самообеспечения продовольствием за счет приусадебных участков. С середины нулевых годов эту роль стали играть сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства.

Таблица 3

Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в Иркутской области (тыс. т) [11, с. 46]

Сельхоз. культуры	Год	В среднем за год					
	1976–1980	1981–1985	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010
Зерно (в весе после доработки)	1068	1176	1207	985,8	694,2	563,6	665,3
Картофель	698,3	652,3	579,1	1061	849,7	677,9	594,6
Овощи (вкл. закрытый грунт)	112,1	131,5	113,2	144,4	133,4	129,9	143,8

Кроме валовых показателей важно видеть структуру и тенденции перераспределения производительных ролей среди производителей. В 2010 г. от 2000 г. доля сельхозорганизаций в производстве зерна сократилась с 94,1 % до 68,2 %; хозяйств населения – с 0,3 % до 0,2 %, и выросла для фермерских хозяйств с 5,6 % до 31,6 %. По картофелю доля хозяйств населения сократилась с 95,0 % до 88,3 %, но выросла для сельхозорганизаций с 3,8 % до 8,4 % и фермерских хозяйств с 1,2 % до 3,2 %. По овощам – для организаций сократилась с 21,8 % до 16,3 % и выросла по хозяйствам населения с 76,8 % до 78,4 %, фермерским хозяйствам с 1,4 % до 5,3 % [10, с. 10; 47]. Эти изменения свидетельствуют о продолжающейся специализации и перераспределении рынка между основными производителями сельхозпродукции.

Животноводство является наиболее сложной, трудоемкой и чувствительной отраслью сельского хозяйства. С завершением советского периода в этой отрасли на территории Байкальской Сибири изменилась основная установка. Теперь центральная

власть не вмешивалась в процесс увеличения поголовья, а местная администрация лишь старалась замедлить сокращение количества животных.

Анализируя динамику поголовья скота в регионе в деструктивный период (1990-е гг.), целесообразно рассмотреть изменения по группам сельскохозяйственных животных. Традиционно наиболее учитываемым видом являлся крупный рогатый скот (КРС), динамика поголовья которого показана в табл. 4. В Байкальской Сибири в 1990-е гг. поголовье КРС сократилось на 932,7 тыс. гол., или на 43,7 %. Уровень сокращения по региону различался, будучи самым высоким в Иркутской области (52,4 %), средним – в Читинской (43,6 %) и относительно низким в Бурятии (38,3 %). В результате этого Приангарье утратило лидерство в регионе по численности КРС. Среди причин, вызвавших столь высокие темпы сокращения поголовья КРС в Приангарье, следует выделить ограниченность естественных кормовых угодий при резком сокращении производства посевных кормовых культур и неэффективную политику областной администрации.

Таблица 4

Динамика поголовья крупного рогатого скота в Байкальской Сибири (в хозяйствах всех категорий; на 1 янв.; тыс. гол.) [7, с. 509]

Год Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Иркут. область	800,5	766,6	717,4	644,3	613,1	564,7	491,9	440,9	429,3	419,4
Чит. область	782,4	755,3	703,2	651,4	558,4	526,6	503,4	477,4	463,1	441,4
Бурятия	549,6	502,7	455,2	425,2	392,7	372,7	347,6	326,7	334,7	339,0
Всего	2132,5	2024,6	1875,8	1720,9	1564,2	1464	1342,9	1245	1227,1	1199,8

В постсоветский период в регионе в еще большей степени (в 2,3 раза) сократилось поголовье свиней (см. табл. 5). В Байкальской Сибири в 2000 г. от уровня 1991 г. их количество уменьшилось на 635,3 тыс. гол. Хуже всего обстояли дела в Читинской области, где количество свиней сократилось в 3,2 раза, затем шла Бурятия – в 2,3 раза, в наименьшей степени пострадало поголовье в Иркутской области – почти в 2 раза. Приангарье сохранило лидирующие позиции в области свиноводства, а второе место Восточное Забайкалье уступило Западному. Можно предположить, что основой причиной этого стало сокращение кормовой базы в Читинской области, основу которой составляют посевные культуры.

Таблица 5

Динамика поголовья свиней в Байкальской Сибири (в хозяйствах всех категорий; на 1 янв.; тыс. гол.) [7, с. 511]

Год \ Регион	1991	1992	1993	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Иркут. область	569,7	508,8	439,4	384,1	356,6	331,4	312,6	321,6	296,0
Чит. область	309,4	288,1	274,7	193,7	177,1	172,5	156,4	145,7	95,3
Бурятия	264,3	217,4	175,1	147,2	136,3	120,6	121,0	143,6	116,8
Всего	1143,4	1014,3	889,2	725	670	624,5	590	610,9	508,1

В максимальной степени пострадало в Байкальской Сибири поголовье мелкого рогатого скота (МРС): в 1990-е гг. оно сократилось на 4 056,6 тыс. гол., или в 6,3 раза (табл. 6). Таких темпов сокращения регион не знал даже в коллективизацию. Самая высокая убыль МРС произошла в Восточном Забайкалье – в 7 раз, затем шло Западное Забайкалье – в 5,8 раз, и в 3,9 раз – в Предбайкалье. Несмотря на самые высокие темпы, Читинская область сохранила свое лидирующее положение по овцеводству в регионе. По мнению автора, главной причиной столь значительного сокращения поголовья МРС стала ориентированность овцеводства на полутонкорунные породы в ущерб мясным. С развалом советской хозяйственной системы производители шерсти в регионе лишились рынка сбыта, следовательно, отрасль стала убыточной, что вызвало массовый забой овец.

Таблица 6

Динамика поголовья овец и коз в Байкальском регионе (в хозяйствах всех категорий; на 1 янв.; тыс. гол.) [7, с. 515]

Год \ Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Иркут. область	307,6	269,5	218,4	173,9	146,1	125,3	99,9	86,8	80,9	78,5
Чит. область	3248,6	3078,6	2516,5	1913,9	1099,1	902,5	725,1	603,5	526,5	466,6
Бурятия	1262,7	1091,5	822,2	623,9	455,1	358,3	290,7	244,3	224,0	217,2
Всего	4818,9	4439,6	3557,1	2711,7	1700,3	1386,1	1115,7	934,6	831,4	762,3

С начала XXI в. поголовье скота в стране стало стабилизироваться на нижних уровнях и, прежде всего, за счет мелких животных, выращиваемых на личных подворьях и в свинокомплексах. В 2003 г. совокупная численность общероссийского поголовья незначительно возросла (100 тыс. гол.), но сокращение поголовья КРС продолжилось. То же самое происходило и в Байкальском регионе, но здесь сокращалось поголовье не только КРС, но и свиней. Поэтому численность домашнего скота от 2000 г. уменьшилась в регионе на 2,4 %. В Байкальской Сибири в 1986–2003 гг. численность основных видов домашнего скота сократилась на 6 138,4 тыс. голов, или на 71,8 %, сохранив лишь немногим больше четверти советского стада (28,2 %).

Динамика поголовья скота в Иркутской области в нулевые годы показана в табл. 7. Ситуацию в животноводстве не удалось стабилизировать, и общее поголовье продолжало снижаться. В 2003 г. в области насчитывалось 930,2 тыс. голов домашнего скота, а в 2010 г. – 749,7 тыс., т. е. произошло снижение на 19,4 %. Однако, если поголовье КРС сократилось на 27,5 %, свиней – на 12,1 %, то численность МРС возросла на 4,9 %, а лошадей – животных наиболее крупных, по объему получаемого мяса – на 20,3 %. Причем все группы животных демонстрировали неоднозначную динамику изменений: в 2007 г. по всем группам зафиксирован рост численности, в 2004, 2005, 2009 г. – тотальное сокращение, а в 2006, 2008, 2010 г. действовали разнонаправленные тренды.

Таблица 7

Поголовье основных видов скота в Иркутской области (на конец года; тыс. гол.) [10; 11, с. 51; 51]

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
2003	385,4	187,2	248,7	81,3	27,6
2004	346,3	170,4	199,5	81,1	27,0
2005	321,9	157,6	188,7	76,0	26,8
2006	318,2	153,8	212,2	84,5	27,9
2007	329,9	157,5	237,4	88,6	30,6
2008	316,5	153,4	221,2	94,6	33,5
2009	296,3	140,5	212,6	87,4	33,3
2010	279,5	133,2	218,5	85,3	33,2

Другим важным показателем качественных изменений является динамика продуктивности скота и птицы. В 1990-е гг. кризис охватил и самую оберегаемую отрасль Байкальского региона –

молочное животноводство (табл. 8). Снижение надоев произошло во всех основных субъектах Федерации. Так, в Бурятии в 2000 г. в сравнении с уровнем 1991 г. надой молока на 1 корову сократились на 538 кг, или на 28,2 %, в Иркутской области – на 717 кг, или на 29,4 %, в Читинской области – на 632 кг, или на 36,2 %. Падение удойности, произошедшее в регионе, особенно негативно выглядит на фоне общероссийской динамики, где в этот период надой сократился на 228 кг, или всего на 8,9 %.

Таблица 8

Надой молока на одну корову в сельскохозяйственных предприятиях Байкальского региона (кг) [7, с. 524, 525]

Год Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	2569	2247	2252	2930	2007	1950	2061	2250	2283	2341
Бурятия	1909	1417	1260	1153	1016	1078	1182	1403	1380	1371
Иркут. область	2438	2170	2142	1830	1755	1634	1567	1746	1816	1721
Чит. область	1746	1470	1337	1211	735	1053	1030	1127	1129	1114

В то же время в ряде хозяйств региона сумели сохранить высокие, по сибирским меркам, показатели. В частности, в ЗАО «Большееланское» (директор В. М. Шадрин) от одной фуражной коровы получили в 1990 г. 2 683 кг, в 1995 г. – 3 236 кг, в 2000 г. – 4 404, а в 2001 г. – уже 4 611 кг молока. В ЗАО «Железнодорожник» на рубеже веков получали по 4 248 кг, а в колхозе «Имени Ленина» – по 3 618 кг продукции [1, с. 10, 112].

Неоднозначная картина вырисовывается при анализе продуктивности производства яйца (табл. 9). В Байкальском регионе в 1990-х гг. отсутствовала общая тенденция в динамике яйценоскости куриц-несушек. Снижение происходило в Забайкалье, здесь в Бурятии в 2000 г. от одной несушки в год получили на 42 яйца меньше, чем в 1991 г., или на 19,5 %, а в Читинской области – на 11 шт., или на 6,1 %. Вместе с тем в Предбайкалье яйценоскость возросла на 57 шт., или на 22,9 %. В России в этот период курица-несушка в среднем принесла на 33 яйца, или на 14,3 % больше.

Прогресс в производстве яиц Иркутской области, наблюдавшийся в 1990-е гг., не случаен. Локомотивами здесь выступили СХОАО «Белореченское», где несушка в 2000 г. принесла 330, в 2001 г. – 331, и СХПК «Окинское» – 300 и 301 яйцо соответственно.

Таблица 9

Средняя годовая яйценоскость кур-несушек в сельскохозяйственных предприятиях (шт.) [7, с. 528, 529]

Год Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	231	224	222	214	212	217	234	240	248	264
Бурятия	215	215	208	189	176	207	208	186	199	173
Иркут. область	249	237	219	208	212	210	235	283	304	306
Чит. область	179	178	183	155	121	121	105	176	176	190

Передовые предприятия постоянно осуществляли перевооружение производства, в птицеводстве применялись зарубежные технологии, существенная помощь предприятиям была оказана областной администрацией. Однако главную роль, по мнению автора, в этом региональном «чуде» сыграли руководители хозяйств – Г. С. Франтенко и В. Т. Волошин. В частности, в «Белореченском» в 1998 г. был завершён перевод на новую породу птицы – «Хайсекс-белый». Новая порода позволила увеличить объёмы производства яиц на 47 млн шт., так как её продуктивность достигла 330 яиц в год [1, с. 15, 21, 24, 51], что являлось общероссийским и общемировым рекордом.

В течение 2000–2010 гг. в Иркутской области произошли позитивные перемены в сфере животноводства, так, надой на одну корову увеличился на 41,2 %; средняя годовая яйценоскость кур-несушек в сельхозпредприятиях – на 7,2 %, приближаясь к физиологическим пределам птицы; продукция выращивания скота в расчёте на одну голову по КРС на 11,7 %, по свиньям – на 74,5 %. Вместе с тем, произошло падение эффективности по шерсти (на 40 %) [10, с. 57], но это направление никогда не рассматривалось как стратегическое для области.

Животноводческая отрасль Байкальской Сибири в 1990-е гг. переживала процесс разрушения неэффективной, но работавшей системы, способной решать задачи продовольственного обеспечения населения региона. Динамика этого феномена полностью коррелировалась с общефедеральной (табл. 10). Производство мяса скота и птицы сократилось на 115,1 тыс. т, или на 42,7 %, в то время как по Сибирскому федеральному округу сокращение составило 49,8 %, а по стране – 52,7 %. Следовательно, ситуация в регионе была все же лучше, чем в среднем по Сибири и по стране в целом. Внутри региона производство мяса в наибольшей степени сократилось в Бурятии (48,4 %), далее шла Читинская

область (41,4 %), и замкнула список Иркутская область (40,2 %). В течение 10-летия изменилась доля региона в мясном производстве Сибири, если в 1991 г. она составляла 18,1 %, то в 2000 г. – 20,7 %.

Таблица 10

Производство мяса скота и птицы в Байкальском регионе (в убойном весе; в хозяйствах всех категорий; тыс. т) [7, с. 520, 521]

Год Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	9 375,2	8 260,3	7 512,9	6 803,3	5 795,8	5 335,8	4 853,9	4 702,8	4 313,0	4 431,2
Сиб. федер. округ	1 487,5	1 349,7	1 230,0	1 113,5	992,5	950,3	911,8	839,3	732,1	747,1
Регион	269,7	267,6	232,6	214,1	194,0	181,7	180,3	177,7	162,2	154,6
Бурятия	70,1	70,8	59,2	52,9	48,3	45,2	45,3	42,8	37,0	36,2
Иркут. область	123,3	114,2	96,7	88,3	79,9	78,8	78,4	76,6	72,1	73,7
Чит. область	76,3	82,6	76,7	72,9	65,8	57,7	56,6	58,3	53,1	44,7

Иная динамика в молочной отрасли (табл. 11). В Байкальском регионе в 1990-е гг. произошло сокращение производства молока, но оно не было таким повсеместно одинаковым по мясу, так как в 2000 г. за счет Бурятии произошел рост его объемов. Тем не менее, падение его производства в 2000 г. от уровня 1991 г. составило 359,9 тыс. т, или 26,5 %. В тот же период в СФО оно достигло 37,2 %, а в целом по России – 37,8 %. В 2000 г. рост производства молока произошел не только в регионе, но в округе и в стране в целом. Но в Иркутской и Читинской областях падение его производства продолжилось и в 2000 г.

Таблица 11

Производство молока (в хозяйствах всех категорий; тыс. т) [7, с. 522, 523]

Год Регион	1991	1992	1993	1995	1996	1998	2000
Россия	51 885,5	47 236,0	46 524,0	39 240,7	35 818,9	33 255,2	32 276,6
СФО	8 873,9	8 194,8	7 761,5	6 809,5	6 516,1	5 548,1	5 576,7
Регион	1 357,3	1 288,6	1 219,3	1 017,0	1 012,1	960,4	997,4
Бурятия	261,4	225,1	199,3	164,2	159,8	160,0	231,2
Иркут. область	685,7	661,7	614,4	513,4	538,2	495,3	476,5
Чит. область	410,2	401,8	405,6	339,4	314,1	305,1	289,7

В значительной степени кризисные явления в Байкальском регионе проявились и в производстве яиц, но только в 1-й половине 1990-х гг. (табл. 12). Произошло значительное сокращение их производства. В 1996 г. яиц было получено на 46,3 % меньше, чем в 1991 г., в Сибирском федеральном округе – на 32,5 %, в России – на 31,9 %. Падение в регионе оказалось глубже, чем в среднем по Сибири и стране. Однако в 1997–2000 гг. в регионе произошло увеличение производства яйца на 30,7 % (от уровня 1996 г.). В СФО выпуск яйца увеличился на 11,6 %, а в целом по России – на 6,7 %. Доля Байкальского региона в общесибирском производстве яиц сократилась с 20,8 % в 1991 г. до 19,3 % в 2000 г., а в общероссийском – с 2,9 % до 2,8 % соответственно. Снижение доли региона в выпуске этого вида животноводческой продукции обусловлено тем, что наращивание их выпуска произошло только в Приангарье, Бурятия не смогла обеспечить стабильного роста, а в Читинской области спад продолжился до конца века.

Таблица 12

Производство яиц (в хозяйствах всех категорий; млн шт.) [7, с. 526, 527]

Год Регион	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2000
Россия	46 874,9	42 902,1	40 297,1	37 476,6	33 830,2	31 902,3	32 198,7	32 744,2	34 041,6
Округ	6 625,3	5 853,0	5 601,5	5 162,4	4 572,9	4 474,4	4 491,5	4 610,3	4 995,2
Регион	1 375,9	1 221,1	1 142,7	981,9	786,6	739,2	743,8	823,9	966,3
Бурятия	271,3	236,4	221,3	179,0	126,4	109,7	94,5	55,2	68,2
Иркут. область	863,7	779,2	728,6	642,0	547,7	504,8	525,5	643,9	777,8
Чит. область	240,9	205,5	192,8	160,9	112,5	124,7	123,8	124,8	120,3

Исходя из анализа состояния животноводческой отрасли Байкальской Сибири в 1990-е гг., сложившуюся в ней нельзя охарактеризовать иначе как катастрофическую. Понятно, что это разрушение отрасли в регионе являлось частью общенационального кризиса. В России производство мяса (включая субпродукты) промышленной выработки сократилось с 6,6 млн т в 1990 г. до 1,5 млн в 1997 г., т. е. на 77,3 %, цельномолочной продукции (в пересчете на молоко) – с 20,8 до 5,0 млн т, или на 76,0 %, масла животного (промышленной выработки) – с 833 до 291 тыс. т, т. е. на 65,1 %.

Сокращение производства продуктов обусловило резкое сокращение белковой и жировой компоненты рациона россиян. Так,

потребление мяса и мясопродуктов сократилось в стране с 75 кг на душу населения в 1990 г. до 48 кг в 1997 г., т. е. на 36 %, молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – с 386 до 224 кг, или на 42,0 %, яйца – с 297 до 206 шт., или на 30,6 %.

В XXI в. положение дел в Иркутской области с производством продукции животноводства выглядело неоднозначным. Динамика показателей производства продукции этой отрасли показана в табл. 13. На протяжении рассматриваемого периода производство мяса в области последние четыре года стабильно росло, превысив в 2010 г. показатели 2000 г. на 19,9 %, а среднегодовое производство во второй пятилетке от уровня первой половины десятилетия возросло на 6,8 %. Вместе с тем постоянно сокращалось производство мяса КРС.

Негативная тенденция господствовала в области и в производстве молока. В 2010 г. его получили меньше, чем в 2000 г., на 5,3 %, а в среднем за пятилетие ситуация еще хуже, так как падение составило 6,7 %. Этот результат объясним сокращением поголовья молочного стада в области.

Иркутские сельхозпроизводители демонстрируют несомненные достижения в производстве яиц. Причем рост их производства происходил в течение последних 15 лет и обеспечивался за счет работы сельхозорганизаций. Производство яиц в 2010 г. от уровня 2000 г. возросло на 16,4 % на фоне полного удовлетворения потребности в нем в Приангарье.

Противоположно направленная тенденция действует в производстве шерсти. В 2010 г. от уровня 2000 г. ее получили на 31,1 % меньше, а в показателях пятилетий снижение составило 8,1 %.

Таблица 13

Производство основных продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий в Иркутской области (тыс. т) [11, с. 54]

Продукты животноводства \ Год	2000	В среднем за год 2001–2005	2005	В среднем за год 2006–2010	2010
Скот и птица на убой (в убойном весе)	73,7	76,9	78,6	82,1	88,4
Молоко	476,5	509,4	489,2	475,3	451,1
Яйца (млн шт.)	777,8	801,6	817,6	885,8	905,3
Шерсть (в физическом весе)	161	136	114	125	111

В АПК Приангарья получили распространение интенсивные технологии, в частности, голландские технологии производства и хранения картофеля, производства закрытого грунта, производства и переработки молока, свинины и ряд других, позволяющие создать конкуренцию хозяйствам других регионов.

Снабжение населения мясной продукцией зависит от эффективности производства «быстрого мяса» (свинины и курятины). Структура и динамика процессов, происходивших в свиноводческой отрасли Байкальского региона, показаны в табл. 14. В свиноводстве происходили процессы разобобществления. Доля поголовья свиней, содержащихся в сельхозпредприятиях, в 2001 г. уменьшилась от уровня 1992 г. в Читинской области в 3,7 раза, в Бурятии – на 44,4 %, в Иркутской – на 27,7 %, в целом в Сибирском федеральном округе – на 39,6 %. В то же время доля свиноголовья, находившегося в фермерских хозяйствах в конце XX в., оказалась самой высокой в Читинской области, а самой низкой – в Иркутской, но на уровне окружной. Самая высокая доля свиней, находившихся в личных хозяйствах населения, также была в Восточном Забайкалье. Определяющую роль в этом раскладе по региону сыграло количество и состояние свинокомплексов, и здесь наиболее высоких показателей добились в Приангарье, где уровень обобществленного поголовья на 3 % превышал окружной.

Таблица 14

Структура и динамика поголовья свиней в Байкальском регионе (на 1 янв.; в % от хозяйств всех категорий) [7, с. 517]

	Сельхозпредприятия					Хозяйства населения					Крестьянские (фермерские) хозяйства				
	1992	1996	1998	2000	2001	1992	1996	1998	2000	2001	1992	1996	1998	2000	2001
О	62,4	49,7	42,0	39,5	37,7	37,3	48,3	55,8	58,1	60,0	0,3	2,0	2,1	2,4	2,4
Б	43,0	28,7	21,2	19,9	23,9	56,7	67,6	75,0	77,0	73,4	0,3	3,7	3,8	3,1	2,7
И	56,4	46,6	42,6	39,3	40,8	43,3	51,2	55,4	58,1	56,8	0,3	2,2	2,0	2,6	2,4
Ч	27,4	10,2	7,7	7,7	7,5	72,1	86,2	89,1	89,0	89,4	0,5	3,6	3,2	3,4	3,1

Примечание: О – Сибирский федеральный округ, Б – Бурятия, И – Иркутская область, Ч – Читинская область.

Существенное влияние на ситуацию в сельском хозяйстве области оказали структурные изменения в самой отрасли. Произошли значительные перемены в долевом соотношении производителей. Если в начале постсоветского периода доля производства молока колхозами составляла 60–70 % его общего производства, то в конце XX в. ОАО и СХПК производили только около

30 % совокупного объема. Остальное надаивалось в хозяйствах населения – 68 % и фермерами – 2 %. Многие сельхозпредприятия отказались от близких связей с крупными перерабатывающими предприятиями и организовали собственную переработку молока. Причина – в снижении доходов сельхозтоваропроизводителей вследствие падения доли стоимости их продукции в розничной цене товара.

Возникла и все сильнее развивалась «внутривидовая» конкуренция. Мини-заводы в некоторых случаях успешно конкурировали с крупными производителями. В конце 1990-х гг. в Иркутской области насчитывалось 58 мини-заводов по разливу молока. В 1999 г. ими производилось 32,6 т продукции в сутки, что составляло свыше 30 % от всего объема переработки молока в области. Большинство из них имели одну линию по разливу и пакетированию молока, но в некоторых изготавливали йогурт и сыр. По объемам производства молочной продукции лидировали Аларский, Куйтунский, Усольский районы.

Крупные молокозаводы полностью зависят от поставок крупных организаций, и нуждаются в прочных долгосрочных связях с товаропроизводителями (например, вложение средств в развитие хозяйств поставщиков). Производство молока в частном секторе области в 2010 г. составляло 70,5 % от всего объема и не может игнорироваться участниками рынка – крупными предприятиями. В этой связи нужна эффективная система сбора молока от частных хозяйств.

На этом пессимистическом фоне можно выделить ряд хозяйств, оказавшихся в состоянии не только противостоять объективным трудностям, но и добиться существенных успехов в производстве животноводческой продукции. По итогам 2001 г. в Приангарье самого высокого уровня рентабельности (78,0 %) добилось хозяйство ООО «ФХ Дулина», где в 2000–2001 гг. среднесуточный привес свиней составил 320 г, а КРС – 550 г, а надой от одной коровы – 3 тыс. кг. Вторым по уровню рентабельности стало ЗАО «Рассвет» (67,5 %), во главе с директором Т. М. Жуковой, расположенное в Аларском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Здесь надой на фуражную корову составил 3 198 кг молока, а среднесуточный привес КРС – 560 г. В 1995 г. в хозяйстве был построен испанский цех по производству колбас и других мясопродуктов, который ежедневно выдавал 1 т готовой продукции. Немного уступило ему ООО «КФХ Цикурское», выйдя на уровень рентабельности в 62,2 %. Его учредителями стали две семьи, проживавших в с. Заречном Качуг-

ского района (В. П. и Е. Е. Хмелевы и В. М. и Т. А. Седых) [1, с. 18, 39, 69].

Процессы изменения структуры производителей животноводческой продукции продолжились и в XXI в. Так, если в 2000 г. сельхозорганизации производили 33,9 % мяса, 28,6 % молока, 86,6 % яйца и 30,4 % шерсти, то в 2010 г. уже 50,2; 24,2; 89,8; 4,5 % соответственно; хозяйства населения – 63,2; 69,2; 13,3; 65,2 % и 44,3; 70,5; 10,1; 83,8 % соответственно. Фермеры в тот же период – 2,9; 2,2; 0,1; 4,4 % и 5,5; 5,3; 0,1; 11,7 % соответственно.

Таким образом, за одиннадцать лет в производстве мяса доля сельхозорганизаций выросла на 16,3 %, фермеров – на 2,6 %, а населения сократилась на 18,9 %. В производстве молока рост доли продемонстрировали хозяйства населения на 1,3 %, хотя реально они сокращали его производство с 2005 г., и фермеры, реально повышавшие производство молока, на 3,1 %. Соответственно сельхозорганизации сократили свою долю на 4,4 %. В производстве яиц организации за счет хозяйств населения повысили свою долю на 3,2 %. В производстве шерсти, наоборот, организации потеряли 25,9 % своей доли, а хозяйства ее увеличили (населения – на 18,6 %; фермеров – на 7,3 %) [11, с. 55].

Следовательно, в начале второго десятилетия XXI в. в Иркутской области наблюдается доминирование сельхозорганизаций в производстве яиц и мяса; хозяйств населения в производстве шерсти и молока; постоянный рост доли фермерских хозяйств в производстве мяса, молока и шерсти.

Процессы, происходящие в сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства, следует рассматривать, прежде всего, с позиции ее способности обеспечивать основные потребности населения. Реалии решения этой задачи показаны в табл. 15. В соответствии с ней, в первом десятилетии XXI в. сельское хозяйство области было не в состоянии решить задачу обеспечения продовольствием ее населения. Исключение составило производство яиц и картофеля. Обеспеченность молоком в среднем была на уровне 90 %, но затем этот уровень стал снижаться. На среднем уровне находилась обеспеченность овощами и продовольственными бахчевыми культурами, но и здесь господствующей тенденцией стало снижение уровня обеспечения. Хуже всего обстояла ситуация в Иркутской области с самообеспеченностью мясом, практически половина необходимых для его потребления объемов завозилась из-за ее пределов.

Таблица 15

Уровень самообеспечения основной сельхозпродукцией населения Иркутской области (в %)[11, с. 70]

Сельхозпродукция \ Год	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Мясо	59,0	57,1	58,7	55,9	55,2	55,6	57,3	58,6
Молоко	94,9	96,4	94,2	92,4	94,7	93,0	89,4	86,1
Яйца	147,0	172,9	175,7	176,7	172,0	169,9	172,3	167,1
Овощи и продовольств. бахч. культуры	86,5	77,1	74,3	72,7	70,2	72,0	73,9	75,8

Таким образом, анализ положения дел в сельском хозяйстве Иркутской области в начале XXI в. позволил выявить наличие позитивных тенденций повышения его эффективности. Если в 1990-е гг. нарастали и господствовали негативные тенденции, в первом пятилетии нового века началось их замедление и преодоление, то во втором пятилетии – наблюдается нарастание позитивных процессов. Вместе с тем добиться полного самообеспечения продовольствием не удалось. Но самым важным является то, что позитивные тенденции означают развитие не столько количественных, сколько качественных изменений, происходящих в этой отрасли областного народного хозяйства.

Вопросы для самоконтроля

1. Какое значение имеет сельскохозяйственное производство для экономики Иркутской области?
2. Какова доля сельского населения в его общей совокупности жителей Иркутской области и изменилась ли она?
3. Изменилась ли доля занятых в сельскохозяйственном производстве Иркутской области в общей численности работавших?
4. В чем главная причина кризиса регионального сельского хозяйства?
5. Улучшилось ли использование сельскохозяйственных угодий в постсоветский период? Если да, то за счет чего?
6. Является ли современный крестьянин собственником земли сельскохозяйственного назначения?
7. Какие виды сельхозпредприятий Вы знаете? Какие из них появились в постсоветский период?
8. Какая отрасль сельского хозяйства – земледелие или животноводство – является более перспективной для Приангарья?
9. Когда появились фермеры в Приангарье, и чем характеризуется этот вид крестьянского хозяйства?
10. В достаточной ли степени осуществляют правительства РФ и Иркутской области помощь сельхозтоваропроизводителям?
11. Насколько обеспечивает сельское хозяйство региона потребности населения Иркутской области?

Литература

1. Кириленко А. С. О сильных хозяйствах – во весь голос / А. С. Кириленко. – Иркутск : Издат. центр журн. «Сибирь», 2002. – 207 с.
2. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. / под ред. Н. Я. Гущина. – Новосибирск : [б. и.], 1991. – 493 с.
3. Львов Д. С. Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Д. С. Львов. – М. : Экономика, 1999. – 793 с.
4. О состоянии окружающей природной среды Иркутской области в 1997 году : гос. докл. – Иркутск : Гос. ком. по охране окружающей среды Иркут. обл., 1999. – 301 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. : офиц. изд. / Рос. Федерация. Федер. служба гос. статистики. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2005. – Т. 14 (сводный) : Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – 493 с.
6. Природно-экономический потенциал сельского хозяйства Иркутской области и концепция его развития в период экономических реформ. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 180 с.
7. Регионы России : стат. сб. В 2 т. Т. 2. – М. : Госкомстат России, 2001. – 615 с.
8. Российский статистический ежегодник : стат. сб. – М. : Госкомстат России, 1994; 2001. – 863 с.; 679 с.
9. Сельское хозяйство Иркутской области : стат. сб. 1999–2004. – Иркутск : Территор. орган Федер. службы госстатистики Иркут. обл., 2005. – 211 с.
10. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Иркутской области : стат. сб. – Иркутск : Территор. орган Федер. службы госстатистики Иркут. обл., 2010. – 214 с.
11. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Иркутской области. 2010 : стат. сб. – Иркутск : Территор. орган Федер. службы госстатистики Иркут. обл., 2011. – 216 с.
12. Экологическая обстановка в Иркутской области в 1993–1997 гг. : гос. докл. / Иркут. обл. ком. По охране окружающей среды и природ. Ресурсов Минприроды РФ; Адм. Иркут. обл. – Иркутск, 1994–1997, 1999.

§ 2. Экологические проблемы региона

Иркутская область обладает богатейшими минеральными, водными, гидроэнергетическими, лесными, охотничье-промысловыми ресурсами, но наряду с этим регион являлся и продолжает оставаться одним из наиболее неблагоприятных с экологической точки зрения.

Приангарье в середине 1980-х гг. представляло собой индустриально развитый урбанизированный регион. В области по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. проживало 2 831 тыс. чел., из которых 80,5 % – в городах и поселках городского типа. Несмотря на малочисленность населения области в сравнении с ее территорией и неравномерность его расселения (в основном вдоль железной дороги), реальная антропогенная нагрузка на природу региона была высока. Объяснялось это активным промышленным и жилищным строительством, гигантским размахом гидроэнергетики и горнодобывающей промышленности, постоянной трансформацией таежных ландшафтов в целях превращения их в сельхозугодья. Принципиальным было использование мощной дорожной и строительной техники и все возрастающая автовооруженность предприятий и населения.

Унифицированные агротехнологии, навязываемые земледельцам, привели к забвению и отказу от веками и поколениями отточенных традиционных приемов и методов, обеспечивавших естественное восстановление почвенного плодородия. Интенсивные насильственно внедряемые методы не были в надлежащем объеме обеспечены технологиями, техникой, оборудованием, специалистами и расходуемыми материалами, а также организационными мероприятиями. В результате этого несогласования начался процесс снижения плодородия почв региона, и к концу советского периода пахотные угодья были истощены, повреждены, заражены вредителями и повсеместно нуждались в восстановлении.

Интенсивное промышленное, транспортное и городское строительство вывело из сельскохозяйственного оборота сотни тысяч гектаров сельхозугодий. Укрупнение сельскохозяйственных поселений, изменение условий жизни сельчан, ломка традиционных социально-аграрных отношений привели к «забрасыванию» огромного количества малых полей в таежной и подтаежной зонах, которые вскоре затянулись редколесьем. Более богатые, в смысле почвенного плодородия, угодья забрасывались и

заменялись новыми малопродуктивными участками, отвоеванными у тайги или располагавшимися в неудобных для сельхозобработки местах.

Мощное негативно техногенное и антропогенное воздействие на природную среду региона усугублялось высокой ранимостью сибирской природы. Понимание этих процессов и наличие на территории области уникальных природных объектов и, прежде всего, оз. Байкал, традиционно усиливало экологический компонент политики Центра и региональных органов власти.

К середине 1980-х гг. окончательно оформилась советская модель управления природно-заповедными объектами и комплексами. В зависимости от их союзного, республиканского или местного значения оно осуществлялось Советом Министров СССР, совминами союзных и автономных республик, исполкомами областных, краевых, районных и городских советов народных депутатов, а также специально уполномоченными органами государства. К ним относились: Госплан СССР, Госкомитет по науке и технике, Минсельхоз СССР, госкомитеты по охране природы в союзных республиках, министерствах и ведомствах Союза СССР и союзных республик, АН СССР.

В январе 1985 г. Президиум Совмина РСФСР принял решение о разработке Территориальной комплексной схемы охраны природы (ТерКСОП) бассейна оз. Байкал и утвердил головную организацию – проектный институт Гипрогор (Москва) Госстроя РСФСР, который в 1986 г. приступил к ее подготовке. К разработке схемы было привлечено свыше 60 институтов, в том числе более 10 академических. Байкальская схема изначально строилась на основе иной идеологии, нежели предшествовавшие советские ТерКСОПы. Если в других районах они предусматривали снижение, минимизацию антропогенного пресса на природу, то в основу байкальской схемы была положена концепция особого природопользования, т. е. безусловно гарантировавшего, неограниченное по времени сохранение уникального природного объекта. 14 апреля 1990 г. президиум Совмина РСФСР утвердил ТерКСОП «Байкал». Схема была согласована со всеми республиканскими, областными организациями, а также прошла общественные обсуждения на местах.

Это решение означало переход к новой современной модели региональной экологической политики. Вместе с тем подобные разработки чаще всего имели ведомственную направленность и

не всегда рассматривали весь комплекс охраняемых природных территорий. Природные заповедники и национальные парки находились в разных ведомствах, поэтому было трудно рассчитывать на их успешное взаимодействие. Другой проблемой ТерКСОПов являлось то, что по советской системе социальные нужды города или района финансировались, в основном, за счет отчислений от доходов предприятий. Средства на охрану природы шли из тех же источников, поэтому при выборе приоритетов, в условиях хронического денежного дефицита, местные власти проблемы охраны природы рассматривали как второстепенные и финансировали по остаточному принципу.

Руководство страны и территорий Байкальского региона официально определило для себя сохранение байкальского уникального природного комплекса значимой задачей. Она получила свое выражение через создание мощной системы охраняемых природных территорий. В начале 1990-х гг. площадь особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Иркутской области составляла 1 795,6 тыс. га, или 2,4 % территории региона. Организационно они входили в состав двух заповедников, Прибайкальского национального парка, Тофаларского заказника республиканского значения, 9 заказников областного значения с комплексным режимом охраны природы, 6 заказников областного значения с режимом охраны одного вида. Кроме этого в 16 охотничьих заказниках площадью около 900 тыс. га занимались восстановлением и увеличением численности охотничье-промысловых животных, созданием благоприятной обстановки во время перелета водоплавающих птиц, охраной мест нереста рыбы и нагула молоди и т. д. Наряду с этим, в Приангарье памятниками природы были объявлены и охранялись 78 природных объектов, имевших научное, историческое, эстетическое, эколого-культурное значение [9; 13, с. 70, 75; 179]. Вместе с тем серьезной проблемой заказников являлось состояние егерской службы и ее техническое оснащение. В 1985 г. в более чем 10 заказниках области общей площадью 650 тыс. га насчитывалось всего 24 штатных егеря.

Создание охраняемых природных территорий было своевременной попыткой сохранения уникального регионального биоразнообразия. В регионе в связи с индустриальным развитием в середине 1980-х гг. эти ресурсы активно использовались, а в ряде территорий неэффективно эксплуатировались. В частности, пере-

гороженная тремя плотинами р. Ангара перестала быть судоходной и превратилась в цепочку водохранилищ, зато стабильно обслуживала регион дешевой электроэнергией. В результате создания водохранилищ область лишилась самых богатых сельхозугодий, в том числе пашенных.

С 1960 г. уровень оз. Байкал зависит не только от соотношения выпавших в его водосборном бассейне осадков и притока поверхностных и подземных вод, испарения и стока р. Ангары, но и от режима эксплуатации Иркутской, Братской и Усть-Илимской ГЭС. После сооружения плотины Иркутской ГЭС и наполнения ее водохранилища (1956–1958 гг.) подпор от плотины в 1959 г. распространился до Байкала и в 1964 г. превысил его среднемноголетний уровень. В 1990-е гг. зафиксированы колебания уровня озера от 80 до 113 см. С повышением уровня Байкала площадь его водного зеркала увеличилась примерно на 500 км², или на 1,6 % площади всей акватории. Этот процесс сопровождался затоплением пляжей, подтоплением и заболачиванием пониженных прибрежных территорий и приустьевых участков рек, размывом террасовых и скальных берегов и разрушением причальных сооружений. Постановлением Правительства РФ от 26 марта 2001 г. определены предельные значения уровня воды в Байкале при использовании его водных ресурсов в рамках отметок 456 м (минимальный уровень) и 457 м (максимальный). С 2001 г. это решение Правительства стабильно выполняется [8, с. 11, 309]. Хотя целесообразность обеспечения этой стабильности подвергается сомнению многими исследователями.

В результате переосвоения рыбных ресурсов Байкала потеряли свое промысловое значение такие ценные виды, как сиг и осетр. Из-за повышения уровня Байкала в интересах гидроэнергетики сократилась кормовая база основной промысловой рыбы региона – омуля, что привело к снижению его потребительских качеств (размеров и жирности) [15, с. 207].

Достигло опасного уровня и продолжало увеличиваться загрязнение рек и озер промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми стоками. Возрастали объемы загрязнения воздуха промышленностью и транспортом. Пять городов области входили в десятку самых загазованных городов России.

Значительные объемы природных ископаемых на территории области добывались открытым способом, что приводило к разрушению природных ландшафтов, особенно велики были по-

следствия в районе городов Черемхово, Бодайбо, Тулуна. Рекультивация нарушенных земель осуществлялась в недостаточной мере и с ненадлежащим качеством.

Основным видом использования минеральных ресурсов и лесного хозяйства оставалась первичная и неглубокая обработка, что приводило к дополнительным транспортным издержкам, захламлению районов лесозаготовки, расширению территорий, занятых под свалки. Особенно масштабными были отходы гидролизного, целлюлозно-бумажного производств и теплоэнергетических станций.

Вместе с тем советская экономика и законодательство в середине 1980-х гг. демонстрировали стремление к экологизации. Новое строительство в регионе преимущественно осуществлялось в рамках территориально-производственных комплексов, ориентированных на комплексное использование природных ресурсов, на мало- и безотходные производства, замкнутые системы водоснабжения, снижение материало- и энергоемкости на единицу произведенной продукции. Ужесточались требования по уровню предельно допустимых концентраций вредных веществ в стоках и выбросах. Была создана Байкальская природоохранная прокуратура.

Были и несомненные успехи. Самым первым природным ресурсом, освоенным в регионе русскими властями, но фактически уничтоженным к началу советского периода, являлся пушной зверь. В начале XX в. соболь в регионе был практически выбит, но за годы советской власти произошло значительное увеличение его популяции. Это свидетельство способности советской власти эффективно решать сложные экологические проблемы. Этот вывод подтверждается восстановлением поголовья нерпы, варварски выбиваемой в начале века, и омуля, находившегося на грани исчезновения в начале 1960-х гг.

С распадом командно-административной системы многие мероприятия по строительству природоохранных сооружений, защите земель от эрозии, организации туризма и пр. не были доведены до конца. Не осуществлено перепрофилирование Байкальского ЦБК, не реализован сводный проект лесоустройства в водоохранной зоне Байкала. Не разработано технико-экономическое обоснование газификации предприятий, расположенных в районах Иркутска, Шелехова, Ангарска, Усолья-Сибирского и Черемхова. Приостановлен перевод на электроснабжение объектов

жилищно-коммунального хозяйства в городах и других населенных пунктах, расположенных на побережье Байкала [17].

Следует выделить из практики регионального природопользования проблему уникального феномена – оз. Байкал. Имея значительные размеры и меридиональное размещение в юго-восточной части региона, он является своеобразным магнитом, притягивающим к себе людей, транспортные коммуникации, промыслы и промышленное производство. Важно отметить, что кроме Иркутской ГЭС, Байкальского и Селенгинского комбинатов и проведения через Северобайкальск БАМа, на его берегах не создано серьезных загрязняющих производств. Байкал не повторил судьбу Великих американских озер, превращенных к началу 1970-х гг. в безжизненные водоемы. Большую роль в этом сыграла научная и творческая интеллигенция. Байкал в конце рассматриваемого периода в целом остался в рамках основных характеристик своей экосистемы. Вместе с тем в результате работы на берегу озера Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) происходило постоянное загрязнение воды и дна южной части озера. В конце 1980-х гг. в период так называемой перестройки правительство решило прекратить загрязнение Байкала промстоками БЦБК за счет их переброски в р. Иркут, а через него в р. Ангару, что уничтожило бы их животный мир. Благодаря протестам общественности начатый проект был отменен.

В результате политических пертурбаций начала 1990-х гг. резких изменений в экологической политике и экологической ситуации в регионе не произошло, продолжилось развитие уже действовавших процессов, но проявились новые тенденции.

Проводилась политика усиления режима охраны природы Байкала – уникального природного объекта, богатейшего духовного ресурса, превратившегося в международный символ России. В апреле 1987 г. Иркутский облсовет принял решение об организации охраны памятников природы на западной стороне озера. А в конце 1987 г. Сибирское отделение АН СССР выступило с предложением – дать Байкалу статус «участка мирового наследия» по линии ООН. В марте 1988 г. СССР ратифицировал Конвенцию об охране всемирного культурного наследия, и Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО приступила к составлению проекта Перечня выдающихся ценностей Советского Союза. Президиум Иркутского научного центра с участием ученых Бурятии и в присутствии журналистов 13 декабря 1988 г. поддержал ее окончательный проект. Затем свою часть работы выполнили местные и

федеральные органы. Но только в декабре 1996 г. XX сессия Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, проходившая в мексиканском городе Мерида, после рассмотрения соответствующей заявки РФ включила оз. Байкал в Список всемирного наследия [8; 2; 10, с. 73; 3, с. 186].

При включении Байкала в данный Список Комитетом ЮНЕСКО Правительству РФ были даны пять рекомендаций: 1) принять федеральный закон об оз. Байкал; 2) перепрофилировать Байкальский ЦБК в целях ликвидации его как источника загрязнения; 3) снизить сброс загрязняющих веществ в р. Селенгу; 4) увеличить ресурсное обеспечение деятельности прилегающих к озеру заповедников и национальных парков; 5) продолжить дальнейшую поддержку научных исследований и мониторинга на оз. Байкал [10, с. 8].

Сохранение уникального природного объекта таких масштабов возможно только на основе правительственной программы, к участию в которой привлечены также субъекты Федерации (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия), различные министерства и ведомства. И здесь сразу возникли проблемы. Бурятия занимает 73 % охраняемой природной территории, на которой проживает более 80 % ее населения, тогда как доля Читинской области составляет соответственно 21 % и 11 %, а Иркутской – 6 % и 5 %.

По предварительному соглашению природоохранных органов трех субъектов Российской Федерации были определены наиболее важные задачи экологической деятельности:

1) прекращение варки целлюлозы и перепрофилирование основных производств БЦБК;

2) переход к полной газификации экологобезопасных производств (прежде всего Иркутско-Черемховского узла);

3) сокращение выбросов автотранспорта (путем перехода на неэтилированный бензин, использования катализаторов и пр.);

4) стабилизация уровня озера на расчетных отметках (для уменьшения ущерба прибрежным природным и антропогенным объектам);

5) строительство на предприятиях в Улан-Удэ очистных сооружений, предотвращающих попадание опасных промышленных стоков на городской коллектор, рассчитанный на приемку хозяйственных стоков);

6) выведение из оборота эродированных земель, развитие nomadных форм животноводства;

7) борьба с лесными пожарами (сокращение объемов рубок в верховьях рек и особенно лесов, произрастающих на мерзлотных почвах, и смещение рубок в южные и центральные районы на основе лесовосстановительных работ);

8) организация объединенной системы мониторинга и банка данных о природных ресурсах Байкальского региона и антропогенных явлениях в нем.

После длительных согласований интересов министерств и ведомств, 24 ноября 1994 г. было принято соответствующее постановление Правительства РФ. Однако оно не было обеспечено финансированием. Более того, по мнению член-корреспондента РАН А. К. Тулохонова, если прежние государственные документы находились под постоянным контролем, то современные распоряжения, даже самого высокого уровня, как бы предаются забвению [17].

1990-е гг. были сложными и неоднозначными для России, но у правительства страны были все возможности для выполнения этих элементарных требований мирового и регионального сообществ. Принятое ЮНЕСКО решение, гласящее о том, что в целом Байкал чист, было беспрецедентным – речь шла о громадном по размеру участке – около 90 тыс. км². Она сопоставима с площадью таких стран, как Австрия, Португалия, Венгрия, в два раза превышает площадь Швейцарии и Дании. Другие участки мирового наследия гораздо меньше (не более 9 тыс. км²) и мало населены. На побережье Байкала живет около 140 тыс. человек, а на территории его бассейна – около 1 млн [5, с. 27]. Сохранение этого участка потребовало от России выделения и закрепления в законе всей территории, оказывающей на него влияние (386 тыс. км²). Экологические задачи такого масштаба на планете еще не решались.

Федеральный закон «Об охране озера Байкал» был принят в 1999 г. как рамочный [11, с. 7]. На сегодня это единственный в России региональный природоохранный закон федерального уровня. Функции федерального органа исполнительной власти, специально уполномоченного на осуществление государственного регулирования в области охраны природы оз. Байкал с 2004 г. согласно Положению, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г., стала выполнять Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. В 2004 г. в ФЗ «Об охране озера Байкал» были внесены изменения, предусматривающие создание координационного органа для взаимодейст-

вия сторон. Правительство РФ (29 августа 2006 г.) поручило организовать в этом качестве Межведомственную комиссию по вопросам охраны оз. Байкал, но пока она не создана.

В 2006 г. закончено согласование с органами исполнительной власти описания Байкальской природной территории (БПТ) и ее экологических зон, и 27 ноября 2006 г. Правительство РФ утвердило его. Границы центральной экологической зоны (ЦЭЗ) в основном совпадают с границами участка всемирного природного наследия [7, с. 9].

Формально на территории БПТ постоянно реализовывались правительственные программы. Например, в 1994–2000 гг. в Байкальском регионе выполнялась «Комплексная федеральная программа по обеспечению охраны озера Байкал и рациональному использованию природных ресурсов его бассейна», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 25 ноября 1994 г. В 2002–2005 гг. действовала подпрограмма «Охрана озера Байкал и Байкальской природной территории» Федеральной целевой программы «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 гг.)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. Однако значительная часть мероприятий, запланированных в этих документах, не была реализована из-за недостаточного финансирования.

При анализе государственной политики в Байкальском регионе следует учитывать методологические различия в подходах ее организаторов и проводников. По определению известного сибирского ученого А. К. Тулохонова, советские документы по решению природоохранных задач в регионе ставили задачу рационального использования природных богатств и комплексов в бассейне оз. Байкал. С началом перестройки, демократизации общества и его перехода к рыночным отношениям во всех государственных документах речь идет уже о природных ресурсах. В первом случае объектом природоохранной деятельности являются естественные природные экосистемы, а если применяется термин «природные ресурсы», то здесь следует полагать, что природа является предметом экономического «ресурсного» использования [17].

Серьезной экологической проблемой Байкала является земельная политика и практика на прибрежных территориях. После принятия Земельного кодекса РФ и ряда подзаконных актов существует возможность приватизации ценных в природном и в социальном плане земель. Сейчас вдоль побережья бессистемно и

зачастую вне закона возникают дачные поселки, отдельные дома отдыха и просто усадьбы. На побережье расположено 110 населенных пунктов. Но эти поселения не только не имеют генеральных планов своего развития, но даже точно определенных и законодательно утвержденных границ застройки пригородной и водоохранной зон.

Важную роль в охране природы Байкальского региона играют ученые. В настоящее время исследованием Байкала и его водосборной территории занимаются 11 институтов СО РАН, расположенных в Иркутске и Улан-Удэ, а в рамках 8 интеграционных проектов участвуют еще 12 институтов из Новосибирска, Томска, Красноярска, Читы. Вместе с тем сложившаяся структура системы ведения мониторинга природопользования и охраны окружающей среды на территориях трех субъектов РФ БПТ представлена в основном службами различных министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов различного подчинения. Они разобщены, несмотря на то, что работают на одной байкальской территории, действуют по индивидуальным программам, отражающим узкие интересы каждого ведомства. Существующие сегодня на БПТ элементы системы мониторинга природных ресурсов и состояния окружающей среды не решают задачу обеспечения единого мониторинга уникальной экологической системы оз. Байкал и БПТ в полной мере и на уровне современных требований.

Несмотря на серьезные недостатки организации охраны и рационального использования природных комплексов оз. Байкал, положение здесь в целом благополучное. Проводимый мониторинг подтверждает удовлетворительное состояние экосистемы озера. Результаты исследований акватории озера Лимнологическим институтом СО РАН не выявили антропогенных изменений, концентраций главных ионов, тяжелых металлов и видового состава фитопланктона. Проведенный Институтом геохимии СО РАН подекадный мониторинг химического состава стока озера Байкал (с 1997 г.) показал, что среднегодовое содержание большинства главных компонентов в водах истока р. Ангары достаточно устойчиво. Концентрации токсичных металлов значительно ниже предельно допустимых значений.

В результате исследований ученых расширяется список эндемичных байкальских организмов. Ихтиофауна Байкала весьма разнообразна и в настоящее время представлена 55 видами из

15 семейств. Большинство видов не являются промысловыми, но многие их представители эндемичны. Основным промысловым видом является омуль, общая биомасса которого на протяжении последнего десятилетия стабильна (ихтиомасса около 20 тыс. т), что во многом обусловлено деятельностью рыбоводных заводов.

Фактический вылов омуля составляет в настоящее время немногим больше 80 % разрешенного объема, причем 44 % общего вылова составляет браконьерский. Вторым по объему вылова являются частиковые породы рыб (плотва, окунь, елец, карась). Последние годы запасы мелкочастиковых стабилизировались, и их улов постепенно увеличивается. Запасы сазана, язя и щуки не учитываются в промысловой статистике и подвержены значительному браконьерскому прессу, превышающему биологические возможности изъятия. Налим имеет не снижающиеся стабильные запасы. Вылов рыбы в Байкале в целом сокращается с 2 877,0 т в 2001 г. до 2215,3 т в 2006 г. Численность байкальского тюленя составляет 70–120 тыс. голов – этой популяции также не грозит исчезновение, но необходим постоянный корректный контроль [7, с. 49].

Положительные результаты достигнуты в ходе борьбы за создание на Байкале режима «природной заповедности». В настоящее время в границах Байкальской природной территории сеть особо охраняемых природных территорий представлена 5 заповедниками, 3 национальными парками, 23 заказниками, 200 памятниками природы, одним ботаническим садом, лечебно-оздоровительными местностями и курортами. В границах БПТ существуют две рекреационные местности – «Байкальский Прибой – Култушная» и «Лемасово» в Кабанском районе. Площадь ООПТ в пределах Байкальской природной территории равна 38,6 тыс. км², что составляет 10 % ее площади. В границах участка всемирного природного наследия «Озеро Байкал» ООПТ занимают 24,8 тыс. км² (27,8 % площади участка) [7, с. 50].

Таким образом, анализ состояния заповедного дела в Байкальском регионе свидетельствует, что оно находится в удовлетворительном состоянии. Однако эта оценка выводится на фоне общего неудовлетворительного состояния дел в сельском хозяйстве, лесной и легкой отраслях. Финансирование заповедников, заказников и национальных парков не обеспечивает нормального выполнения ими своих функций, хотя после 2005 г. наблюдается постоянный прогресс в плане централизованного финанси-

ния. Фактически в заповедники из федерального бюджета средства поступают только на зарплату. Недостаточно финансируется их основная деятельность. Они выживают в основном за счет грантов, хоздоговорных тем и туризма. Научные коллективы природных резерватов малочисленны, а финансирование научно-исследовательских работ – мизерное. Несовершенна законодательная база заповедного дела и охраны уникальных природных объектов в целом. К серьезным проблемам относятся неконтролируемый туризм, пожары, браконьеры, непонимание и противодействие местного населения и районных властей.

Прямым следствием недостаточного финансирования является снижение уровня охраны территории ООПТ, а в ряде заказников и ее полное прекращение. При создавшемся тяжелом финансовом положении невозможно говорить об ООПТ как основном инструменте сохранения биоразнообразия в регионе. К перечню проблем следует добавить низкий имидж ООПТ в глазах как местного населения, так и власть предержащих, не идущий ни в какое сравнение с имиджем в других странах. Зачастую у местных жителей отрицательное отношение к ООПТ, их создание рассматривают только с точки возникшего ограничения хозяйственной деятельности. Причины этого кроются также и в низком жизненном уровне местного населения, особенно сельских жителей.

В Иркутской области происходит сокращение штата сотрудников заповедников и национального парка. В 2010 г. их осталось 249 человек, сократившись от предыдущего года на 64 сотрудника. Причем научные работники были сокращены на 45,8 %, работники отделов просвещения на – 47,1 %, государственные инспектора – на 4,1 %. При этом госфинансирование этих учреждений выросло на 13,2 % [14, с. 105].

Более того, глубоко укорененный в сознании россиян правовой нигилизм не позволяет рассматривать правовую базу как защиту от экологических проблем и даже катастроф в регионе. Показательна в этом смысле правоприменительная практика закона о Байкале, подкреплённая международными обязательствами России. В частности, ОАО «АК Транснефть» в нарушение действующего законодательства решила проложить нефтепроводную систему «Восточная Сибирь – Тихий океан» в непосредственной близости от его берега, что представляло экологическую катастрофу для озера.

Байкальское экологическое движение общественности активно выступило против этого варварского плана. 8 июня 2003 г. в Иркутске состоялась встреча активистов экологических организаций, посвященная возможному строительству нефтепровода. В ней приняли участие следующие организации: «Экозащита», Международный социально-экологический союз, Гринпис, Всемирный фонд дикой природы, «Экоюрист», Бурятское региональное отделение по Байкалу, ИСАР – Дальний Восток и проект «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы».

С лета 2004 г. началась общественная экспертиза проекта нефтепроводной системы, которой постоянно противодействовали структуры «АК Транснефть». В сентябре ее президенту С. М. Вайнштоку было направлено письмо от 18 региональных, общероссийских и международных организаций. В письме указывалось на игнорирование сотрудниками компании прав общественности на осуществление экологического контроля. Не добившись желаемого результата, российские экологические организации 23 ноября 2004 г. направили письмо Президенту В. В. Путину, в котором оценили деятельность «АК Транснефть» как противозаконную.

В 2006 г. митинги и акции в защиту Байкала прошли в городах Иркутске, Ангарске, Северобайкальске, Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и др. Угроза Байкалу объединила людей в разных уголках страны. Обращение к Президенту РФ направили сотни ученых и артистов, преподавателей и политиков. В разных регионах страны были собраны сотни тысяч подписей в защиту «священного озера». Применялись различные формы массового протеста, начиная от пикетов, флэш-моба до массовых митингов и захвата офиса «Транснефти». Всего по стране зарегистрировано 26 массовых мероприятий. 26 апреля Президент В. В. Путин, в целях исключения рисков экосистеме оз. Байкал, поручил перенести маршрут трассы нефтепровода на север за границы его водосборного бассейна [7, с. 309]. Угроза была снята, но благодаря не Закону, а позиции президента.

В комплексе угроз природе Байкала выделяют ряд природно-антропогенных объектов, но традиционно самое пристальное внимание привлекает район Байкальского ЦБК. На протяжении 40 лет он является главным раздражителем для экологически озабоченной общественности, специалистов и туристов. Экспери-

ментальными исследованиями и наблюдениями ученых установлено, что промстоки БЦБК, даже хорошо очищенные, после разбавления в 50 и 100 раз сохраняют мутагенные свойства, и разбавленные в 10 тыс. раз вызывают изменения поведенческих реакций водных организмов и, следовательно, оказывают отрицательное влияние на их жизнедеятельность [12].

В 1992 г. Правительство РФ приняло постановление «О перепрофилировании Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и создании компенсирующих мощностей по производству целлюлозы». В исполнение данного постановления, поручения Президента и распоряжения председателя Правительства РФ от 18 апреля 2000 г., по решению Администрации Иркутской области силами ИНЦ СО РАН, проектного института СИБГИПРОБУМ и с участием специалистов комбината была подготовлена «Комплексная программа перепрофилирования Байкальского ЦБК и развития г. Байкальска». Программа получила одобрение общественности, природоохранных и контролирующих организаций. В декабре 2005 г. замминистра природных ресурсов РФ В. Г. Степанковым и губернатором Иркутской области А. Г. Тишаниным была согласована промежуточная программа «Создание системы замкнутого водопользования на Байкальском ЦБК в 2005–2007 гг.», куда вошли мероприятия, необходимые для выполнения при любом варианте перепрофилирования, и позволявшие создать замкнутый водооборот при существовавшей технологии производства. В январе 2006 г. она утверждена Советом директоров ООО ЛПК «Континеталь Менеджмент» со сроком реализации до 1 июля 2007 г. [7, с. 163].

В начале сентября 2008 г. комбинат, по словам руководства, запустил в эксплуатацию систему замкнутого водооборота (ЗВО), исключаящую попадание промышленных производственных стоков в оз. Байкал. При этом его руководство заявило, что производить беленую целлюлозу в условиях ЗВО технологически не представляется возможным, но иных вариантов на сегодняшний день не существует. Соответственно, при переходе на ЗВО был закрыт цех отбелки. Выпуск небеленой целлюлозы, который и ранее был на грани рентабельности, в условиях ЗВО стал убыточным. Ситуация осложнилась мировым экономическим кризисом, и предприятие оказалось в условиях экономического и финансового дефолта. В связи с этим в 2008 г. Байкальский ЦБК

был остановлен из-за нерентабельности производства и не работал два года.

Имея в роли социальных «заложников» население целого города, ЛПК «Континенталь менеджмент» потребовала от государства разрешения на возврат к производству на БЦБК белой целлюлозы по старой схеме, при которой в Байкал ежедневно сбрасывается более сотни тысяч кубометров промышленных стоков, и получила его. В 2010 г. принята поправка к перечню видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне, которая позволила ему возобновить производство по старой схеме. Загрязнение Байкала продолжается.

Владельцам Байкальского ЦБК в очередной раз удалось получить индульгенцию на экологические преступления. Вопреки всякой логике, Росприроднадзор принял решение о продлении лицензии на деятельность Байкальского ЦБК сроком до августа 2013 г. Таким образом, налицо полная беспомощность федеральных властей перед возможностями владельцев БЦБК по лоббированию своих интересов [3].

Кроме водного загрязнения, в атмосферу области, в том числе над Байкалом, попадают вредные вещества, приносимые западными ветрами. Северо-западную границу Экологической зоны атмосферного влияния (ЭЗАВ) принято определять в пределах Иркутско-Черемховской равнины и ее ближайшего окружения на расстоянии 200 км от побережья Байкала. Основной вклад в загрязнение атмосферного воздуха вносят предприятия теплоэнергетики – восемь ТЭЦ, ежегодно выбрасывающих примерно 170 тыс. т вредных веществ. Серьезную опасность представляют выбросы в атмосферный воздух пяти наиболее крупных городов Иркутской области, входящих в ЭЗАВ. В настоящее время в атмосферный воздух поступает от стационарных источников промышленных предприятий городов и районов в границах ЭЗАВ БПТ более 250 тыс. т загрязняющих веществ [7, с. 198, 204].

Крупнейшие в мире Братский и Иркутский алюминиевые заводы производят больше всех в мире алюминия на душу населения Прибайкальского региона. Производство алюминия связано с потреблением большого количества электроэнергии, которая вырабатывается гидроэлектростанциями благодаря стабильности стока Ангары из Байкала. Одновременно с получением алюминия выбрасывается большое количество вредных отходов, которые воздушными массами переносятся в регион Байкала. Фтористые

соединения оказывают угнетающее влияние на животный и растительный мир, что в конечном итоге может сказаться на стабильности функционирования региональной гидроэнергетики, если выбросы фторидов уменьшат прирост хвойных деревьев, которые являются основным звеном в гидрологическом цикле [4, с. 16–17].

В 2010 г. в десяти городах области отмечен повышенный уровень загрязнения атмосферного воздуха (Ангарск, Братск, Зима и др.). Совокупный объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников за счет сокращения промышленных производств сократился от уровня 1995 г. на 6,4 %. Но в течение первого десятилетия XXI в. происходил непрерывный рост их объемов, и в ближайшей перспективе область вернется к советскому уровню [14, с. 9, 12].

По выбросам в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников в 2010 г. Иркутск занял 15-е место в России (65 тыс. т выбросов в год). Насчитывалось 196 предприятий, выбрасывающих в атмосферу 69 загрязняющих веществ. 94 % всех выбросов стационарных источников приходится на продукты горения (угольная и мазутная смолы, бензпирен, окись углерода, двуокись азота, сернистый ангидрид). Загрязнителями воздуха являются также автомобильный и железнодорожный транспорт. Влияние первого постоянно возрастает за счет быстрого роста количество автомобилей, и их годовой выброс в БПТ приближается к 500 тыс. т [1; 6].

Конечно, Иркутская область не единственный экологически неблагополучный регион страны по воздуху. В 2012 г. в 40 субъектах Российской Федерации более 54 % городского населения находились под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха [18].

Опасно возрастающей проблемой является водный транспорт. Озеро Байкал входит в «Перечень внутренних водных путей РФ» и отнесено ко II группе с совокупной протяженностью 2 356 км. Флот, задействованный на оз. Байкал, представлен шестью группами: 1) разъездными и прогулочными судами; 2) сухогрузными, пассажирскими, экспедиционными, научно-исследовательскими судами; 3) грузо-пассажирскими паромными; 4) самоходными буксирами; 5) судами с динамическим принципом поддержания; 6) обстановочными судами. В целях предотвращения загрязнения внутренних вод при эксплуатации водных судов на оз. Байкал в

конце XX в. осуществлялись государственный надзор, технический надзор, отраслевой контроль, производственный контроль и санитарный надзор [7, с. 235]. Однако общее состояние дел с загрязнением вод Байкала судами неудовлетворительное.

Проблемы Байкала в массовом сознании зачастую экстраполируются в рыбное хозяйство, имеющее отношение к питанию большинства жителей региона. В этой отрасли сейчас происходит структурная реорганизация органов государственной власти, в частности в Улан-Удэ создается Ангаро-Байкальское территориальное управление Росрыболовства. Воспроизводство рыбных ресурсов осуществляет и контролирует ОАО «Востсибрыбцентр». Координирующие функции рыбохозяйственной деятельности по рациональному использованию рыбных ресурсов и их воспроизводству осуществляются Байкальским научно-промышленным советом, состав которого формируется из представителей научно-исследовательских организаций, Байкалрыбводоы, Россельхознадзора, Росприроднадзора, органов исполнительной власти субъектов РФ, рыбодобывающих организаций, и утверждается Минсельхозом России.

Качество и объемы животных богатств тайги напрямую зависят от правильной организации охотничьего хозяйства. Площадь закрепленных охотничьих угодий в области постоянно меняется, так, в 1995 г. она составила 46,2 тыс. га, которые обслуживали 103 специалиста-охотоведа, 381 штатный охотник и 125 штатных егерей, в 2000 г. – 76,9 тыс. га, 323; 307; 232 человека соответственно; в 2009 г. – 51,5; 91, 55, 231; а в 2010 г. – 54,2 тыс. га; 89, 76, 148 [14, с. 106]. В целом ситуацию в охотничьем промысле области трудно признать удовлетворительной.

Иркутская область является лидером лесозаготовок в России. Но, даже обладая самыми значительными лесными ресурсами, необходимо заботиться об их восстановлении. По данным Иркутгосстата, лесистость области медленно возрастает. Так, в 1995 г. она составляла 78,4 %, в 2000 г. – 80,8 %, в 2005 г. – 81,4 %, в 2010 г. – 83,1 % территории региона. Однако заслуги общественности и властей области в этом немного. Лесовосстановительные работы в 1995 г. проведены на площади 116,3 тыс. га, в 2000 г. – 93,1 тыс. га, в 2010 г. – 80,4 тыс. га. В их объеме на наиболее эффективные формы лесовосстановления – посев и посадку лесных культур – пришлось лишь 12,2 %.

Лесные пожары приносят вреда больше, чем вырубки, но основной причиной пожаров являются, в первую очередь, лесозаготовители. В 1995 г. погибло лесных насаждений 6 522 га, в 2000 г. – 14 689 га, в 2010 г. – 24 605 га. В 2010 г. зарегистрировано 926 пожаров – в 1,3 раза больше, чем в 2009 г., причем из них 69 % возникло по вине населения. Площадь, пройденная лесными пожарами, превысила уровень предшествовавшего года в 5,2 раза. Самыми неблагоприятными годами постсоветского периода были 1996 г., когда поврежденная пожарами площадь составила 376 тыс. га, и 2003 г., когда было зарегистрировано 4 245 пожаров [14, с. 11, 79, 80, 82].

Область является водообеспеченным регионом, поэтому задача бережного и экономного ее использования не является значимой для общественности и власти. В 2010 г. использование воды из природных объектов в сравнении с предыдущим увеличилось на 9,3 %, но оно еще меньше уровня 1995 г. на 37,1 %. В свою очередь, вырос и сброс сточных вод от уровня 2009 г. на 3,4 %, но еще меньше уровня 1995 г. на 24,3 %. По сбросу сточных вод лидируют Ангарское МО (37,5 % общего объема), г. Братск (27,4 %), г. Иркутск (12,5 %). Наибольшему загрязнению неочищенными стоками подвергается бассейн р. Ангары, в особенности Братское и Усть-Илимское водохранилища [14, с. 9–10, 12].

Золотодобывающие предприятия «Бурятзолото», расположенные в Восточных Саянах, добывают значительное количество золота, обеспечивая благосостояние региона, однако технология извлечения включает цианистое выщелачивание, что грозит загрязнением верховьям рек Иркут, Китой и Белая, которые несут свои воды по Иркутской области в бассейн реки Ангары.

Напряженность экологической обстановки в регионе создают отходы производства и потребления. В области расположены предприятия, которые используют гальваническое нанесение защитных покрытий цветными металлами, что приводит к загрязнению сточных вод ионами цветных металлов. Существующие способы очистки сточных вод не обеспечивают ее необходимого качества. В результате химической очистки с применением реагентов, каустика, извести или соды образуется большое количество осадков, содержащих тяжелые металлы, для захоронения которых потребуется строительство промышленных полигонов. Опыт работы этих полигонов показал, что надежных способов консервации этих отходов не существует, и они являются эколо-

гической бомбой замедленного действия. Таким образом, очистка сточных вод и газовых выбросов не решает проблемы экологии в регионе, и только экологизация технологических процессов, направленная на применение современных наукоемких инновационных технологий, позволит эффективно перерабатывать природное сырье в условиях экологических ограничений [4, с. 16–17].

На конец 2010 г. в хранилищах и накопителях, на полигонах, свалках и других объектах области накоплено 1 642,9 млн т вредных отходов. Проводится определенная работа по снижению количества вредных отходов. Из общего количества образовавшихся в 2010 г. отходов передано другим предприятиям для использования, обезвреживания и захоронения – 2,8 %, использовано в собственном производстве и обезврежено – 27,8 %, захоронено самими предприятиями – 5,5 % [14, с. 10–11].

К кризисной относится экологическая обстановка в Иркутском транспортном узле, где большое скопление транспортных предприятий и средств передвижения загрязняют окружающую среду различными отходами, выхлопными газами, стоками, шумом и пр. Здесь уже давно назрела необходимость модернизации всей системы транспортного обслуживания, а также выноса из черты города аэропорта не только по экономическим, но в еще большей степени по экологическим соображениям.

Остается кризисной ситуация в Усть-Кутском транспортном узле и, прежде всего, на р. Лене в акватории порта Осетрово и в 50–70 км ниже его. Угроза возникает вследствие постоянных интенсивных работ по землечерпанию, углублению и выправлению русла. В пределах узла, т. е. в черте г. Усть-Кута, параллельно проходят железнодорожная, автомобильная и речная магистрали, которые в совокупности с местной транспортной сетью и создают кризисность экологической обстановки для природных ландшафтов и для проживания населения. Далее по р. Лене до Киренска экологическая обстановка оценивается как напряженная. Большое движение речного транспорта по узкому мелководному руслу и постоянные русловыправительные работы сильно нарушают естественное равновесие элементов природы самой р. Лены, практически превращенной в искусственный канал, и прибрежных территорий. В пределах Усть-Кутского транспортного узла и на участке р. Лены Усть-Кут – Киренск кризисность и напряженность экологической обстановки может быть значительно снижена за счет закрытия речного порта Осетрово и перенесения его на

глубоководный участок Лены – в с. Петропавловское (90 км ниже г. Киренска) с подведением туда железной дороги.

Напряженная экологическая обстановка отмечается также на протяжении почти всей Транссибирской магистрали – от западной границы области до Иркутска и далее – до г. Шелехова. Это обусловлено большими объемами грузовых и пассажирских перевозок по параллельно действующим железнодорожной, автомобильной и речной магистралям, а кроме того, проходящим здесь же нефтепроводом. Особенно интенсивная перевозочная работа всех видов транспорта отмечается на участке Черемхово – Иркутск – Шелехов. Здесь ширина полосы напряженной экологической обстановки составляет около 10 км в обе стороны от магистрали. По направлению БАМа напряженная обстановка отмечается в Братском транспортном узле и на участке Тайшет – Чуна в полосе между железной и автомобильной дорогами [16].

Все возрастающее воздействие на экологию в Прибайкалье оказывает туризм. В 2006 г. Республику Бурятия и Иркутскую область посетило 664 тыс. официально зарегистрированных туристов. По данным Управления туризма Министерства экономического развития, труда, науки и высшей школы Иркутской области в XXI в. произошло увеличение туристского потока с 110,8 тыс. человек в 2002 г. до 677,9 тыс. в 2008 г. Иркутская область по итогам 2010 г. заняла 15-е место в стране и 2-е место среди регионов Сибирского федерального округа по количеству размещенных лиц в коллективных средствах размещения. Но необходимо учитывать, что официальная статистика весьма несовершенна, да и отчитываются о своей деятельности далеко не все гостиницы и турбазы, поэтому реальные цифры могут быть значительно выше. К настоящему времени на берегах Байкала выявлено более 60 мест отдыха и туризма общей площадью около 35 тыс. га. Рекреационные местности крайне неоднородны по уровню развития, транспортной доступности, потенциалу туристско-рекреационных ресурсов, экономическим возможностям муниципальных администраций при их освоении. Сложившаяся система рекреационного развития имеет экстенсивный характер. Выявленные локальные рекреационные местности представляют собой цепочку небольших по площади мест концентрации туристов и отдыхающих. Уже сейчас на берегах Байкала существует определенный дефицит рекреационных территорий, поэтому в разгар туристского сезона места отдыха испытывают чрезмерные

нагрузки, что при низком уровне обустройства приводит к их разрушению и резкому ухудшению санитарного состояния [7; 10, с. 239; 46].

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов региона, крайне недостаточны. Они составили в 2010 г. 807,4 млн руб., что в фактических ценах на 21,8 % меньше, чем годом раньше. На охрану и рациональное использование водных ресурсов направлено 59,5 % общего объема природоохранных инвестиций. На охрану атмосферного воздуха – 22,9 %, рациональное использование земель – 15,3 %. Как и ранее, основными источниками финансирования экологических инвестиций являются предприятия и организации, использующие средства в основном для поддержания действующих мощностей [14, с. 11].

Вместе с тем можно констатировать, что в 2012 г. в Иркутской области функционировала организационно-экономическая система, направленная на охрану и снижение антропогенной нагрузки на экосистему региона, и, в первую очередь, Байкала. К ее основным элементам относились: 1) законодательное и нормативно-правовое регулирование; 2) реализация проектов и программ; 3) осуществление экологической экспертизы; 4) проведение экологического мониторинга; 5) выполнение экологического контроля; 6) научные исследования; 7) формирование экологической культуры; 8) Байкальское экологическое движение; 9) международное сотрудничество; 10) обеспечение свободного доступа к информации. Однако эффективность этой системы пока далека от оптимального уровня.

Об этом свидетельствуют данные экологического рейтинга краев и областей РФ, составленного специалистами Росприроднадзора совместно с организацией «Зеленый патруль». В нем Иркутская область находится на 51-й строчке, а в 2011 г. она была на 17 пунктов выше. Соседняя Бурятия оказалась гораздо чище Приангарья и занимает 9-ю строчку в рейтинге [19].

30 апреля 2012 г. председатель Совета министров РФ Д. А. Медведев утвердил «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Данная государственная политика основывается на Конституции РФ, принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации, а также на федеральных конституционных законах, федеральных за-

конах, законах субъектов Российской Федерации, документах долгосрочного стратегического планирования, включая Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. [18].

Возможно, утверждение основ этой политики улучшит экологическую ситуацию в стране в целом и в Иркутской области в частности.

Вопросы для самоконтроля

1. Имеет ли Иркутская область специфику развития экологической ситуации в сравнении с другими территориями страны?
2. Каков природно-экономический потенциал Иркутской области?
3. Действуют ли на территории области экологические организации и чем они занимаются?
4. Почему к экологической ситуации в регионе приковано внимание мировой научной и экологической общественности?
5. Существуют ли международные и отечественные правовые документы, регламентирующие природопользование на территории региона?
6. Существует ли на территории области система особо охраняемых природных территорий? Если да, то какова ее структура?
7. Какие виды экологических проблем имеются на территории Иркутской области?
8. Что вы знаете о ситуации с Байкальским ЦБК?
9. Какие угрозы природе Байкала исходят со стороны Иркутской области?
10. Как вы оцениваете современную экологическую ситуацию в области и в Байкальском регионе в целом?

Литература

1. Автомобильные выбросы составляют 60 % загрязнения автомобильного воздуха в Иркутске [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admirkutsk.ru/?doc=13747>.
2. Байкал в список мирового культурного и природного наследия // Сов. молодежь. – 1988. – 17 дек.
3. Байкальскому ЦБК продлили на год разрешение сливать отходы в Байкал [Электронный ресурс]. – URL: <http://livebaik.com/?IDE=107804>.
4. Баранов А. Н. Проблемы экологизации промышленных предприятий Прибайкалья // Новые технологии добычи и переработки природного сырья в условиях экологических ограничений : материалы Всерос. науч.-техн. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ, 26–30 июля 2004. – Улан-Удэ, 2004. – С. 16–17.
5. Бахтин В. И. Проблемы нормативно-правовой базы создания единой системы экологического мониторинга, как фактор устойчивого природопользования на Байкальской природной территории // Закон Российской Федерации «Об охране озера Байкал» как фактор устойчивого развития Байкальского региона : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 16–19 сент. 2003 г. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2003. – С. 26–30.

6. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в ряде городов с наиболее неблагоприятной экологической обстановкой [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm
7. Государственный доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2006 году». – Иркутск : Сиб. фил. ФГУНПП «Росгеолфонд», 2007. – 420 с.
8. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2007 году. – Иркутск : Изд-во Бланкиздат, 2008. – 360 с.
9. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Иркутской области в 1992 году. – Иркутск : Иркут. обл. ком. по охране окруж. среды и природ. ресурсов Минприроды РФ, 1993. – 142 с.
10. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Иркутской области в 1999 году. – Иркутск : Гос. ком. по охране окружающей среды Иркут. обл. Госкомэкологии России, 2000. – 320 с.
11. Грачев М. А. О состоянии озера Байкал и байкальского участка мирового природного наследия / М. А. Грачев, Т. В. Ходжер // Закон Российской Федерации «Об охране озера Байкал» как фактор устойчивого развития Байкальского региона : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 16–19 сент. 2003 г. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2003. – С. 6–11.
12. Источники загрязнения озера Байкал. История байкальской проблемы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1199>
13. Природно-ресурсный потенциал Иркутской области / И. Л. Савельева [и др.]. – Иркутск : СО РАН, 1998. – 238 с.
14. Природные ресурсы и охрана окружающей среды. Экономико-статистический сборник. 2010. – Иркутск : Иркутскстат, 2011. – 112 с.
15. Синюкович В. Н. Уровненный режим оз. Байкал после зарегулирования // Закон Российской Федерации «Об охране озера Байкал» как фактор устойчивого развития Байкальского региона : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 16–19 сент. 2003 г. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2003. – С. 117–121.
16. Транспортно-экологический комплекс // URL: http://irkipedia.ru/content/transportno_ekologicheskij_kompleks_atlas.
17. Тулоханов А. К. История Байкальской проблемы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=97398>.
18. Утверждены основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecology.irkobl.ru>.
19. Экологическая ситуация в Иркутской области ухудшилась [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.irk.aif.ru/society/news/44774>.

НАСЕЛЕНИЕ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Рубеж XX и XXI в. стал для Иркутской области, как и для всей России, эпохой кардинальных сдвигов в составе и структуре населения. Отчасти это было продолжением долговременных модернизационных процессов: урбанизации, сокращения рождаемости и общей численности населения, усложнения социально-профессиональной структуры. Не менее важные последствия повлекли за собой распад СССР, радикальная смена политического режима и модели общественного и экономического устройства. Трудный и болезненный переход к рыночной экономике и открытому обществу оказали огромное и неоднозначное воздействие на численность населения, его структуру, социальный и профессиональный состав.

Не следует забывать и сибирскую специфику. Сибирь, как переселенческое по истории формирования и многим социокультурным характеристикам общество, всегда находилась, находится и будет находиться в обозримом будущем в зависимости от миграционных потоков. Постоянный приток мигрантов здесь – залог развития и просто обеспечения нормальной жизни. Крушение государственной социалистической экономики привело к сворачиванию государственно спонсируемых программ переселения и оседания, к кризису и болезненной перестройке той структуры экономики, которая мигрантов принимала и закрепляла. Новых инструментов привлечения населения в Сибирь государство найти не смогло, а для рыночной экономики более выгодным решением оказались временные трудовые мигранты.

Поэтому общероссийский процесс сокращения рождаемости, старения населения, уменьшения его численности дополняется здесь «западным дрейфом» – миграцией в некоторые крупнейшие города Европейской России. А из Иркутской области – еще и в соседние, более динамично развивающиеся Красноярск и Новосибирск. В некоторой мере эта убыль компенсируется при-

током трансграничных мигрантов, прежде всего из государств Центральной Азии и Китая. Экономически выгодная и необходимая, эта миграция способствует формированию целого комплекса новых и очень сложных проблем и конфликтов.

Между тем тенденции демографического развития – это не только результат, но и важнейший фактор, залог экономического и социально-политического развития. От того, сколько людей будет жить в области, какова будет их возрастная, профессиональная, образовательная структура, каково будет соотношение притока и оттока мигрантов, кто будут эти мигранты, зависит будущее нашего края.

§ 1. Динамика численности, размещения и половозрастная структура населения

К концу 1980-х гг. Иркутская область достигла пика своего демографического развития. По Всесоюзной переписи населения 1989 г. здесь проживало 2 825 тыс. чел., в том числе около 80,5 % – в городской местности. Более 890 тыс. – в городах Иркутской городской агломерации (Иркутск, Ангарск, Шелехов), в том числе 577 тыс. чел. – в областном центре. Еще 3 города насчитывали более 100 тыс. жителей каждый: Братск (255,7 тыс. чел.), Усть-Илимск (109,3 тыс. чел.) и Усолье-Сибирское (106,5 тыс. чел.). Кроме того, в более 70 малых и средних городов и рабочих поселков проживало более 860 тыс. чел.

С начала 1990-х гг. начался процесс сокращения численности населения. За 1990–2010 гг. число жителей области уменьшилось на 14 % (396,3 тыс. чел.). Темпы убыли населения были наиболее высоки до 2001–2002 гг., когда население области ежегодно уменьшалось на 0,8–0,9 %.

Более высокими темпами сокращалась численность городского населения, что обусловило некоторое снижение его доли в общей численности населения области: до 79,5 % по переписи 2010 г. Горожане мобильнее, их более высокий профессионально-образовательный уровень серьезно расширяет спектр возможных миграционных стратегий. И не случайно в 2006–2007 гг., например, их доля в миграционной убыли составляла 82,5–84,8 %. [10, с. 7]. Социально-экономический кризис и крайне низкий уровень жизни в большинстве сельских территорий области серьезно ограничивает возможности для передвижения.

Видимость дезурбанизационного тренда создало и то, что с целью снижения потребительских тарифов между переписями 1989 г и 2002 г. 12 городских поселений, в которых проживало более 40 тыс. чел., приобрели статус сельского поселения.

Масштабы Иркутской области определяют чрезвычайное разнообразие демографических процессов в разных ее частях, в том числе сельских (рис. 1). Убыль населения, равная или меньшая, чем в среднем по области, за данный период отмечена лишь в 10 из 28, тогда как в 18 сельских районах численность населения сократилась более чем на 10 %. В том числе в 7 из них население сократилось более чем на 20 %. При картографическом анализе хорошо прослеживается «ось», вдоль которой расположены такие районы: от Нижнеудинского на юго-западе до Бодайбинского на северо-востоке области. Сопоставление динамики численности населения позволяет четко выделить и вектор нарастания темпов убыли населения: в этой группе на юго-западе он минимален (Нижнеудинский, Куйтунский, Чунский районы – убыль населения 15,6–17,1 %) и возрастает до максимальных значений на северо-востоке (Бодайбинский, Катангский, Мамско-Чуйский, Усть-Кутский районы – убыль населения 35,6–55,6 %).

Небольшая зона устойчивого роста численности населения сложилась в 2000-е гг. лишь на юго-востоке области и включает: 1) сельские районы в зоне Иркутской агломерации (или тесно примыкающие к ней); 2) Ольхонский район, практически целиком размещающийся в Байкальском национальном парке и представляющий собой быстро развивающуюся рекреационную зону; 3) Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, имеющий выраженную специфику воспроизводства населения за счет особенностей этнической структуры и сохранения многих элементов традиционного фертильного поведения. В остальных районах численность населения заметно сократилась.

Важнейшей точкой притяжения населения стала зона Иркутской агломерации [1]. С 1989 по 2010 г. совокупная численность населения Иркутска, Ангарска и Шелехова уменьшилась всего на 2,5 % (на 22 тыс. чел.) и на начало 2010 г. составила около 869 тыс. чел. (35,8 % населения области). Фактически же произошел некоторый рост за счет интенсивного увеличения численности населения пригородной зоны. Так, число жителей Иркутского сельского района, основная часть которых проживает в зоне 30–40-минутной транспортной доступности до областного центра, выросло с 59,9 до 84,5 тыс. чел. Поэтому население Иркутской агломерации вплотную приблизилось к 1 млн чел. [5, с. 59].

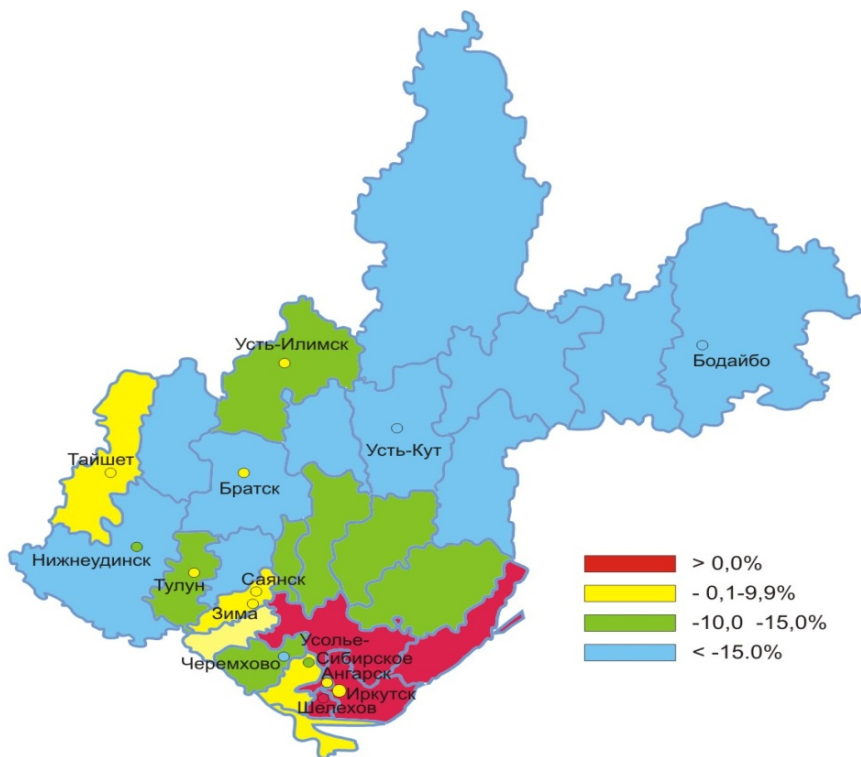

Рис. 1. Динамика численности населения муниципальных образований Иркутской области (2007 г. к 1995 г.)

Для более корректного анализа численности населения Иркутской агломерации может быть использован период с 1995 по 2007 г., исключая масштабные административно-территориальные преобразования, в том числе – выделение Ангарского и Шелеховского районов в 1994 г., а также выделение из состава Иркутского района п. Листвянка. Население Ангарского, Иркутского и Шелеховского районов в расчетах может быть включено в общую численность населения Иркутской агломерации полностью, несмотря на то, что часть сельских населенных пунктов данных районов, несомненно, лежат вне зоны агломерации. Тем не менее, численность населения, проживающего в таких населенных пунктах, составляет лишь небольшую часть жителей районов. Кроме того, в пригородных населенных пунктах постоянно про-

живает значительное число жителей, официально не зарегистрированных по месту проживания (например, по данным похозяйственного учета администрации Иркутского сельского района, доля таких жителей в районе составляет 4–6 % сельского населения). И, наконец, на территории указанных районов, входящих в Иркутскую агломерацию, расположено значительное число дачных кооперативов и товариществ, в которых постоянно проживает большое число незарегистрированных жителей. Перечисленные обстоятельства в целом нивелируют разницу между общей численностью населения указанных сельских районов и официально зарегистрированной численностью жителей муниципальных образований первого уровня, расположенных непосредственно в зоне Иркутской агломерации.

Специфику развития пригорода в Иркутске определил массовый поток горожан, перебирающихся сюда на постоянное место жительства. Численность населения Иркутского сельского района за 20 постсоветских лет выросла на 30 тыс. чел., увеличившись более чем в полтора раза. По переписи населения 2010 г., она составила 84,3 тыс. чел., уступая лишь областному центру (587,9 тыс. чел.), городам Братску (246,3 тыс. чел.), Ангарску (233,6 тыс. чел.), Усть-Илимску (86,6 тыс. чел.) [9]. Быстрый рост района продолжился после переписи, и к началу 2012 г. число жителей района достигло 89,9 тыс. чел. [14]. Основная часть населения Иркутского района проживает в пригородной зоне, и процесс его концентрации продолжается: за 2007–2010 гг. доля жителей района, проживающих в ближних пригородах, выросла с 72,1 % до 89 % [7; 9].

Согласно данным администрации Иркутского сельского района, основной прирост населения в 2007–2010 гг. пришелся на муниципальные образования первого уровня, непосредственно примыкающие к городу, либо расположенные в 15–30-минутной транспортной доступности от города. Население Хомутовского сельского поселения (с. п.) выросло на 10 % (на 1,1 тыс. чел.), Молодежного с. п. – на 14 % (на 0,8 тыс. чел.), Мамоновского с. п. – на 22 % (на 0,7 тыс. чел.), Уриковского – на 32 % (на 1,5 тыс. чел.) и т. д. Как следствие, вокруг областного центра начал формироваться качественно новый для Прибайкалья тип пригорода – субурбия, определяющий новые векторы и демографического, и социально-экономического развития этой части региона [4].

Таким образом, сокращение численности населения Иркутской области не привело к прекращению урбанизационных процессов. Более того, в зоне Иркутской агломерации начался интенсивный процесс формирования субурбанизированного пригорода, пока не типичного для Восточной Сибири.

К началу 1990-х гг. возрастная структура, несмотря на последствия демографического кризиса 1940-х гг., сохраняла прогрессивные черты: расширенное основание пирамиды, в которой численность поколения детей немного превосходит численность поколений родителей. Невысокий удельный вес молодых трудоспособных возрастов, сложившийся вследствие спада рождаемости в 1960-е гг., компенсировался высокой численностью и долей поколений 1945–1960 гг. рождения, а в перспективе предстоял рост общей численности работающих возрастов за счет вступления в трудоспособный возраст многочисленных поколений 1970–1980-х гг. рождения (рис. 2).

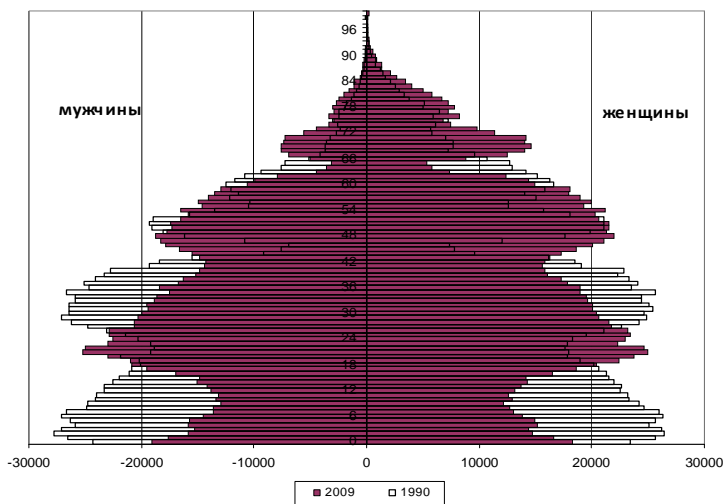

Рис. 2. Половозрастная структура населения Иркутской области на 01.01.1990 и 01.01.2009 г.

Однако к концу 2000-х гг. структура населения приобрела отчетливые регрессивные черты. Спад рождаемости 1990-х гг. привел к резкому сужению основания половозрастной пирамиды. Даже заметное повышение рождаемости в 2007–2009 гг. не обеспечило равной численности поколений 2000-х и их родителей.

Наиболее серьезные, хотя, на первый взгляд, малозаметные изменения произошли в трудоспособных возрастах. Их общая численность продолжала возрастать до середины 2000-х гг., что обеспечивало рабочими руками экономический рост первой половины десятилетия (табл. 1). Более высокие темпы роста в сельской местности обусловлены большим эффектом пронаталистских мер 1980-х гг. и рядом административно-территориальных преобразований начала 1990-х гг.

Таблица 1

Численность населения трудоспособного возраста (16–54/59 лет) Иркутской области, тыс. чел.

Год Население	1990	1992	1995	1997	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Все	1 620,4	1 611,0	1 590,5	1 578,9	1 592,1	1 601,8	1 615,8	1 615,0	1 609,1	1 599,4	1 586,5	1 564,2
Городское	1 335,3	1 327,1	1 292,6	1 282,2	1 294,2	1 295,5	1 297,1	1 291,7	1 283,8	1 272,7	1 260,8	1 241,6
Сельское	285,2	283,9	297,9	296,7	298,0	306,2	318,8	323,4	325,3	326,8	325,7	322,6

Однако уже с 2006–2007 гг. начался процесс сокращения численности и удельного веса трудоспособных возрастов. Этот долговременный процесс получил название «уплата демографического налога» [3]. Вместе с уменьшением численности этой возрастной группы в ее структуре также будут происходить перемены: рост среднего звена (30–44 лет), быстрое сокращение младшего (16–29 лет) и более медленное – старшего (старше 45 лет).

В Иркутской области уже в ближайшие 10 лет эти тенденции проявятся очень рельефно (рис. 3), поскольку процесс сокращения трудоспособных возрастов происходит более высокими темпами в городском населении, а территория области высокоурбанизирована. В сельской местности численность трудоспособных возрастов продолжала расти до 2008 г., и лишь в 2009 г. начала медленно снижаться. Численность же городского населения области в трудоспособном возрасте начала сокращаться уже с 2006 г., и ежегодно темпы этого процесса нарастают. Всего за 5 лет ежегодная убыль трудоспособных возрастов городского населения выросла с 0,2 до 0,9 %.

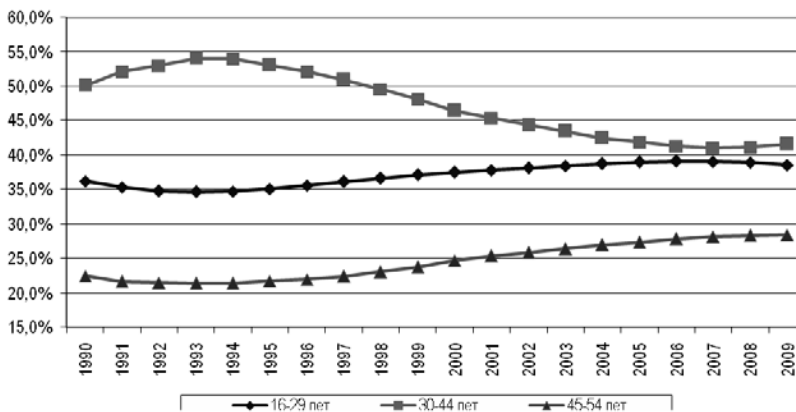

Рис. 3. Удельный вес возрастных групп в общей численности трудоспособного населения Иркутской области, оба пола

Еще одним следствием растущей амплитуды демографических волн в области являются резкие колебания численности женщин фертильных возрастов. На 1990-е гг. пришелся резкий спад численности данной половозрастной группы, обусловленный вхождением в репродуктивный возраст немногочисленных поколений 1960–1970-х гг. рождения. Этот процесс, общий для всей страны, в Иркутской области прошел несколько мягче: если в 1990 г. доля женщин репродуктивных возрастов в области была ниже, чем в среднем по России, то к рубежу столетий их удельный вес в женском населении был уже чуть выше, чем по стране в целом.

Демографический подъем 1980-х гг., связанный как с воздействием очередной волны, так и с комплексом эффективных мер стимулирования рождаемости, привел к перелому тенденций развития возрастной структуры населения в начале 2000-х гг. В репродуктивный возраст начали вступать многочисленные поколения 1980-х гг. рождения, что обусловило быстрый рост удельного веса женщин фертильных возрастов. Этот процесс в Иркутской области, в силу, вероятно, большего эффекта мер государственной демографической политики 1980-х гг., чем в по стране в целом, идет более высокими темпами. К началу 1999 г. в доля женщин детородного возраста в Иркутской области была уже заметно выше, чем в среднем по стране, и одной из самых высоких в Сибирском федеральном округе. Более высокий удельный вес как женщин репродуктивных возрастов в общей

численности женщин, так и группы 20–34 лет, по округу обусловлен спецификой «национальных» субъектов Федерации, входящих в него. Так, например, доля женщин возрастов наивысшей рождаемости в Республике Алтай составляет чуть менее 53 %, республиках Бурятия и Тыва – более 52 %.

Изменения в структуре репродуктивных возрастов, прежде всего, в возрасте 20–34 года, которые вносят наибольший вклад в рождаемость, происходят в Иркутской области аналогичным образом. Менее масштабный, чем по России в целом, спад удельного веса этой группы женщин в 1990-е гг. в Иркутской области сменился в 2000-е гг. более интенсивным его ростом. Следствием этого процесса стало постепенное повышение общего уровня рождаемости в области с начала десятилетия.

Как и в большинстве иных российских регионов, население Иркутской области довольно быстро стареет. Доля пожилых людей (старше 65 лет) здесь с 1990 по 2009 г. выросла с 6,7 % до 10,7 % (на 80,4 тыс. чел.), что по шкале старения населения ООН означает переход к собственно демографической старости (доля пожилых более 7 %). В европейских странах старение населения во многом отражает рост продолжительности жизни и увеличение за счет этого численности пожилых людей. Однако в Иркутской области (как и в России в целом) преобладает старение «снизу» (за счет быстрого снижения численности детей до 15 лет). Старение «сверху» происходит крайне незначительно. Подтверждением этого служит почти незаметный рост удельного веса в населении лиц старше 85 лет: почти за два десятилетия он увеличился лишь на 0,2 %, а в сельском населении – на 0,1 %.

Параллельно с сокращением численности и удельного веса трудоспособных возрастов в области стала расти доля пенсионных возрастов. Немного более низкая, чем в целом по стране (общая нагрузка в 1990 г. по России составляла 75,9 человек [11, с. 52]), демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста в области изменялась в соответствии с общероссийскими тенденциями. Начавшееся с 1993 г. снижение демографической нагрузки было обусловлено, прежде всего, быстрым уменьшением числа детей и более медленным ростом численности лиц старше трудоспособного возраста (табл. 2). С 2008 г. нагрузка на население рабочего возраста стала постепенно возрастать, что обусловлено как начавшимся сокращением численности этих возрастов, так и увеличением числа пожилых лиц и детей. Впрочем, демографическая нагрузка детьми, несмотря на рост рождаемости в 2007–2008 гг., выросла очень незначительно.

Таблица 1

Демографическая нагрузка на 100 человек трудоспособного возраста (16–54/59 лет) населения Иркутской области

Год	Демографическая нагрузка								
	все население			городское население			сельское население		
	общая	детьми	пожилыми	общая	детьми	пожилыми	общая	детьми	пожилыми
1990	72,5	48,7	23,8	68,2	45,7	22,5	92,5	62,6	29,8
1991	73,0	48,5	24,6	68,8	45,6	23,2	92,8	62,0	30,8
1992	73,4	48,1	25,3	69,2	45,3	24,0	93,1	61,4	31,7
1993	73,6	47,4	26,2	69,4	44,5	24,9	91,9	59,9	32,0
1994	73,3	46,5	26,8	69,1	43,6	25,5	91,3	58,8	32,5
1995	72,8	45,5	27,2	68,7	42,7	26,0	90,5	57,7	32,8
1996	72,3	44,6	27,7	68,5	41,9	26,5	88,9	55,9	33,0
1997	71,5	43,4	28,2	67,9	40,8	27,0	87,2	54,2	33,0
1998	70,3	41,9	28,4	66,9	39,5	27,4	85,1	52,4	32,7
1999	68,3	40,1	28,2	65,0	37,7	27,3	82,6	50,5	32,1
2000	66,1	38,3	27,8	62,7	35,7	27,0	80,7	49,3	31,4
2001	64,2	36,7	27,4	60,7	34,0	26,7	79,0	48,3	30,7
2002	62,8	35,4	27,4	59,4	32,6	26,8	77,6	47,3	30,3
2003	60,9	33,7	27,2	57,8	31,1	26,7	74,1	44,7	29,3
2004	58,9	32,1	26,8	56,2	29,8	26,4	69,9	41,9	28,0
2005	57,5	30,8	26,7	55,3	28,7	26,6	66,5	39,3	27,2
2006	56,5	29,8	26,7	54,7	27,9	26,8	63,6	37,2	26,4
2007	56,2	29,1	27,2	54,7	27,3	27,4	62,2	35,8	26,3
2008	56,8	28,9	27,9	55,5	27,3	28,2	61,7	35,1	26,6
2009	57,9	29,3	28,6	56,8	27,7	29,0	62,5	35,4	27,0

Вместе со снижением общей демографической нагрузки происходит довольно быстрое изменение ее структуры. Если к началу 1990-х гг. нагрузка пожилыми составляла менее трети от общей нагрузки на трудоспособное население, то в 2009 г. ее доля составила уже почти половину всей нагрузки (табл. 2). Основной вклад в этот процесс вносит городское население, где структура демографической нагрузки меняется значительно более высокими темпами, чем в сельском. В начале 1990-х гг. структура нагрузки на работающие возраста была примерна одинаковой как в городском, так и в сельском населении (доля нагрузки детьми в ней составляла 67–68 %). К концу 2000-х гг. структура демографической нагрузки в городском и сельском населении уже значительно различается. В городском населении доля детей сокраща-

ется опережающими темпами: за 1990–2008 гг. она снизилась на 18,2 процентных пунктов (п. п.), тогда как в сельском – лишь на 11,0 п. п. Иными словами, процесс старения населения в городской местности идет значительно быстрее. С учетом высокой степени урбанизированности Иркутской области, это обуславливает и общий интенсивный характер изменений возрастной структуры области.

Указанные различия рельефно проявляются при анализе структуры демографической нагрузки по муниципальным образованиям Иркутской области (рис. 4). Наименьшее число детей приходится на работающие возраста в городах Иркутской агломерации, а также во всех остальных крупных и средних городах области. Напротив, максимальная нагрузка детьми на трудоспособные возраста приходится на районы центральной зоны области, имеющие преимущественно сельскохозяйственную специализацию экономики и резкое преобладание сельского населения. Важно, что более благоприятное соотношение детей и трудоспособных возрастов приходится на относительно малолюдные районы области и общеобластную ситуацию существенно не улучшает.

Неблагоприятные изменения в возрастной структуре населения сопровождаются нарастанием диспропорции полов. Для сравнения: численность мужчин в возрасте 40–55 лет в Иркутской области на 44,8 тыс. чел. меньше, чем женщин (т. е. на 14,8 %). Диспропорция полов резко возрастает в возрастах старше 40 лет (рис. 5), что свидетельствует о мужской сверхсмертности в этих возрастах. Именно значительно более высокий уровень смертности среди мужчин является ключевой причиной формирования такой диспропорции, поскольку влияние миграционных процессов на соотношение численности мужчин и женщин способствует смягчению этой диспропорции. Отток женщин с территории Иркутской области заметно выше, чем мужчин: в 2008 г. доля мужчин в миграционной убыли составила чуть более 38 %. Иными словами, миграционный отток из Иркутской области не только не способствует нарастанию диспропорции полов, но и напротив, несколько ретуширует воздействие мужской сверхсмертности на половую структуру населения.

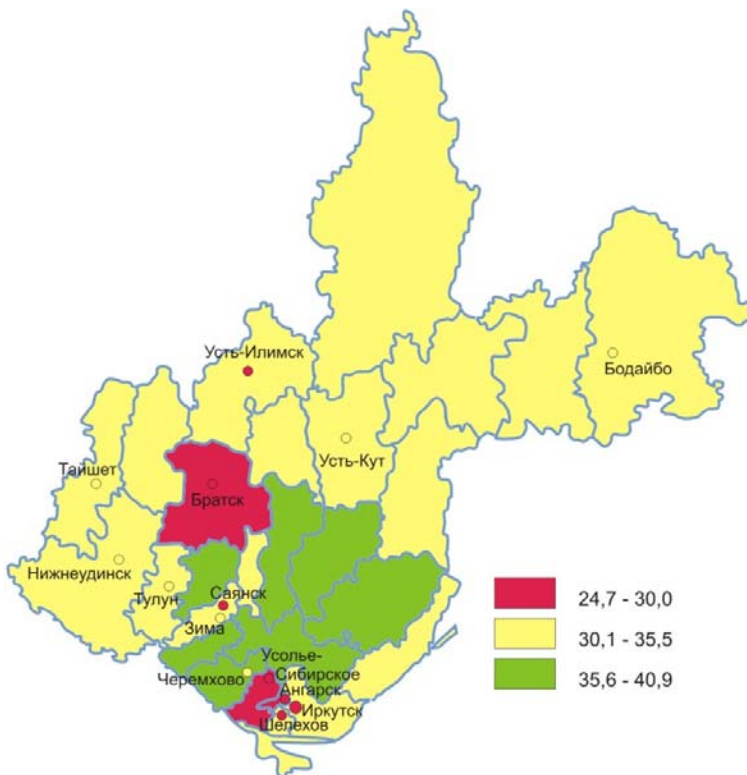

Рис. 4. Нагрузка детьми на население трудоспособного возраста на 01.01.2009 (на 100 чел. трудоспособного возраста приходится детей 0–15 лет)

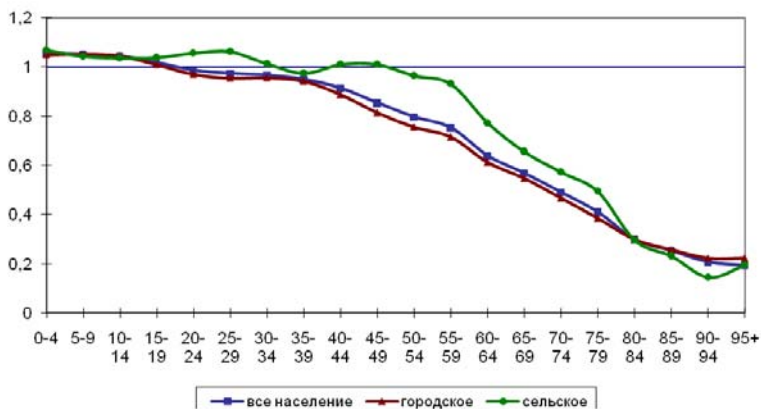

Рис. 5. Соотношение полов в населении Иркутской области (численность мужчин/численность женщин), на 1 янв. 2007 г.

Важнейшим следствием растущей амплитуды демографических волн в области являются резкие колебания численности женщин фертильных возрастов (табл. 5). На 1990-е гг. пришелся резкий спад численности данной половозрастной группы, обусловленный вхождением в репродуктивный возраст немногочисленных поколений 1960–1970-х гг. рождения. Этот процесс, общий для всей страны, в Иркутской области прошел несколько мягче: если в 1990 г. доля женщин репродуктивных возрастов в области была ниже, чем в среднем по России, то к рубежу столетий их удельный вес в женском населении был уже чуть выше, чем по стране в целом.

Таким образом, благоприятная специфика половозрастной структуры населения Иркутской области на протяжении 1990–2000-х гг. постепенно размывалась. Это усложняло планирование экономического и социального развития – резкие колебания численности отдельных возрастных групп создавали пиковые потребности с последующим спадом в детских учреждениях, а также медицинских учреждениях, специализирующихся на медицинском сопровождении беременности и родовспоможении. Быстрое сокращение трудоспособного населения стало ограничивать возможности для экстенсивного развития региональной экономики.

Сокращение численности и доли наиболее восприимчивой к новым образовательным стандартам и производственным технологиям младшей группы (16–29 лет) не способствовало развитию инновационных секторов экономики региона. Исключением являются города Иркутской агломерации, где доля этой группы достаточно высока, что вместе с развитой научно-образовательной сферой создало хорошие предпосылки для развития наукоемких секторов экономики.

Благоприятные с точки зрения предпосылок повышения рождаемости, изменения возрастной структуры женщин стали основой заметного улучшения демографической ситуации в области во второй половине 2000-х гг. Однако они же обусловили непродолжительность подъема рождаемости и незначительность естественного прироста населения.

§ 2. Рождаемость и смертность.

Естественный прирост и миграция населения

Динамика уровня рождаемости в Иркутской области в целом соответствовала общероссийским трендам. Спад начался еще в первой половине 1980-х гг. (в 1980 г. общий коэффициент рождаемости составлял 19,6, в 1985 г. – 19,2, а в 1989 г. – уже 17,4). В 1990-х гг. процесс ускорился: в 1990 г. – 16,2 ‰, в 1995 г. – 10,6 ‰, а в 1999 г. – 9,8 ‰. С начала 2000-х гг. началось плавное увеличение, и во второй половине 2000-х гг. показатель вырос до 14,98 ‰. При этом в Иркутской области коэффициент оставался выше, чем в большинстве субъектов Сибирского федерального округа, за исключением национальных республик.

Во второй половине 2000-х гг. в области, как и во всей стране, начался заметный подъем рождаемости. В 2007 г. был отмечен заметный рост рождаемости: с 31 тыс. рождений в 2006 г. до почти 35 тыс. рождений в 2007 г., а общий коэффициент рождаемости составил около 13,9‰. В 2008 г. данная тенденция сохранилась: число рождений выросло до 37,6 тыс., а общий коэффициент рождаемости – до 14,98 ‰. В 2009 г. общий коэффициент рождаемости в области достиг максимального за весь постсоветский период значения – 15,22 ‰. Однако уже в 2010 г. уровень рождаемости снизился до 14,73 ‰ (рис. 6). Такая динамика во многом объясняется причинами, обусловившими рост числа рождений: прежде всего, это благоприятные структурные изменения в населении (вступление в детородный возраст многочисленного поколения 1980-х гг. рождения). В сочетании с пронаталистской политикой федерального правительства (введение системы материнского капитала, увеличение детских пособий и др.) это обусловило довольно быстрый рост числа рождений. Однако действие названных факторов к концу 2000-х гг. приближается, вероятно, к своему максимуму, что позволит в течение нескольких лет сохранить уровень рождаемости на относительно высоком уровне, а затем он начнет снижаться.

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных одной женщиной) в Иркутской области в 2009 г. составил 1,77, что соответствовало уровню 1992 г. (1,76), но оставалось ниже уровня 1990 г. (2,22), когда уровень рождаемости в последний раз обеспечил воспроизводство населения области. При том, что рост рождаемости в Иркутской области в 2006–2009 гг. был заметно большим, нежели по Сибирскому федеральному округу и России в целом, он, тем не менее, не обеспечил даже простого замещения поколений (рис. 7).

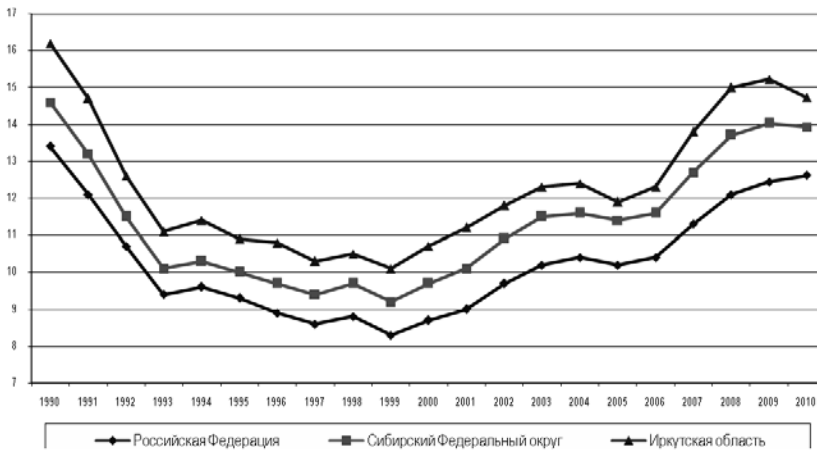

Рис. 6. Общий коэффициент рождаемости по Российской Федерации, Сибирскому федеральному округу и Иркутской области

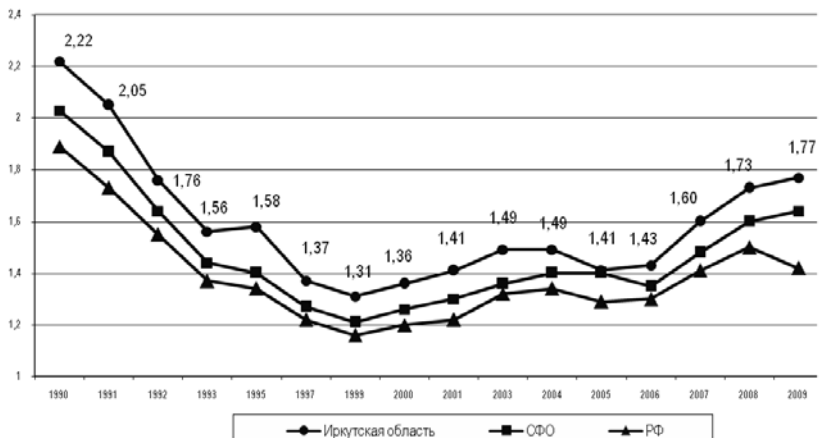

Рис. 7. Суммарный коэффициент рождаемости в Иркутской области, СФО и РФ, 1990–2008 гг.

Интенсивное повышение суммарного коэффициента рождаемости в Иркутской области было обеспечено быстрым ростом удельного веса женщин в возрасте 20–24 лет в структуре сельского населения региона и бóльшей эффективностью пронаталистских мер на селе. Кроме того, некоторый рост вторых и после-

дующих рождений, простимулированных государственной поддержкой в 2007–2008 гг., во многом был сформирован за счет сдвига календаря рождений и реализации отложенных рождений.

Сложившийся к концу 2000-х гг. уровень фактической рождаемости как по сельским, так и по городским муниципальным образованиям Иркутской области оказался очень неоднороден. То, что в большинстве городских муниципальных образований суммарный коэффициент рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения, – вполне типично. Столь же типичным представляется значение этого показателя выше уровня простого воспроизводства для сельских районов. Однако в нескольких сельских муниципальных образованиях области суммарный коэффициент рождаемости равен или лишь немного превышает уровень простого воспроизводства, а в Ангарском и Балаганском районах – ниже этого уровня (рис. 8). Неблагоприятные изменения возрастной структуры населения, которые будут происходить в ближайшие годы, вместе с исчерпанием эффекта мер демографической политики последних лет, могут привести к тому, что рождаемость упадет и в других сельских районах области ниже уровня простого воспроизводства.

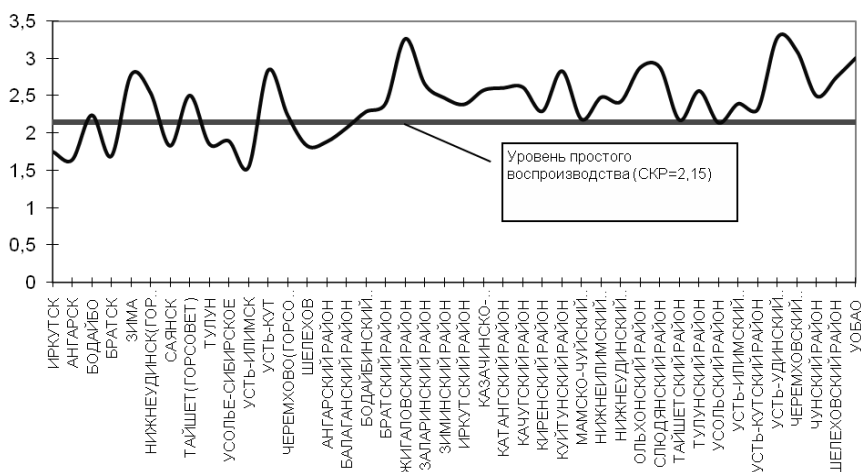

Рис. 8. Суммарный коэффициент рождаемости в 2008 г. в муниципальных образованиях Иркутской области

Однако значение реализованных мер демографической политики – не только и не столько в повышении уровня рождаемости. Важнее то, что эти меры заметно ускорили процесс изменения возрастной структуры рождаемости и в целом – модели фертильного поведения населения в сторону смещения пика рождаемости в старшие возраста. Наиболее отзывчивой к такому толчку частью населения являются жители городов. В Иркутской области, как высокоурбанизированной территории Сибири, этот процесс ярко выражен, а его последствия прослеживаются весьма отчетливо.

Заметное повышение уровня рождаемости в возрастах старше 25 лет было связано не только с ростом доли вторых и последующих рождений, но и с изменением возрастной модели рождаемости. На протяжении всего рассматриваемого периода средний возраст матери при рождении ребенка продолжал плавно расти. Начинает преобладать вестернизированная, современная модель репродуктивного поведения, предполагающая вначале получение образования и реализацию начальной фазы профессиональной карьеры, обеспечение более или менее постоянным жильем, достижение приемлемого качества жизни и лишь затем создание семьи (формального или неформального брачного союза) и рождение детей. Если в 2000 г. доля вступающих в брак в возрасте 18–24 лет превышала 50 %, то в 2008 г. она составляла уже менее 40 %. Увеличивается и удельный вес более поздних браков. Эта модель сформировалась в обществах, где небольшое число рождений обуславливается низкой смертностью и высокой продолжительностью жизни. Однако в Иркутской области изменение модели рождаемости опередило модернизацию смертности, которая по своим важнейшим показателям осталась довольно архаичной.

С начала 1990-х гг. уровень смертности населения в Иркутской области начал стремительно расти (рис. 9). К 1994 г. общий коэффициент смертности вырос более чем на 50 % и составил 15 случаев на 1000 чел. Некоторое снижение второй половины 1990-х гг. оказалось непродолжительным, и за 1999–2005 гг. коэффициент вырос до 17 ‰. Значительное уменьшение числа умерших в 2006–2007 гг. не стало долговременной тенденцией, и в 2010 г. общий коэффициент смертности составил 14,4 ‰, т. е. немногим ниже, чем в 1994 г., и почти вдвое выше, чем в 1970 г. (7,6 ‰).

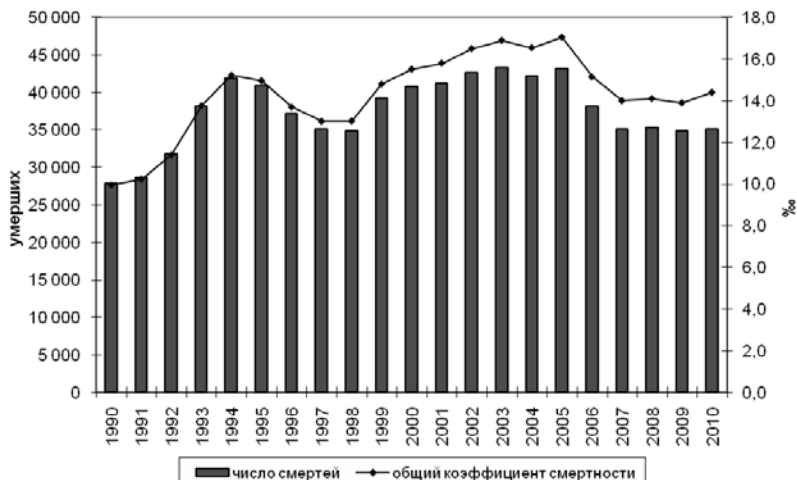

Рис. 9. Динамика смертности населения Иркутской области

Весь постсоветский период уровень смертности на селе был заметно выше, чем в городе. Исключение составляют конец 1990-х – начало 2000-х гг., когда из-за стремительного роста смертности в городе разница практически исчезла. Однако ко второй половине 2000-х гг. разрыв восстановился на уровне двадцатилетней давности.

Распределение муниципальных образований Иркутской области по значению общего коэффициента смертности (рис. 10) позволяет выделить лишь наиболее общие закономерности. Минимальный уровень общей смертности фиксируется в юго-восточных и центральных районах области, а также в большинстве крупных и средних городов. Наиболее высокие значения общего коэффициента смертности приходятся на северные районы области и ряд сельских районов и моногородов центральной и восточной части области. Преимущественно это депрессивные муниципальные образования, имеющие моноотраслевую экономику.

Последний признак, на наш взгляд, не определяет территориальное распределение общего коэффициента смертности, поскольку в ряде сельских районов с глубоко стагнирующей экономикой данный показатель не выше среднеобластных значений. Причиной подобной корректировки, «драпирующей» реальную ситуацию со смертностью, является специфика возрастной струк-

туры населения муниципальных образований области. В частности, сокращение численности и доли населения старших трудоспособных возрастов, на которые приходится резкое повышение возрастных коэффициентов смертности, имеющее место в ряде районов области (см. выше), существенно корректирует значение общего коэффициента смертности. Как следствие, данный показатель, хотя и используется в качестве одного из важнейших для оценки демографической ситуации в официальных документах, зачастую не отражает реального положения дел.

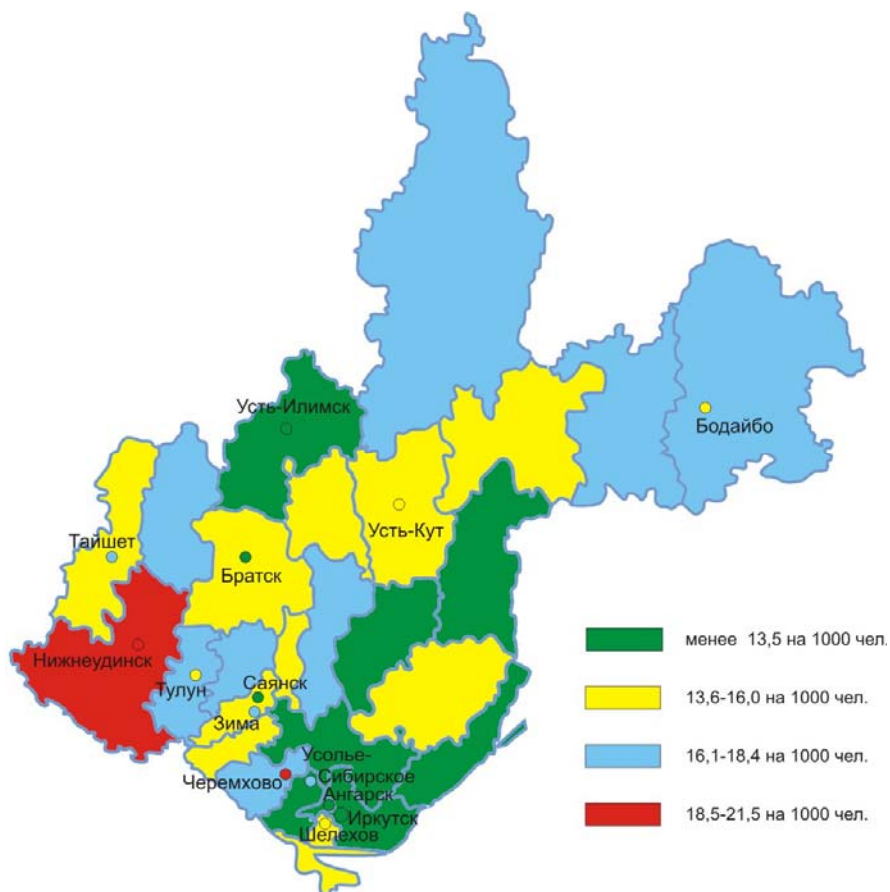

Рис. 10. Общий коэффициент смертности в муниципальных образованиях Иркутской области, 2008 г. (‰)

Тем не менее, к концу 2000-х гг. наметились позитивные изменения. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего за 2006–2008 гг. выросла более чем на 4,5 года (в 2005 г. она составляла 60,4 года). И хотя данный показатель по области все еще заметно ниже, чем по России в целом (65,3 года – в 2005 г. и 67,9 лет в 2008 г.) и по Сибирскому федеральному округу (62,8 г. в 2005 г. и 66,2 – в 2008 г.), темпы повышения продолжительности жизни в Прибайкалье оказались заметно выше (рис. 11).

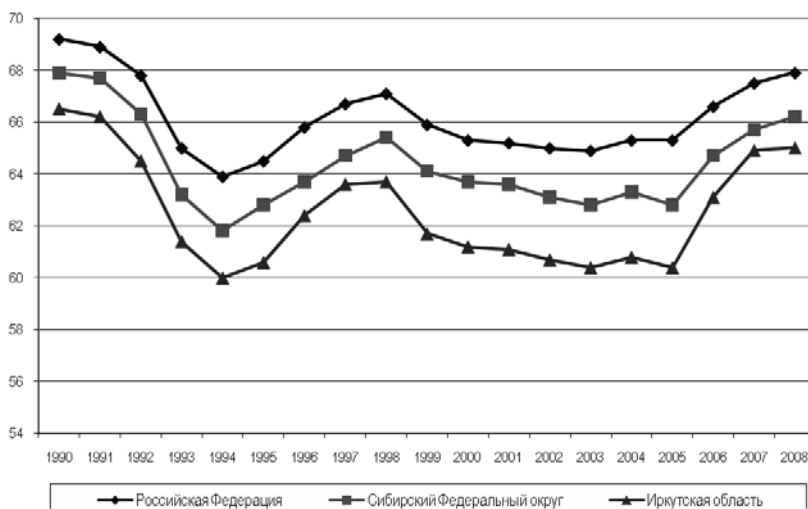

Рис. 11. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Динамика младенческой смертности была менее драматичной. Всплеск числа смертей в возрасте до 1 года в 1993–1994 гг. сменился медленным снижением. С 1995 г. коэффициент младенческой смертности не превышал его значения последних советских лет и постоянно (за исключением кратковременного подъема в 2001 г.) снижался. Начавшись в городе, этот процесс с начала 2000-х гг. распространился и на село.

Острейшей проблемой для области стала сверхсмертность мужчин трудоспособных возрастов. Сформировавшись еще в середине XX в., значительное превышение уровня мужской смерт-

ности в 1990–2000-е гг. достигло кратного различия (в 2 и более раза) среди населения в возрасте от 20 до 75 лет. А в группах от 20 до 35 лет и 40–55 лет уровень смертности среди мужчин выше в 3 и более раза. Наиболее остро эта проблема стоит в городской местности, тогда как среди сельского населения разница в возрастных коэффициентах смертности мужчин и женщин несколько меньше.

Результатом этих тенденций в рождаемости и смертности в Иркутской области постсоветского периода сложилась неблагоприятная ситуация в естественном воспроизводстве населения (рис. 12). Падение естественного прироста к 1993 г. привело к возникновению естественной убыли населения области. Лишь к концу 2000-х гг. был вновь достигнуто небольшое превышение рождаемости над смертностью. Однако сформировавшийся при этом естественный прирост населения был невелик и полностью перекрывался негативными тенденциями миграции.

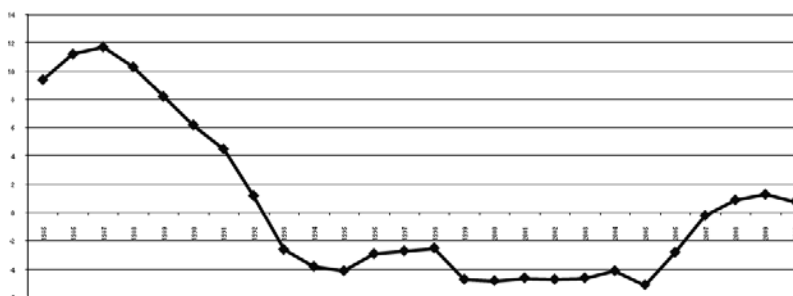

Рис. 12. Коэффициент естественного прироста населения Иркутской области, 1985–2010 гг., на 1000 чел.

Начиная с 1996 г. совокупный миграционный баланс Иркутской области неизменно имел отрицательный результат. Общая миграционная подвижность населения Сибири постепенно снижается, а «западный дрейф» миграции стимулирует движение населения восточных соседей региона далее на запад страны, в наиболее крупные центры экономической и социальной жизни России.

Коэффициент миграционной подвижности населения Иркутской области за 1993–2009 гг. снизился более чем в 2 раза. Снизилась как внутриобластная, так и межрегиональная подвиж-

ность. Основной составляющей этого процесса является сокращение числа прибытий в область, уменьшающееся заметно быстрее, чем число выбывающих из нее. Так, в 2009 г. численность выбывших с территории Иркутской области в другие регионы страны по сравнению с 1993 г. уменьшилось на 50 %, тогда как число прибывших – на 67 %. За 1990–2007 гг. число мигрантов, прибывающих в область, сократилось в 3,7 раза, а выбывающих – только в 3 раза.

Снижение территориальной подвижности населения не способствовало сокращению миграционных потерь. За счет более быстрого уменьшения числа прибытий результативность миграции (отношение числа прибывших к числу выбывших) в регионе постоянно снижается: за 1993–2009 гг. значение этого показателя снизилось с 0,96 до 0,83. Особенно быстро снижается результативность миграции для области в рамках межрегиональной миграции, что отражает быстрое снижение миграционной привлекательности области. Это имеет четкую корреляцию с динамикой экономических процессов. Кризисы 1998 г. и 2008 г. вели к уменьшению миграционных потерь региона в обмене с другими субъектами РФ (рис. 13). Напротив, экономический рост первой половины 2000-х гг. стимулировал отток населения области в другие регионы. Глубина кризиса 2008–2009 гг. в Иркутской области оценивается исследователями как «высокая» [13, с. 37–38], что привело к увеличению выталкивающих факторов. Но поскольку миграционный отток увеличивался в годы экономического роста, это ведет к отставанию области в социально-экономическом развитии, к снижению роста уровня и качества жизни.

В межрегиональной миграции четко выражен «западный дрейф», однако его территориальная структура постепенно изменяется. Если в 2002 г. на федеральные округа, расположенные западнее Урала, приходилось около 97 % потерь области, то в 2007 г. – менее 65 %. Зато доля иных регионов Сибирского федерального округа выросла с 1 % до 29 %. Бурное социально-экономическое развитие Новосибирской области и Красноярского края в 2000-е гг. стимулировало отток туда жителей Иркутской области. Миграционная убыль туда всего за 6 лет выросла в 2,3 и 2,7 раза соответственно (как в абсолютных цифрах, так и в коэффициенте миграционной убыли). Кроме того, они отвлекли на себя и часть мигрантов из традиционных регионов-доноров. Так, положительное сальдо миграции с Республикой Бурятия за 2002–

2007 г. сократилось более чем на две трети, с Забайкальским краем – на треть. Небольшой, но стабильный прирост в обмене с дальневосточными регионами сменился к 2007 г. на отрицательное сальдо. Иными словами, растущее отставание Иркутской области от Красноярска и Новосибирска ведет к потерям собственного населения и заметно снижает потенциал миграционного притока из других регионов страны.

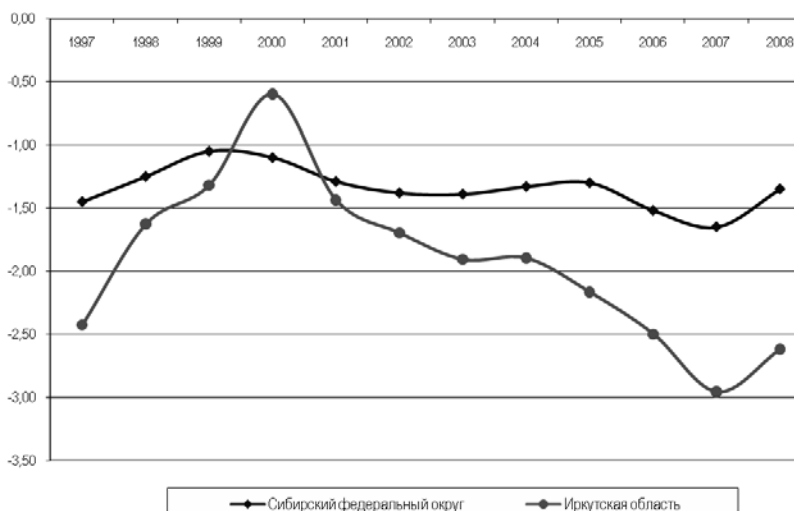

Рис. 13. Коэффициент миграционной убыли в рамках межрегиональной миграции, на 1000 чел.

На рубеже 1990–2000-х гг. сложилась крайне неблагоприятная возрастная структура миграционных потерь Иркутской области. Около 14,5 % убыли приходится на детей в возрасте до 15 лет. Более 74 % составляют трудоспособные возраста. Из них более трех четвертей (75,6 %) – лица младшего трудоспособного возраста (до 40 лет). Важно отметить в миграционной убыли высокую долю лиц в возрасте 20–29 лет (1940 чел., или 26 % всей убыли). Очевидно, что основную часть этой группы составляют молодые специалисты (выпускники вузов и ссузов Иркутской области): более половины (52,5 %) миграционной убыли приходится на лиц с высшим и средним специальным образованием.

Подобная ситуация характерна и для наиболее мощного центра притяжения мигрантов в области – г. Иркутска. Здесь с 1980-х гг. сложилась возрастная структура миграционного прироста/убыли, типичная для крупного образовательного центра, имеющего мощный научно-образовательный кластер, но не располагающего широким рынком труда для его выпускников. Около одной трети выезжающих из города мигрантов составляют молодые люди в возрасте 20–25 лет, что отрицательно влияет не только на текущую численность населения, но и на перспективы рождаемости. Практически весь миграционный прирост приходится на возраст 17–18 лет. Очевидно, что подавляющую часть этих мигрантов составляют абитуриенты иркутских вузов. А их выпускники формируют основную часть миграционного оттока молодых людей.

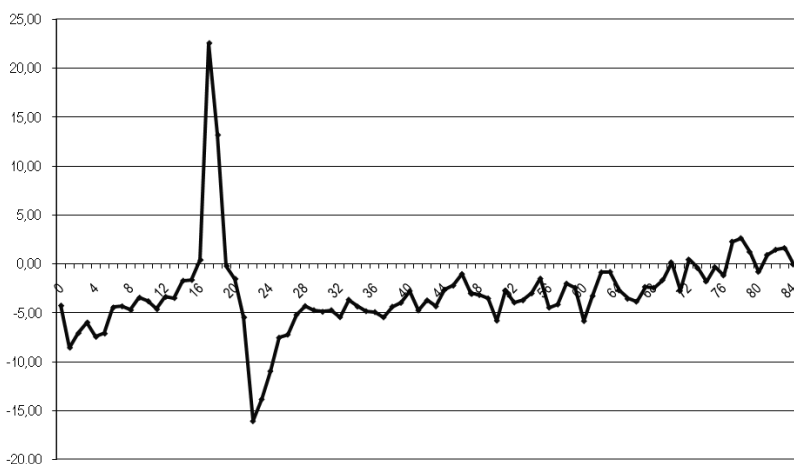

Рис. 14. Средние значения возрастных коэффициентов нетто-миграции населения Иркутска за 2003–2006 гг. (%)

В постсоветский период сложился хорошо выраженный тренд перемещения населения в областной центр и всю зону Иркутской агломерации. Подавляющая часть муниципальных образований области (как сельских районов, так и городов) с середины 2000-х гг. имеет устойчиво отрицательный миграционный баланс в пользу Иркутской агломерации (рис. 15). Однако и в ее структуре произошли серьезные изменения. Из агломерационного ареала Иркутска выпал г. Черемхово, который как центр угледобывающей промышленности области все глубже погружается в

социально-экономическую стагнацию и практически перестал привлекать мигрантов из других муниципальных образований. Более того, если миграционная убыль в сельском Черемховском районе не слишком велика, то для г. Черемхово миграционная убыль стала одним из важнейших факторов сокращения численности населения.

Значение Иркутской агломерации как точки «собирания» населения области, важнейшего центра притяжения региона, заметно выросло. Она имеет положительный миграционный баланс более чем с 80 % муниципальных образований области, при этом объем этих миграций несопоставимо выше, чем иных внутриобластных потоков.

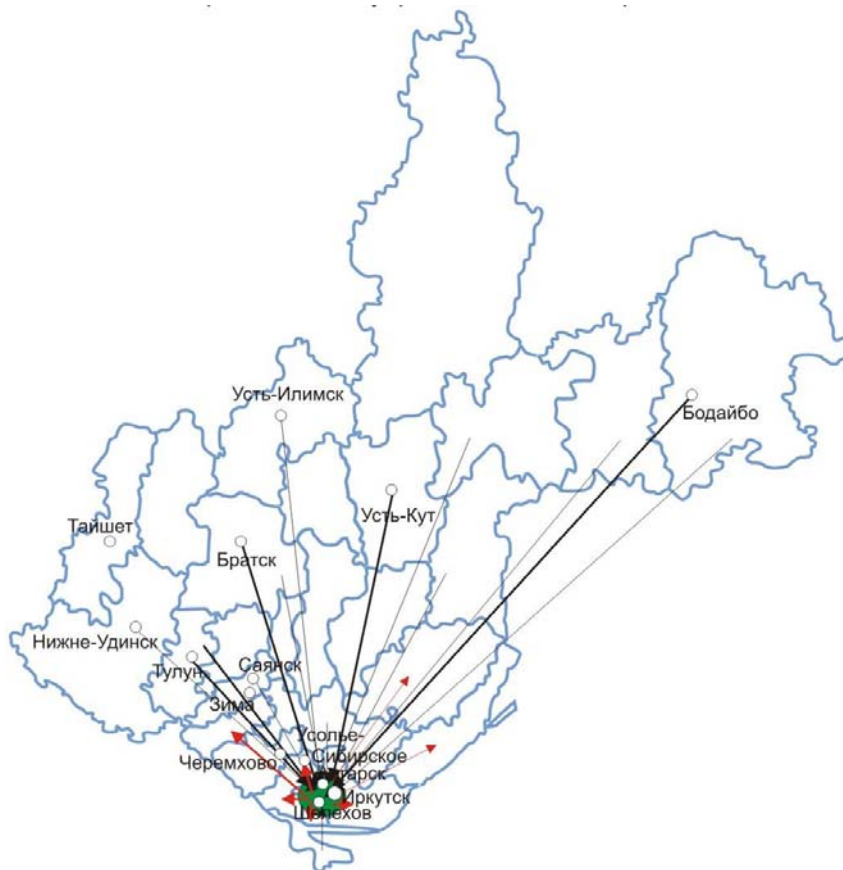

Рис. 15. Основные направления внутриобластной миграции

Более половины миграционного прироста Иркутской агломерации во внутрирегиональной миграции формирует приток из наиболее крупных городов области. Более половины этого прироста приходится на депрессивные города (1-я группа, табл. 3). Выталкивающие факторы (безработица, крайне низкий уровень и невысокое качество жизни) здесь сочетаются с притягательностью Иркутской агломерации (значительно более широкие возможности для поиска работы, получения образования, карьерного роста, в целом – серьезного повышения жизненной траектории).

Таблица 3
Миграционный баланс по внутриобластной миграции городов Иркутской области, 2007 г. (чел.)

Города	Общий	С Иркутской агломерацией	С остальной областью
<i>1-я группа</i>			
Бодайбо	-167	-116	-51
Нижнеудинск	-81	-45	-36
Тулун	-588	-196	-392
Усть-Кут	-257	-112	-145
Черемхово	-230	-146	-84
<i>2-я группа</i>			
Братск	238	-158	396
Зима	42	-45	87
Саянск	36	-66	102
Тайшет	-9	-26	17
Усть-Илимск	59	-82	141
Свирск	6	-31	37
<i>3-я группа</i>			
Усолье-Сибирское	18	24	-6
Все города	-933	-999	66

Иная ситуация в городах, формирующих вторую группу (табл. 3). Положительный или близкий к нулю миграционный баланс в них складывается на основе оттока горожан в поселения Иркутской агломерации и притока мигрантов с остальной территории области. Большинство этих городов стягивают население с прилегающих территорий, причем, чем крупнее городской центр, тем с большей территории он «собирает» мигрантов. Наиболее ярким примером может служить миграционная ситуация крупного индустриального центра, Братска. Он располагает вполне развитой социальной, коммунальной и прочей инфраструктурой, достаточно широким рынком труда. Этот комплекс притягиваю-

сих факторов формирует заметный приток мигрантов из прилегающих сельских районов, а также депрессивных территорий севера области (чему способствует транспортная инфраструктура – здесь проходят основные железнодорожные и автодорожные магистрали на юг области).

Примечательно изменение ситуации в Усольском районе и г. Усолье-Сибирское, расположенных в 80 км к западу от г. Иркутска. Если в начале 1990-х гг. число прибывших сюда лишь немногим превышало число выбывших и данные муниципальные образования не отличались по характеру миграционных процессов от однотипных районов и городов области, то в середине – второй половине 2000-х гг. здесь формируется один из мощнейших центров притяжения внутриобластной миграции. Преимущественно в район прибывают жители соседних районов и районов, расположенных в центральной и западной части области.

Это определено экономической специализацией района: в последние годы он развивается как крупнейший центр производства сельскохозяйственной продукции (молочной и мясной), ориентированный, прежде всего, на обеспечение потребностей агломерации. Наличие относительно качественной автодороги и регулярного железнодорожного сообщения (пригородный электротранспорт), обеспечивающих, по крайней мере, 90-минутную доступность в центр области (Иркутск), обеспечили органичное включение этих муниципальных образований в ареал агломерации. Именно здесь отчетливо просматривается граница Иркутской агломерации, поскольку уже в соседних (северных и западных) муниципальных образованиях внутриобластной миграционный баланс нулевой или отрицательный.

Наряду с Иркутской агломерацией в 2000-е гг. сформировалось несколько локальных центров притяжения мигрантов: города Братск, Саянск и в меньшей степени – Усть-Илимск. Братск и Усть-Илимск лежат вне Транссибирской железной дороги, традиционной линии притяжения мигрантов в 1980–1990-х гг. Теперь далеко не вся наиболее заселенная полоса на юге области остается притягательной. И состояние рынка труда далеко не всегда является определяющим фактором в формировании трендов миграции. Так, крупные экономические проекты, реализация которых была начата в 2006–2008 гг. в г. Тайшете и Тайшетском районе, не привели к заметному изменению миграционной ситуации в них. А Усть-Илимск, даже в условиях экономического

спада, сжатия рынка труда и роста безработицы, остается привлекательным для выходцев из ряда соседних сельских районов. Можно предположить, что именно новое (для выходцев из села) качество жизни в сочетании с преодолимым «порогом ценовой доступности» для переселения в эти центры стали ключевыми притягивающими факторами внутриобластной миграции.

Фактически выявленные характеристики внутриобластной миграции позволяют говорить о формировании нескольких устойчивых векторов движения населения. Прежде всего, это нарастающий процесс концентрации населения области в ареале Иркутской агломерации. Во-вторых – сохраняющееся движение населения из северных и северо-восточных районов области на юг, что, вероятно, может быть определено как инерция миграционного и социального движения позднесоветского периода и 1990-х гг. И, наконец, в-третьих, – формирование новых центров притяжения внутриобластной миграции, которыми стали средние города, обладающие не только экономическим потенциалом, достаточно широким рынком труда, но и предоставляющие относительно высокий уровень жизни.

Новым феноменом рассматриваемого периода стало появление и растущая роль в экономике иностранной рабочей силы. Особенно быстрый прирост их численности приходится на нулевые годы. Можно говорить о скачке 2007 г., связанного с либерализацией миграционного законодательства. В этом году радикально увеличилось не число иностранных трудовых мигрантов, а удельный вес тех из них, кто был официально зарегистрирован. Основными странами выхода трудовых мигрантов для Иркутской области являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, КНР, Украина. До 2006 г. наибольшее число трудовых мигрантов прибывало в область из КНР, но с 2007 г. основную часть потока иностранных рабочих составляют выходцы из стран постсоветской Центральной Азии. Так, в 2007 г. доля мигрантов в общем числе официально занятых иностранцев составила: из Узбекистана – 27,6 %, Таджикистана – 22,4 %, Кыргызстана – 20,9 %, КНР – 18,6 %.

Основными отраслями занятости гастарбайтеров являются строительство, тяжелые работы в промышленности и сельском хозяйстве, низкоквалифицированные и малопrestiжные виды общественного обслуживания. Сложилась четкая отраслевая и профессиональная специализация. Выходцы из Китая – это в ос-

новном овощеводы, строители и автомеханики. Рабочие из Украины заняты в старательских артелях. На тяжелых работах в промышленности используют труд выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Среди иностранных работников преобладают люди с низкой и средней квалификацией труда, что соответствует структуре потребности в рабочей силе предприятий и организаций.

Важнейшим центром притяжения для них служат города и районы Иркутской агломерации. Именно здесь сосредоточена основная часть строительного сектора экономики, формирующего основной спрос на привлечение рабочих из-за рубежа. Здесь же наиболее высока потребность в дешевой рабочей силе для предприятий сферы обслуживания (в том числе и в сфере коммунального хозяйства). Наконец, именно здесь наиболее широки возможности для предпринимательской легальной, «серой» и совсем нелегальной деятельности. В прилегающих сельских районах (прежде всего, Иркутском районе области) сформировались крупные тепличные хозяйства, в которых работают преимущественно мигранты из КНР. Успешность этого бизнеса (она формируется и дешевизной труда, и возможностью продажи продукции под брендом «местного товара») обуславливает стабильный спрос на рабочие руки из Китая, а сформировавшиеся за последние годы миграционные сети и механизмы адаптации мигрантов позволяют предположить стабильность этой территории как точки притяжения таких мигрантов.

В значительно меньших масштабах, но, тем не менее, центрами привлечения иностранных мигрантов являются города Братск, Усть-Илимск, Бодайбо. Здесь, однако, спрос на иностранных рабочих более узкий как в масштабах, так и по специализации прибывающих на работу мигрантов. В этих центрах строительный бизнес в несколько раз меньший по масштабу (а в Бодайбо его фактически нет), и неквалифицированные рабочие востребованы мало.

* * *

Таким образом, демографическое развитие Иркутской области в 1990–2000-е гг. характеризовалось преимущественно негативными трендами. Являясь следствием, с одной стороны, долговременных демографических тенденций, а с другой – социально-экономических кризисов, эти тенденции начали сами во многом определять тренды развития региона. Следствием колебаний

рождаемости и возрастной структуры населения стала острейшая проблема детских дошкольных учреждений и одновременно – недостаток учащихся в средних учебных заведениях и абитуриентов в вузах региона. Миграционный отток молодежи и трудоспособных возрастов обусловил рост смертности и обширный комплекс социально-медицинских проблем. А снижение миграционной подвижности привело к острейшей проблеме хронической безработицы в сельских районах области при одновременной нехватке рабочих рук в крупных центрах региона. Все это сформировало в области комплекс сложнейших социально-экономических проблем, кардинального решения которых в постсоветский период найдено не было.

Власть, как федеральная, так и региональная, интереса к демографическим проблемам области долгое время не проявляла. Вплоть до середины 2000-х гг. не было выдвинуто фактически ни одной инициативы в сфере миграционных процессов и демографического развития. Исключение составили лишь шаги, направленные на ограничение и жесткое регулирование трансграничной миграции в Иркутскую область, тогда как внутриобластные процессы оставались вне поля зрения властных структур [2; 6]. Повышение рождаемости и снижение смертности населения не только не ставились как задачи властных структур, но и, похоже, не осознавались в качестве проблемы.

Лишь с 2006 г. вопрос стимулирования миграционного притока в Россию и ее сибирские регионы оказался в фокусе инициатив федеральной, а вслед за ней – и региональной власти. Включение Иркутской области в число пилотных территорий по реализации «Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» подтолкнуло региональные органы власти в сотрудничестве с УФМС по Иркутской области и рядом муниципалитетов к разработке и реализации соответствующей областной программы. Однако результаты ее выполнения в течение 2007–2011 гг. сколько-нибудь заметного влияния на миграционную ситуацию в Иркутской области не оказали [15, с. 106–107]. Принятая в 2008 г. областная целевая программа демографического развития Иркутской области на 2009–2015 гг. [12] впервые ставила перед правительством области очевидные и вполне реалистичные задачи в сфере демографических процессов. Однако нулевое финансирование большинства мероприятий

программы, заложенное уже в ее бюджете [8], обусловило ее низкую эффективность.

Таким образом, на протяжении постсоветского периода демографическое развитие Иркутской области происходило без участия областной власти. Успехи регионального здравоохранения в отдельных сферах без комплексного подхода к проблеме и достаточного ресурсного обеспечения качественно изменить характер развития народонаселения области не могли. Высокие темпы сокращения численности населения, преобладание долговременных негативных тенденций в изменении демографической ситуации стали в этот период постоянным контекстом социально-экономического развития Иркутской области.

Вопросы для самоконтроля

1. Когда произошло изменение динамики численности населения Иркутской области? Какие новые тенденции сложились в этом процессе?
2. Какие новые тенденции появились в 1990–2000-е гг. в размещении населения в Иркутской области?
3. В чем специфика развития пригородов в зоне Иркутской агломерации?
4. Какие основные изменения произошли в половозрастной структуре населения Иркутской области в 1990–2000-е гг.?
5. Проанализируйте динамику изменения удельного веса трудоспособных возрастов в составе населения области. Какие этапы можно выделить в этом процессе? В чем их специфика?
6. В чем заключается влияние половозрастной структуры на уровень рождаемости? Как это влияние проявлялось в Иркутской области в 1990–2000-е гг.?
7. Опишите специфику процессов демографического старения в Иркутской области. Что определяет особенности этого процесса в регионе?
8. Как сказываются демографические волны на социальном и экономическом развитии региона?
9. Выделите основные этапы в динамике рождаемости в Иркутской области в 1990–2000-е гг. Опишите их специфику и укажите причины формирования особенностей этих этапов.
10. Сравните характер смертности населения в Иркутской области, Сибирском федеральном округе и Российской Федерации. Выделите специфику смертности в Иркутской области. В чем, на ваш взгляд, заключаются причины этих особенностей?
11. Охарактеризуйте процесс миграции в Иркутской области в постсоветский период. Какие этапы можно выделить в этом процессе? В чем их особенности?
12. В какие регионы России происходит отток населения из Иркутской области? С чем, на ваш взгляд, это связано?

13. Охарактеризуйте возрастную структуру миграционного оттока из Иркутской области. Какое влияние подобная структура миграции оказывает на социальное и экономическое развитие области?
14. Какие основные точки притяжения миграции сложились в Иркутской области в 1990–2000-е гг.? С чем это связано? Каковы, на ваш взгляд, будут последствия подобного распределения миграционных потоков для развития региона?

Литература

1. Артоболевский С. Концепция Иркутской агломерации: полюса роста национального уровня (народонаселенческий аспект) [Электронный ресурс] / С. Артоболевский, С. Градировский, Н. Мкртчян // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/irkutsk/concept/?version=forprint> (дата обращения: 15. 04. 2010)
2. Бляхер Л. Е. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев // Политика. – 2011 – № 4 (63) – С. 35–60.
3. Васин С. Население России начинает платить демографический «налог» [Электронный ресурс] // Ежедневник DemoscopeWeekly. 2008. 15–31 дек. № 357–358. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema01.php> (дата обращения: 01.05.2010).
4. Григоричев К. В. «Село городского типа»: Миграционные метаморфозы иркутских пригородов. В поисках теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск : Оттиск, 2012. – С. 422–446.
5. Григоричев К. В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации на рубеже XX – XXI вв. // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2011. – Т. 1, № 4. – С. 53–39.
6. Григоричев К. В. Региональная миграционная политика в Иркутской области / К. В. Григоричев, Ю. Н. Пинигина // Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 37–72.
7. Данные похозяйственного учета населения администрации Иркутского сельского районного муниципального образования.
8. Иркутская область [Электронный ресурс] : офиц. портал. – URL: <http://www.irkobl.ru/sites/economy/targeted/departmental/5.doc> (дата обращения: 15.01.2012).
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] : офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.xlsx/
10. Миграция населения : стат. бюл. 2007 г. – Иркутск : Иркутскстат, 2008. – 52 с.
11. Население России 2007 : 15-й ежегод. демограф. докл. – М. : Изд. дом. Гос. ун-та – Выш. шк. экономики, 2009. 296 с.
12. Постановление Законодательного собрания Иркутской области от 22 ноября 2008 г. № 3/44-ЗС // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система
13. Российские особенности глобального кризиса: территориальный анализ. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2010. – 137 с.
14. Территориальный орган федеральной службы статистики по Иркутской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: <http://irkutskstat.gks.ru/digital/region1/DocLib3/number.html>.
15. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 396 с.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ОБЛАСТИ

§ 1. Академическая наука в 1990-е – начало 2000-х гг.

1970–1980-е гг. явились наиболее плодотворными в развитии Иркутского научного центра СО АН СССР. Все академические институты, за исключением Лимнологического, имели новые, специально построенные корпуса лабораторного, экспериментального и административного назначения. Резко возросло количество докторов и кандидатов наук. Если в начале 1970-х гг. в каждом институте насчитывались единицы докторов наук и первые десятки кандидатов наук, то уже к рубежу 1980–1990-х гг. в большинстве институтов трудилось 20–30 докторов наук и несколько десятков кандидатов наук. А в Институте органической химии (впоследствии Институт химии) – более ста кандидатов наук.

В начале 1990-х гг. в Иркутской области был сосредоточен академический междисциплинарный комплекс, включающий в себя научно-исследовательские институты, научно-вспомогательные и производственно-хозяйственные организации, объединенные в Иркутский научный центр СО РАН. В эти годы Президиум ИНЦ СО РАН последовательно возглавляли академики Н. А. Логачев (1977–1992), Г. А. Жеребцов (1992–2002), М. И. Кузьмин (2002–2008), И. В. Бычков (2008 – настоящее время).

В связи с начавшимися в начале 1990-х гг. крупными социально-экономическими реформами на фоне развернувшегося системного кризиса общества был нанесен огромный, до сих пор до конца не преодоленный ущерб науке и образованию. Наука, которая ранее вывела страну на передовые рубежи в мире, оказалась заброшенной и ненужной для молодых реформаторов. Резко сократилось финансирование научных исследований, которых только-только хватало на зарплату, выплачиваемую с задержкой, причем в пределах лимитов Министерства финансов РФ, и с жесткой регламентацией расходов. Лишь только благодаря уси-

лиям руководства Президиума ИИЦ СО РАН, его институтов удалось сохранить основной научный потенциал подразделений, поддерживать инфраструктуру, оплату коммунальных услуг, находить средства для проведения научных исследований. Полностью прекратилось выделение средств на жилищное строительство, минимальные средства выделялись на текущий ремонт производственных помещений. Все детские дошкольные учреждения Президиум был вынужден передать в муниципальное управление.

Острой проблемой стал отток молодежи из научно-исследовательских коллективов. Этому способствовали низкая оплата труда, резкое падение престижа ученого в современном российском обществе, остаточный принцип отношения руководства страны к науке, особенно региональной. В итоге в 1990-е гг. под сомнение была поставлена судьба сложившихся отечественных научных школ и направлений, в том числе и в Иркутском научном центре.

Если в конце 1980-х гг. общее количество работающих в ИИЦ СО АН СССР (РАН) составляло почти 6,5 тыс. чел., из них более 1700 научных сотрудников, то к концу 1990-х гг. общее количество сократилось более чем вдвое (несколько превышало 3 тыс. чел.), а научных сотрудников около 1200 чел. Из них шесть академиков, семь членов-корреспондентов РАН, более 170 докторов наук и около 700 кандидатов наук.

После реструктуризации и очередной аттестации в 1990-е гг. в составе ИИЦ СО РАН по-прежнему осталось 9 академических учреждений: Институт динамики систем и теории управления (директор – чл.-корр. РАН С. Н. Васильев), Институт систем энергетики (д-р техн. наук Н. И. Воропай), Институт солнечно-земной физики (акад. РАН Г. И. Жеребцов), Институт химии (чл.-корр. РАН Б. А. Трофимов), Институт геохимии (чл.-корр. РАН М. И. Кузьмин), Институт земной коры (чл.-корр. РАН Е. В. Скляр), Институт физиологии и биохимии растений (чл.-корр. РАН Р. К. Салаяев), Институт географии (акад. РАН В. В. Воробьев), Лимнологический институт (чл.-корр. РАН М. А. Грачев). Кроме того, в составе ИИЦ РАН функционировал Конструкторско-технологический институт электронно-лучевых технологий (канд. техн. наук А. Ф. Лашин) и Байкальский музей (канд. геогр. наук В. А. Фиалков) [1, с. 30–31].

Самым крупным академическим институтом оставался Институт солнечно-земной физики (ИСЗФ), в котором к середине

1980-х гг. была создана самая мощная в стране система инструментальных комплексов для исследований динамики околоземного космического пространства и процессов на Солнце, расположенная на громадной территории от побережья Северного Ледовитого океана до российско-монгольской границы.

В марте 1995 г. на базе Отдела автоматизации и технической физики при Президиуме ИЦ СО РАН был создан Иркутский филиал Института лазерной физики (заведующий д-р техн. наук, проф. П. И. Остроменский). Основная задача института состояла в комплексном решении научных проблем, разработках и реализации лазерных систем и технологий в промышленности, экологии и медицине. Сотрудники филиала проводили исследования по когерентной оптике и голографии, по лазерным технологиям резки, сварки и поверхностного лазерного упрочнения различных материалов. Деятельность Иркутского филиала ИЛФ имела выраженную прикладную направленность, в частности, проводились новые методы анализа деформаций земной коры с целью определения предотвращения землетрясений. Сотрудники филиала оказывали методическую и практическую помощь предприятиям и организациям по использованию лазерных технологий в промышленности и медицине. В ряде медицинских учреждений региона успешно работали лазерные терапевтические установки, разработанные, изготовленные и установленные сотрудниками филиала.

В дальнейшем руководителем филиала стал д-р физ.-мат. наук, профессор Е. Ф. Мартынович. Филиал имеет в своем составе лабораторию лазерных систем и технологий, лабораторию фотофизики конденсированных сред и группу электроники. Сотрудники Филиала занимаются решением фундаментальных и прикладных задач лазерной физики. В последнее время достигнуты высокие плотности потоков энергии, реализованы сверхсильные электрические поля, сверхвысокие давления и мощности, сверхмалые длительности энергетических воздействий.

Филиал разрабатывает и изготавливает электронно-оптическую аппаратуру. Например, приборы контроля вибрации промышленных установок, разработанные в Филиале, используются на Иркутском алюминиевом заводе и заводе кремния в г. Шелехове, на алмазодобывающих предприятиях Республики Саха-Якутия, на предприятиях нефтехимии в г. Ангарске.

В 1996 г. на базе Научно-исследовательского экспериментально-производственного объединения ИЦ СО РАН был обра-

зован *Конструкторско-технологический институт электронно-лучевых технологий*, который возглавил канд. техн. наук А. Ф. Лашин. Центральным направлением института стало проведение фундаментальных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и экспериментальных работ по изучению взаимодействия ускоренных электронов и других источников излучения с веществом, атомами, ядрами и молекулами среды для понимания физико-химических основ этих процессов. Результаты этих исследований могли быть использованы в промышленности и для охраны окружающей среды. Ярким примером использования ускоренных электронов стали созданные ускорительные комплексы для очистки особо токсичных химически загрязненных сточных вод и модифицирования полимеров на АО «Ангарская нефтехимическая компания» [2, с. 41–42].

Во второй половине 2000-х гг., благодаря усилиям руководства Президиума ИЦ СО РАН, в связи с общим улучшением социально-экономической ситуации в стране, несколько улучшилось положение и в Иркутском научном центре. Численность его работников составляла около 3 700 чел., в том числе более 1 100 научных сотрудников, среди которых насчитывалось более 230 докторов и более 650 кандидатов наук. Гордостью ИЦ являлись шесть академиков и шесть членов-корреспондентов РАН.

Несомненной заслугой руководителей академических подразделений было сохранение и дальнейшее развитие материально-технической базы центра. ИЦ СО РАН располагал десятками астрономических, биологических станций и стационаров. Это позволяло обеспечивать комплексное изучение проблем в исследованиях наук о Земле, а также проведение многопрофильных фундаментальных и прикладных исследований в различных областях знаний. Расширилось международное сотрудничество институтов ИЦ СО РАН. Ученые центра поддерживали научные контакты и выполняли ряд международных программ совместно с базовыми институтами Германии, Швейцарии, Монголии, Китая, Японии и США.

Состав институтов в этот период был представлен следующим образом:

1. Институт географии им. В. Б. Сочавы (директор в 2000–2005 гг. чл.-корр. РАН В. А. Снытко, а с 2005 г. – д-р геогр. наук, чл.-корр. РАН А. Н. Антипов).

2. Институт геохимии им. А. П. Виноградова (директор академик РАН М. И. Кузьмин).

3. Институт динамики систем и теории управления (директор с 1991 по 2006 г. академик, лауреат Государственной премии С. Н. Васильев, с 2006 г. академик РАН И. В. Бычков).

4. Институт земной коры (директор с 1976 по 1998 г. академик Н. А. Логачев, а с 1998 г. чл.-корр. РАН Е. В. Скляр).

5. Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского (директор в 1970–1994 гг. академик М. Г. Воронков, а с 1994 г. академик Б. А. Трофимов).

6. Институт солнечно-земной физики (директор академик Г. А. Жеребцов).

7. Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева (директор с 1988 по 1997 г. чл.-корр. А. П. Меренков, а с 1997 г. чл.-корр. Н. И. Воропай).

8. Лимнологический институт (директор академик, лауреат Государственной премии М. А. Грачев).

9. Сибирский институт физиологии и биохимии растений (директор в 1976–2002 гг. чл.-корр. Р. К. Салаяев, с 2002 г. д-р биол. наук, профессор В. К. Войников).

Кроме того, в состав ИНЦ СО РАН входят:

- Иркутский филиал Института лазерной физики СО РАН (руководитель д-р физ.-мат. наук, проф. Е. Ф. Мартынович).

- Байкальский музей ИНЦ СО РАН (директор канд. геогр. наук В. А. Фиалков).

- Отдел региональных экономических и социальных проблем (заведующая д-р экон. наук, заслуженный деятель науки Республики Бурятия И. И. Думова).

В 1949 г. был основан Институт геологии, с 1957 г. он назывался Восточно-Сибирский геологический институт СО АН СССР, а с 1962 г. по настоящее время носит название **Институт земной коры**. Первым директором института был чл.-корр. АН СССР Н. А. Флоренсов (1949–1952), затем в 1953–1954 гг. обязанности директора исполнял канд. техн. наук Е. К. Гречищев; в 1954–1976 гг. директором института был чл.-корр. АН СССР М. М. Одинцов, с 1976 по 1998 г. – академик РАН Н. А. Логачев. В 1998–2011 гг. институт возглавлял чл.-корр. РАН Е. В. Скляр, а с 2011 г. и по настоящее время – д-р геол.-минерал. наук Д. П. Гладкочуб.

В 1990–2000-е гг. в этом старейшем институте был продолжены и определены следующие направления научных исследований:

1) современная эндо- и экзогеодинамика;

- 2) геологическая среда и сейсмический процесс;
- 3) ресурсы, динамика подземных вод и геоэкология;
- 4) внутренне строение, палеогеодинамика, эндогенные процессы и флюидодинамика континентальной литосферы.

В рамках этих направлений сложились и успешно развиваются в настоящее время ведущие научные школы, известные далеко за пределами Иркутского научного центра. Это: кайнозойский континентальный рифтогенез (школа Н. А. Логачева); флюидный режим и геоэнергетика эндогенных процессов (школа академика Ф. А. Летникова); петрологические индикаторы тектонической эволюции древних кратонов и складчатых областей (школа Е. В. Складорова).

Несмотря на громадные трудности 1990-х гг., Институт земной коры сохранил статус ведущего научного учреждения по проблемам континентального рифтогенеза. Развивалось и материальное оснащение научных исследований. Совместно с учеными Франции в южном Прибайкалье, Забайкалье и Монголии была создана сеть станций для наблюдений современной подвижности блоков литосферы с помощью методов спутниковой геодезии GPS.

Сотрудниками института был выявлен ряд новых рудоносных структур и месторождений, продолжены поисковые работы на открытых крупных месторождениях на севере Иркутской области в районе Сухого Лога. В институте была подготовлена новая карта сейсмического районирования северной Евразии, даны оценки сейсмической опасности ряда крупных строительных объектов. Была изучена геотермическая активность недр на юге Восточной Сибири и в Монголии, по геотермическим данным предсказано наличие газогидратов в осадках оз. Байкал.

Для расположенных на территории юга Восточной Сибири, отличающейся высокой активностью экзогенных геологических процессов, городов, линейных объектов, водохранилищ, впервые был выполнен анализ техногенных изменений геологической среды. Это позволило оценить степень антропогенного риска.

За результаты научных исследований и их прикладное значение для развития региона ученые института были удостоены: Ленинской премии за изучение уникального золоторудного месторождения Сухой Лог, трех Государственных премий Союза ССР и двух Государственных премий РФ в области науки и техники, двух премий Совета Министров ССР. Лауреатами премии Ленинского комсомола являются двое сотрудников института, семь сотрудников избраны членами АН СССР или РАН [3, с. 24–25].

В настоящее время Институт земной коры продолжает оставаться одним из ведущих научных учреждений Иркутского научного центра. Институт обладает мощным научным потенциалом. По состоянию на 1 января 2006 г. общая численность сотрудников института составляла 335 чел., из них 128 – научных сотрудников, в том числе один академик и один член-корреспондент РАН, 28 докторов и 81 кандидат наук.

С 2003 г. исследования института были включены в 5 приоритетных направлений РАН и три – СО РАН. В их числе: физические поля Земли, их природа, взаимодействие и интерпретация; глубинное строение и геодинамика Земли; взаимодействие внутренних и внешних геосфер и их влияние на окружающую среду; современная геодинамика, движения и напряженное состояние земной коры, сейсмичность и сейсмический прогноз, экспериментальные исследования физико-химических проблем геологических процессов и термодинамика природных систем и др. [4, с. 45].

Институт земной коры был и остается активным участником международных геолого-геофизических программ по линии Международного союза геодезии и геофизики, а также Международной программы геологической корреляции (IGCP), выполняемой под патронажем Международного союза геологических наук. Институт является базовым для российской части совместной российско-монгольской геофизической экспедиции РАН и Монгольской академии наук, в которой, помимо российских и монгольских специалистов, участвовали исследователи из США и Франции. В конкурсе научных учреждений СО РАН в области наук о Земле Институт земной коры традиционно занимает первое-второе места.

В настоящее время Институт земной коры известен как признанный центр по проблемам неотектоники, геоморфологии и сейсмогеологии. Сотрудниками института подготовлена новая карта сейсмического районирования Северной Евразии, даны оценки сейсмической опасности ряда крупных строительных объектов. Сотрудники института продолжили изучение геотермической активности недр на юге Восточной Сибири и в Монголии, по геотермическим данным предсказали наличие газогидратов в осадках оз. Байкал.

Одним из старейших академических институтов является **Институт географии им. В. Б. Сочавы**. Он был основан в ноябре 1957 г. Институт последовательно возглавляли: академик

И. П. Герасимов (директор-организатор, 1957–1959), академик В. Б. Сочава (1959–1976), академик В. В. Воробьев (1976–2000), чл.-корр. РАН В. А. Снытко (2000–2005), чл.-корр. РАН А. Н. Антипов. В настоящее время институт возглавляет д-р геогр. наук В. М. Плюснин.

В постсоветский и современный период сотрудники института проводили исследования в области ландшафтоведения, создания теоретических основ прогнозирования, контроля и регулирования динамики геосистем, системного картографирования, разработки географических основ территориальной организации производства и формирования населения на территории Сибири. В рамках этих исследований определились и два основных научных направления. Первое: состояние и развитие природных геосистем и их компонентов. Второе: географические основы устойчивого развития регионов Сибири. Институт широко известен в стране и за ее пределами своими авторитетными научными школами: картографии, ландшафтного планирования, экзогенной геоморфологии, гидрологии ландшафтов.

Кроме этого, ученые института занимаются разработкой проблем экономической географии и географического природопользования восточных регионов Российской Федерации. В рамках этого направления сотрудники института изучают проблемы взаимодействия общества и природы, рационального размещения производительных сил, пионерного освоения новых районов, экономического районирования, агрогеографии, а также политической географии.

Значительные практические результаты получены сотрудниками Института географии по геоморфологии, географии почв, геохимии ландшафтов, биогеографии, гидрологии, гляциологии и климатологии. Результатами долгих изысканий стало издание Национального атласа Монголии, атласа оз. Хубсугул, Забайкалья, Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, разнообразных тематических карт. Был издан уникальный атлас «Иркутская область: экологические условия развития» и его электронная версия, не имеющая аналогов по фундаментальности содержания, широте тематического охвата, научной информации, а также по уровню и качеству отображения [3, с. 6–7]. В настоящее время в Институте географии им. В. Б. Сочавы продолжается разработка теории, принципов и методов картографического моделиро-

вания, повышения информационной емкости карт, оперативного картографирования с применением аэрокосмической информации.

В рамках российско-германского проекта создана уникальная для Российской Федерации методология ландшафтного планирования как основа устойчивого развития территории. Результаты проведенных исследований используются при территориальном планировании региональных и муниципальных образований в Прибайкалье, Калининградской области, в Армении, Грузии и Азербайджане при водоохранном зонировании, землеустройстве, градостроительном проектировании и зонировании особо охраняемых природных территорий.

В связи с начавшимся в последние десятилетия освоением нефтяных и газовых месторождений, созданием транспортных артерий сотрудники института осуществляют экологическое сопровождение этих крупномасштабных проектов. Проводимые работы представляют большую социальную значимость, поскольку позволяют определить степень воздействия на экосистемы природных комплексов, их устойчивость к антропогенным нагрузкам, а также дать рекомендации по уменьшению воздействия на экосистемы.

Ровесник Института географии **Институт геохимии им. А. П. Виноградова** был образован также в ноябре 1957 г. Первым директором был академик Л. В. Таусон (1961–1988), затем институт возглавлял академик М. И. Кузьмин (1988–2012), а в настоящее время – чл.-корр. РАН В. С. Шацкий.

Несмотря на финансовые трудности, руководство института в 1990-е – начале 2000-х гг. добилось укрепления и расширения материальной базы исследований. В частности, были приобретены и успешно используются: масс-спектрометр высокого разрешения третьего поколения ICP/HRMS ELEMENT 2, рентгенофлуоресцентный спектрометр S 4 Pioneer, рентгеновский микроанализатор JXA 8 200.

В течение десятилетий сложилось несколько научных направлений: изучение эволюции геологических и геохимических процессов в истории Земли: магматизм, метаморфизм и рудообразование в различных геодинамических обстановках; изучение глобальных изменений окружающей среды и климата, экологическая геохимия, палеоклиматология; разработка новых материалов для твердотельной электроники, медицины и экологии.

В рамках этих направлений сотрудниками института впервые было установлено, что золоторудные месторождения Забайкалья сформировались в два этапа. Ученые института провели типизацию золоторудных месторождений, построили геолого-геохимические модели очагово-купольных и очагово-депресссионных рудно-магниевых систем Забайкалья. Была также реконструирована цепь историко-геологических событий в развитии Бодайбинского золотоносного района.

В Институте было создано новое междисциплинарное направление «Региональная геохимия окружающей среды». Был сделан сравнительный анализ состояния ртутного загрязнения Ангаро-Байкальской водной системы. На основе многолетних наблюдений были систематизированы данные о распределении приоритетных биоактивных химических элементов, издана фундаментальная монография «Геохимия окружающей среды Прибайкалья (Байкальский геоэкологический полигон)».

В результате исследований сотрудниками института были построены площадные карты распределения токсичных элементов в почвах городов Иркутск и Черемхово и их окружения, выявлены загрязненные участки на территории этих городов. Проведены геохимические исследования на трассах и объектах изыскательских работ строительства газо- и нефтепроводов Ковыктинского и Верхне-Чонского месторождений.

Институт геохимии им. А. П. Виноградова известен в стране работами по проектам «Байкал-бурение», РФФ 4, программам «Глобальные изменения природной среды и климата», «Многоцелевое геохимическое картирование и геоэкология России», «Платина России», INTAS, Know How и др.

В 2004 г. сотрудникам Института за разработку термолюминисцентного детектора была присуждена премия Правительства России по науке и технике, а в 2006 г. за разработку технологии получения кремния для солнечной энергетики присуждена премия губернатора Иркутской области [3, с. 12–14].

В институте продолжают детальные геолого-геохимические поиски и исследования сверхчистого кварцитового сырья с целью использования его в солнечной энергетике. В 1998 г. сотрудники института открыли крупное месторождение сверхчистых кварцитов Бурал-Сарьдаг в Восточном Саяне. Были продолжены работы по созданию физико-химических основ принципиально новой технологии прямого получения мультикремния солнечного сорта

из рафинированного металлургического кремния, полученного из высокочистых кварцитов Восточной Сибири.

Результатом исследований по детальному исследованию осадков, полученных при глубоководном бурении на Байкале, была издана монография «Центрические диатомовые водоросли позднего кайнозоя озера Байкал: морфология, систематика, стратиграфическое распространение, этапность развития (по материалам глубоководного бурения)». На основе изучения донных отложений оз. Котокель (сателлит Байкала) впервые для Восточной Сибири была получена непрерывная, высокоразрешающая и детально датированная запись динамики ландшафтов и климата за последние 48 тыс. лет. Это позволило доказать, что природная среда юга Восточной Сибири, несмотря на глубоко континентальное положение этой территории, быстро отвечала на глобальные изменения климата.

В настоящее время в Институте сложился высококвалифицированный научный коллектив, обеспечивающий проведение фундаментальных и прикладных исследований в области наук о Земле и проблем окружающей среды на мировом уровне.

Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского СО РАН был основан в 1957 г. под названием «Иркутский институт органической химии». Современное название институт носит с 2000 г. Первым директором института был чл.-корр. АН СССР М. Ф. Шостаковский (1957–1970), затем институт возглавлял академик М. Г. Воронков (1970–1994). В настоящее время институт возглавляет академик Б. А. Трофимов.

В настоящее время – это крупнейший в России центр фундаментальных исследований в области органической и элементно-органической химии. В течение многих лет в институте сформировались две крупные научные школы: химия кремния (академик М. Г. Воронков) и направленный синтез на базе ацетиленов (академик Б. А. Трофимов). Обе школы проводят научные исследования в русле русской классической школы химика-органика академика А. Е. Фаворского.

Конечной целью проводимых в институте исследований является синтез практически ценных продуктов из нефти и газа, а также из угля через ацетилен. Признанием ведущих позиций института в области химии ацетиленов стало присуждение директору Института химии им. А. Е. Фаворского СО РАН Б. А. Трофимову престижной правительственной награды – Государственной пре-

мии РФ в области науки и технологий за 2011 г. Так был отмечен вклад в разработку новых методологий тонкого органического синтеза для создания инновационных лекарственных средств и современных материалов, в том числе специального назначения. Ряду научных сотрудников института была присуждена премия им. А. М. Бутлерова Президиума Российской академии наук за синтез биологически важных соединений через производные ацетилена. Исследования в области химии органических соединений кремния с необычной валентностью принесли институту мировую известность и удостоены Государственной премии РФ и премии им. А. Н. Несмеянова.

Одним из направлений исследований является создание новых лекарственных препаратов. В последние годы были получены разрешения Фармацевтического комитета Министерства здравоохранения РФ на получение и использование в медицинской практике таких препаратов, как стимулятор широкого спектра действия трекрезан, кровоостанавливающий препарат феракрил, дигидрокверцетин антиоксидант и капилляропротектор широкого спектра действия. Наряду с этим проводятся работы по глубокой переработке древесины, по синтезу многофункциональных нанобиокомпозитов с управляемым комплексом магнитных, оптических, каталитических и биологически активных свойств. Институт располагает большим числом лекарственных препаратов разной степени испытанности и готовности.

Совместно с ЗАО «Ацитол-Фарма» создан высокоэффективный антидот при отравлении монооксидом углерода и другими продуктами горения – ацизол. Сфера его применения – подводные, авиационно-космические, шахтные работы, зоны пожаров, при недомоганиях, вызванных автомобильными выхлопами. Ацизол защищен 14 патентами РФ, а в 2010 г. был включен в Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств.

В институте разработан высокоэффективный противотуберкулезный препарат нового поколения – перхлозон. Разработан новый оригинальный препарат агсулар для профилактики и лечения атеросклероза.

Сотрудниками института открыты новые химические реакции фундаментального характера. Наиболее известными из них являются: реакция кетоксимов с ацетиленом, приводящая к пирролам – ключевым фрагментам важнейших жизнеобеспечивающих систем (хлорофилла и гемоглобина), вошедшая в монографии и учебники под именем реакции Трофимова, а также реакция

элементной серы с арилгалогеналканами, обеспечивающая прямой выход к различным сернистым гетероциклам, получившая имя Воронкова.

Большое внимание сотрудники института уделяют изучению проблем оз. Байкал, разработке концепции углегазонефтехимического комплекса Восточной Сибири. Сотрудники института занимаются проблемой переработки лигнина – отхода целлюлозно-бумажной и гидролизной промышленности. Для Иркутской области эта проблема является одной из самых актуальных. В институте проводятся систематические исследования по разработке на основе лигнина эпоксидных смол и конструкционных пластмасс, разрабатываются лигно-минеральные удобрения.

В настоящее время Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского СО РАН является одним из лидеров в области органической и элементоорганической химии. Научные открытия ученых института широко известны в России и за рубежом.

В 1960 г. на базе старейшей Российской магнитной обсерватории, основанной еще в 1886 г., был образован Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (СибИЗМИР). В 1992 г. он был переименован в Институт солнечно-земной физики СО РАН. С 2008 г. официальное название института – **«Учреждение Российской академии наук Институт солнечно-земной физики Сибирского отделения РАН» (ИЗФ СО РАН).**

Первым директором был канд. физ.-мат. наук В. Д. Кокоуров в 1961–1964 гг., в 1964–1978 гг. – чл.-корр. АН СССР В. Е. Степанов, в 1978–1981 гг. институт возглавлял чл.-корр. АН Туркменской ССР Н. М. Ерофеев. Восемнадцать лет (1982–2010) директором института был академик Г. А. Жеребцов, а с 2010 г. по настоящее время чл.-корр. РАН А. П. Потехин.

Наблюдения за полем Земли в Иркутской области ведутся более ста лет. В последние десятилетия институт продолжил исследования по следующим научным направлениям:

- 1) физика Солнца и межпланетной среды;
- 2) физика атмосферы и околоземного космического пространства.

Ученые института в течение многих лет исследуют природу и динамику солнечных магнитных полей, солнечные вспышки и другие активные образования на Солнце. Исследования проводятся на современной экспериментальной базе. Институт распо-

лагает мощным Сибирским солнечным радиотелескопом (ур. Бадары, Республика Бурятия), Большим солнечным вакуумным телескопом (п. Листвянка Иркутской области), автоматизированным солнечным телескопом, внеатомным коронографом, солнечным телескопом оперативных прогнозов для измерения слабых фоновых магнитных полей на Солнце (все расположены в пос. Монды Республики Бурятия), Иркутским радаром некогерентного рассеяния (г. Усолье-Сибирское Иркутской области).

Плодотворная научная работа привела к следующим достижениям последних лет. В области физики Солнца большие успехи достигнуты в экспериментальных и теоретических исследованиях колебаний в атмосфере Солнца, природы солнечных магнитных полей. Были разработаны новые методы диагностики состояния и прогноза развития солнечной активности и ее геоэффективности. В области исследования магнитосферы, ионосферы и магнитно-ионосферного взаимодействия был выполнен цикл работ по созданию физических и математических моделей, описывающих динамические процессы в нижней ионосфере.

Практическая значимость этих исследований заключается в том, что институт обеспечивает оперативными данными о состоянии Солнца, ионосферы и магнитного поля Земли прогностические центры страны. Сотрудники института участвуют во всех международных проектах по солнечно-земной физике, работают по соглашениям с научными коллективами Германии, Великобритании, Франции, США, Испании, Японии и других стран. В декабре 2000 г. совместно с Китайской академией наук был создан Объединенный Российско-китайский научный центр по космической погоде. В рамках центра проводятся конференции, на которых обсуждаются результаты научных исследований по проблемам космической погоды [3, с. 34–35].

В настоящее время институт располагает одним из самых значительных научных потенциалов Иркутского научного центра. В ИСЗФ СО РАН работают около 500 сотрудников, в том числе более 140 научных сотрудников, из них один академик, два член-корреспондента РАН, более 30 докторов, около 80 кандидатов наук, более 50 молодых научных сотрудников и аспирантов.

В 1960 г. был организован Сибирский энергетический институт, который постановлением Президиума РАН в декабре 1997 г. был переименован в **Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева**. Первым директором института был академик

Л. А. Мелентьев (1960–1973), затем институт возглавлял академик Ю. Н. Руденко (1973–1988), в 1988–1997 гг. – чл.-корр. РАН А. Л. Меренков, а с 1997 г. – чл.-корр. РАН Н. И. Воропай.

В институте разработаны и успешно развиваются теория и методы системных исследований в энергетике. Сотрудниками института были предложены математические модели и методы для исследования и оптимизации развития топливно-энергетического комплекса страны в целом и составляющих ее систем энергетики, а также новых энергетических установок. Большое внимание в институте придается разработкам, направленным на изучение свойств больших систем энергетики, включая надежность, живучесть и безопасность. Это направление было развернуто в СЭИ в 1990-е гг. и получило в дальнейшем свое развитие, дало мощный толчок применению системного подхода в практике управления энергетикой.

Усилиями сотрудников института были созданы теория и научно-методическое обеспечение оптимального развития и функционирования электронно-энергетических систем различного уровня. Созданы новые информационные технологии для исследования и управления в энергетической системе, которые реализованы в автоматизированных системах диспетчерского управления (АСДУ) и системах автоматизированного проектирования электронно-энергетических систем.

За последние 20 лет в институте разработаны энергетические стратегии и программы для более десятка субъектов Российской Федерации. Институт принял участие в подготовке отдельных разделов для Энергетической стратегии России до 2020 г. Результаты исследований института широко применяются в научно-исследовательских и проектных организациях Минпромэнерго РФ, в электро-, тепло-, нефте-, газо- и углеснабжающих компаниях, в том числе РАО «ЕЭС России» и ОАО «Газпром».

Результаты исследований и разработок Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева были отмечены Государственной премией СССР, премией Правительства РФ, несколькими медалями им. Г. М. Кржижановского АН СССР и РАН, а также другими наградами [3, с. 37–38].

В настоящее время приоритетными направлениями научных исследований ИСЭМ являются: анализы и прогнозы основных тенденций в развитии энергетики мира, России и Сибирского региона, концепции и генеральные схемы развития отраслей топ-

тивно-энергетического комплекса, новые информационно-вычислительные технологии для исследований и управления в энергетике, проблемы создания межрегиональных и межнациональных систем топливо- и энергоснабжения. По своему научному авторитету институт фактически является одним из центров системных энергетических исследований не только в России, но и в мире.

Лимнологический институт СО РАН считает датой своего начала 1928 г., когда была создана Байкальская лимнологическая станция, явившаяся первым научным учреждением Академии наук СССР в Сибири. В 1961 г. станция была преобразована в Лимнологический институт СО АН СССР. Первым директором станции, а затем института был академик Г. И. Галазий. В настоящее время институт возглавляет лауреат Государственной премии СССР академик М. А. Грачев.

Институт располагает хорошей материальной базой, в его наличии имеется научно-исследовательский флот и весь необходимый инструментарий для сбора образцов байкальских организмов, воды и донных отложений. Сотрудники института исследуют состояние экосистемы оз. Байкал, обеспечивают научное обоснование устойчивого развития Байкальского региона, изучают биоразнообразие фауны и флоры Байкала, разрабатывают методы и приборы для изучения компонентов природных сред.

Эти исследования проходят в рамках основного научного направления: изучение механизмов образования водоемов и водотоков суши, их биоразнообразия, эволюции, современного состояния и прогноза развития.

В результате многолетних исследований сотрудниками института были расшифрованы характеристики климата Восточной Сибири, в частности, изменение его влажности на временном интервале до 5 млн лет. Институтом издана уникальная многотомная серия атласов-определителей эндемиков Байкала и его космополитов. Впервые дана оценка запасов гидратов метана в осадках оз. Байкал.

В качестве головной организации Лимнологический институт участвовал в разработке действующих до настоящего времени «Норм допустимых воздействий на экосистему оз. Байкал». По инициативе института в 1996 г. Байкал был включен в Список объектов мирового природного наследия ЮНЕСКО.

Прикладное значение проводимых учеными института исследований очевидно. Было поставлено производство бутилиро-

ванной глубинной питьевой воды оз. Байкал. Совместно с ОАО «Иркутскэнерго» силами научно-исследовательского флота института была осуществлена прокладка кабеля для электрификации о. Ольхон. Проведены комплексные гидрохимические и биологические исследования в районе Ново-Иркутской ТЭЦ. В результате этих исследований были сделаны предложения об отказе от строительства новых дорогостоящих золошлакоотвалов [3, с. 42–43].

В настоящее время Лимнологический институт в сотрудничестве с Росгидрометом РФ продолжает участие в качестве Национального центра данных в международной программе «Сеть станций мониторинга кислотных выпадений в Восточной Азии (EANET)». По результатам международных квалификационных испытаний качества выполняемых анализов лаборатория гидрохимии и химии атмосферы выбрана в качестве одного из исполнителей по изучению химического состава снежно-фирновых и ледяных кернов из района ст. Восток (Антарктида). По-прежнему продолжают исследования оз. Хубсугул (Монголия) и начаты исследования осадков арктических озер на п-ве Таймыр в области вечной мерзлоты.

В институте разработан и реализован способ тушения гидролизного лигнина и городских свалок. По запатентованной технологии были потушены пожары на Зиминском лигнинохранилище и на лигнинохранилище Канского биохимического завода. Институт выполняет экологический аудит предприятия ядерной области – Ангарского электролизного химического комбината.

В 1961 г. был основан **Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО РАН**. Первым директором был чл.-корр. АН СССР Ф. Э. Реймерс (1961–1976), затем чл.-корр. РАН Р. К. Саляев (1976–2002). В настоящее время институт возглавляет д-р биол. наук, профессор В. К. Войников.

Институт является одним из ведущих научных учреждений, разрабатывающих приоритетные направления современной физиологии растений, молекулярной биологии и экологии растительных организмов. В соответствии с этим определились основные научные направления:

- 1) молекулярная биология растений;
- 2) структура генома и геновая инженерия;
- 3) механизмы устойчивости и продуктивности растений;
- 4) физиолого-экологические проблемы биоразнообразия.

За последние годы учеными института были достигнуты значительные научные результаты, имеющие прикладное значение. Совместно с Государственным научным учреждением вирусологии и биотехнологии «Вектор» институт при участии лаборатории молекулярной патологии (США) впервые разработал кандидатную съедобную вакцину против СПИДа и гепатита В путем введения в растение томата особого гена, кодирующего синтез специфических антигенных белков. Вакцина успешно прошла испытания на лабораторных животных.

Сотрудниками института были изучены механизмы влияния техногенных выбросов на лесные экосистемы и даны рекомендации по защите территорий вокруг промышленных центров. Совместно с Институтом цитологии и генетики СО РАН были созданы новые сорта озимой пшеницы «Заларинка» и «Иркутская озимая», отличающиеся повышенной зимостойкостью, высокой урожайностью и хорошими хлебопекарными качествами. В институте действует станция искусственного климата (фитотрон), в которой проводятся исследования по физиологии растений, размножаются новые формы растений для селекционной работы [3, с. 45–47].

Большое значение для хозяйства региона имели исследования лесопатологического значения эпифитных грибов, повреждающих крону хвойных деревьев южного Прибайкалья. Институт принял участие в работах по ведению и составлению Красных книг разного уровня. Для сохранения байкальской флоры создан Региональный банк семян редких, исчезающих и эндемичных растений Прибайкалья.

Институт динамики систем и теории управления СО РАН был образован в 1980 г. под названием «Иркутский вычислительный центр СО АН СССР». Первым директором стал академик, лауреат Государственной премии СССР В. М. Матросов (1980–1991). В 1991–2006 гг. институт возглавлял академик, лауреат Государственной премии РФ С. Н. Васильев. С 2006 г. по настоящее время – д-р техн. наук, академик И. В. Бычков. В институте сформировались научные школы, которые снискали мировую известность в области теории устойчивости, логико-динамических систем и интеллектуального управления, алгебро-дифференциальных систем, математической теории систем нелинейных интегро-дифференциальных уравнений.

Результаты исследований и разработок были внедрены в ведущих научно-производственных объединениях России авиационного, аэрокосмического и другого профиля, в Иркутской областной администрации, мэрии г. Иркутска, в учебном процессе высших учебных заведений и других сферах региональной экономики. В течение ряда лет успешно функционирует Учебно-научный центр ИБСТУ – ИГУ по математической кибернетике, системному анализу и исследованию операций, на котором проходят обучение студенты Института математики, информатики и экономики ИГУ.

Сотрудниками института разработаны интеллектуализированные инструментальные и прикладные программные системы, в том числе: методо- и проблемно-ориентированные пакеты программ для анализа математических моделей систем технической, технологической, организационной, социально-эколого-экономической и другой природы. Разработаны современные информационные технологии для создания систем поддержки принятия решений, в том числе в органах государственной власти и местного самоуправления.

В настоящее время институт выступает центром коллективного использования вычислительных, информационных и коммуникационных ресурсов в ИНЦ СО РАН и других учреждениях, выполняя функции разработки, эксплуатации, администрирования и развития информационных и телекоммуникационных ресурсов. Институт поддерживает плодотворные связи с научными организациями и учеными США, Франции, Германии, Италии, Португалии, Японии, Китая и других стран.

В 1993 г. на базе существовавшей ранее Байкальской экспозиции Лимнологического института СО РАН был создан **Байкальский музей Иркутского научного центра СО РАН**. Со дня основания возглавляет музей канд. геогр. наук В. А. Фиалков. Музей уникальный, это один из трех существующих в мире музеев озер и единственный в России. Основная задача музея состоит в сборе, хранении и монографическом описании коллекций байкальских гидробионтов.

В течение длительного времени сотрудники музея проводят и другую работу – научно-просветительскую. В экспозициях музея хранятся и демонстрируются новейшие результаты исследований по всем разделам естественных наук о Байкале и его регионе.

В 1968 г. был основан **Отдел региональных экономических и социальных проблем ИНЦ СО РАН**. В 1968–1975 гг. его возглавлял д-р геогр. н., профессор В. А. Кротов, затем в 1975–1989 гг. канд. экон. наук Г. И. Фильшин, а в 1989–1998 гг. канд. экон. наук А. П. Черников. Десять лет (1998–2008) Отдел возглавляла д-р экон. наук И. И. Думова, а в настоящее время д-р геогр. наук Н. М. Сысоева.

Основными научными направлениями Отдела являются:

- 1) оценка, планирование и прогнозирование социально-экономических процессов;
- 2) стратегия социально-экономического развития территориальных и хозяйственных систем;
- 3) региональная социально-экономическая политика;
- 4) устойчивость территориальных систем.

В 1970-е гг. сотрудники отдела разработали методологические положения по экономическому районированию, формированию территориально-производственных комплексов, а в 1980-е гг. – программы комплексного развития Ангаро-Енисейского региона и хозяйственного освоения зоны БАМа.

За последнее время сотрудниками Отдела разработана программа социально-экономического развития г. Байкальска и перепрофилирования БЦБК, концепция развития туризма Иркутской области, концепция демографического развития области, комплексная региональная программа «Борьба с бедностью в Иркутской области».

В последнее двадцатилетие значительно укрепилось сотрудничество научных учреждений ИНЦ СО РАН с иркутскими вузами. В частности, совместно с Иркутским государственным университетом в рамках программы «Университеты России» был выполнен ряд проектов по изучению распространения радиоволн в околоземном пространстве, фундаментальные исследования в биологии, экологии, разработана и исследована новая элементная база микронаноэлектроники и интегральных сенсоров. Без научной школы математиков ИГУ было бы невозможно открытие и существование многих научных подразделений ИНЦ СО РАН и математических кафедр отдельных вузов. На основе фундаментальных исследований и при непосредственном участии геологов ИГУ были открыты крупные месторождения полезных ископаемых.

Совместно с Иркутским государственным техническим университетом сотрудники ИНЦ СО РАН участвовали в российских

и международных проектах «Глобальные изменения климата во внутренней Азии и прогноз их развития на основе комплексного исследования оз. Байкал», «Исследования оз. Байкал и его бассейна как участка мирового наследия», «Геология и геохимия окружающей среды Сибири» и др.

В рамках совместных исследований с Иркутской государственной экономической академией (Байкальским государственным университетом экономики и права) разрабатывались программы социально-экономического развития Иркутской области, пути интенсивного развития хозяйства Восточной Сибири, региональные аспекты в управлении финансово-кредитным механизмом и др.

Многие проекты иркутские вузы и научные институты ИНЦ СО РАН выполняли с международным участием. Это программы TEMPUS, проект «Байкалбурение», исследование экосистемы оз. Хубсугул, проект «Мониторинг загрязнений, эпидемиологии и охраны здоровья в Восточной Сибири» и др. [1, с. 302–304, 313–314]. За последнее время были налажены научные связи с научными центрами Германии, Бельгии, Франции, Италии, Дании, Монголии, Китая, Республики Корея, США, Канады и Японии.

Вопросы для самоконтроля

1. Каков был научный потенциал Иркутского научного центра СО РАН в начале 1990-х гг.?
2. Назовите структуру научных учреждений ИНЦ СО РАН в начале 1990-х гг.
3. Какие новые научные учреждения в системе ИНЦ СО РАН появились в 1990-е гг.? Каковы научные направления их исследований?
4. Каким был научный потенциал ИНЦ СО РАН во второй половине первого десятилетия XXI в.?
5. Назовите ведущие научные школы и результаты научных исследований Института земной коры СО РАН в последние десятилетия.
6. Какое значение для развития региона имеют научные разработки Института географии им. В. Б. Сочавы?
7. Какие научные исследования проводятся в Институте геохимии им. А. П. Виноградова?
8. Назовите теоретические и прикладные исследования ученых Института динамики систем и теории управления СО РАН.
9. Какие новые научные достижения были сделаны учеными Института земной коры СО РАН?
10. Назовите основные научные достижения ученых Института энергетики им. Л. А. Мелентьева.
11. В чем заключается теоретическая и прикладная значимость научных исследований Института солнечно-земной физики СО РАН?

12. Каковы основные научные достижения ученых Института химии им. А. Е. Фаворского?
13. Назовите основные научные направления Лимнологического института и Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН.
14. Приведите примеры научного сотрудничества ИНЦ СО РАН и высших учебных заведений г. Иркутска.

Литература

1. Академическая наука в Восточной Сибири (к 50-летию Иркутского научного центра СО РАН) / Г. А. Жеребцов [и др.]. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. – 384 с.
2. Иркутский научный центр. – Иркутск : [б. и.], 1999. – 47 с.
3. Иркутский научный центр. – Иркутск : [б. и.], 2007. – 59 с.
4. Скляров Е. В. Институт земной коры. Люди, события, даты (1949–2009) / Е. В. Скляров, Р. П. Дорофеева ; отв. ред. В. Г. Беличенко; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т земной коры. – Иркутск : ИЗК СО РАН, 2009. – 672 с.

§ 2. Культурная жизнь региона

Распад СССР и начало новых экономических и политических преобразований в российском обществе на рубеже 1991–1992 гг. ознаменовали собой начало нового этапа в культурной жизни нашего региона. В отличие от экономической сферы, преобразования в сфере культуры не носили «фундаментального» характера. Если в сфере экономики значительная часть государственных предприятий перешла в частную собственность, то большинство учреждений сферы культуры остались государственными и муниципальными. Региональные и местные органы власти продолжали нести ответственность за финансирование учреждений культуры, назначали их руководителей, осуществляли контроль над использованием бюджетных средств. Таким образом, опасения многих работников учреждений культуры, что отрасль будет «разгосударствлена» и они окажутся один на один с «рыночной» стихией, без средств к существованию, не подтвердились. Тем не менее «страх перед приватизацией» у работников культуры сохранялся и обострялся на каждом этапе реформ в сфере культуры.

В основе «общественного договора» между властью и обществом в отношении сферы культуры лежало понимание следующих обстоятельств. Сфера культуры предоставлялась как заведо-

мо убыточное производство культурных ценностей и благ, затратное и обременительное для бюджета. В то же время за культурой признавался серьезный вклад в «человеческий капитал», т. е. в развитие культуры, нравственности, интеллекта, творческих способностей человека. Распространенными стали предостережения о вкладе культуры в развитие «духовности» человека, но более или менее единого понимания духовности так и не сложилось. На более позднем этапе популярными стали рассуждения о том, что культура вносит серьезный вклад в социально-экономическое развитие и, даже более того, развитие культуры является фундаментом развития экономического.

Таким образом, необходимость бюджетных затрат на сферу культуры оказывалась замотивированной. В центре противоречий оставался вопрос о достаточности выделяемых средств. В целом большинством и деятелей культуры, и управленцев признавалось, что сфера культуры страдает от хронического недофинансирования. Неясным оставался также вопрос об измерении эффективности бюджетного финансирования, в том числе и потому, что мера «роста духовности» оставалась принципиально неопределяемой.

Теоретически возможным оставалось другое магистральное развитие сферы культуры, а именно «уход» государства и органов местного самоуправления из большинства «секторов» сферы культуры. Более того, такой «сектор» культуры, как кинопрокат, вполне успешно стал рыночным и прибыльным, государственный же и муниципальный кинопоказ все годы последовательно терял свои позиции. Российский цирк, также имеющий высокий потенциал прибыльности, хотя и не стал частным, но трансформировался в форму государственного унитарного предприятия, т. е. коммерческой организации. Тенденция к разгосударствлению на этом, по сути, и остановилась. Одним из основных идеологических оснований этому стал тезис о том, что культура, потеряв государственную поддержку, перестанет производить ценности мирового уровня, а превратится в сферу производства «халтуры и ширпотреба». В целом тема «разгосударствления культуры» в общественном пространстве была «табуирована», воспринималась как «покушение на основы».

Нельзя не учитывать и общее стремление государства к регулированию различных сфер общественной жизни, сохранению «рычагов управления», разгосударствление сферы культуры в этом смысле противоречило бы логике «сохранения управляемости».

Одним из изъянов сохраняющейся системы была не афишируемая, но сознававшаяся многими возможность для части руководителей учреждений и творческих работников скрывать свою творческую несостоятельность за разговорами о высоком вкладе в культуру и искусство и продолжать получать на свою деятельность бюджетные средства.

Организации культуры и искусства, творческие работники из «негосударственного сектора» все эти годы сталкивались с серьезными финансовыми и организационными трудностями, боролись за возможность получения государственной поддержки, помощи со стороны частных лиц и организаций. Наиболее заметной из «негосударственного сектора» оставалась деятельность организаций писателей, художников, музыкантов.

В годы реформ подход к распределению полномочий и учреждений между региональной и местной властью сохранился. Регион (Иркутская область) за счет средств областного бюджета продолжил содержать наиболее финансово затратные учреждения: государственные театры, филармонию, крупнейшие музеи и библиотеки, учреждения среднего профессионального образования в области культуры и искусства. Местные органы власти финансировали преимущественно клубы, местные музеи и библиотеки, школы искусств. Подчеркнем, что учреждения культуры, получая прямое финансирование со стороны органов власти, сохраняли свою творческую автономию; проявления цензуры, диктата, запретов стали исключительно редкими.

При сохранении основ «общественного договора» между властью и обществом относительно культуры, правовое регулирование сферы культуры заметно менялось. Принятый в 1992 г. закон Российской Федерации «Основы законодательства о культуре» [10] включил в себя различные нормы, регулирующие осуществление культурной деятельности в РФ, в том числе определил права и свободы человека в сфере культуры, обязанности государства, общие принципы экономического регулирования отрасли. Закон стал основой для работы органов власти по оказанию поддержки гражданам и организациям, принимающим творческое участие в культурной жизни страны.

Не менее значимыми стали реформа местного самоуправления и процесс распределения полномочий в сфере культуры между Российской Федерацией, региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, в основном

завершившиеся в 2003 г. с принятием Федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [34] и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [35].

Несмотря на распространенную практику критики «несовершенства законодательства» в сфере культуры, в рамках существующего «общественного договора» по сфере культуры законодательство было достаточно продуманным и логичным.

В частности, законодатель полагал, что организация музеев и поддержка народных художественных промыслов (НХП) является обязанностью федеральных и региональных органов государственной власти, органы местного самоуправления также могли создавать музеи и оказывать поддержку НХП, но уже в зависимости от своего желания и состояния местных бюджетов. В то же время поддержка культурно-досуговой деятельности стала прямой обязанностью органов местного самоуправления. Развитие библиотечного дела вменялось в обязанность всех уровней власти. Законодатель справедливо полагал, что учреждения культуры должны быть непосредственно в городском и сельском поселении и содержаться за счет средств поселения. На уровне муниципального района полагалось иметь только межпоселенческие библиотеки и школы искусств.

Практика реализации законодательства нарушила эти сценарии. Основной проблемой в реализации реформы было отсутствие у органов местного самоуправления достаточных средств на реализацию своих полномочий. Сфера культуры муниципальных образований так и не стала финансово самостоятельной и требовала поддержки из областного и федерального бюджетов. Многие более обеспеченные муниципальные районы были вынуждены продолжать финансировать учреждения культуры, по закону отнесенные к ведению городских и сельских поселений. Сопоставимый труд работников в муниципальных учреждениях оплачивался значительно ниже, чем в областных учреждениях. В целом темпы развития «муниципальной культуры» значительно отставали от «областной культуры». В муниципалитетах было меньше денег, образованных кадров и, как следствие, достижений. В самом тяжелом положении оказывались учреждения городских и сельских поселений, не обеспеченные достаточным финансированием. В связи с этим продолжали жить идеи передачи полно-

мочий с уровня поселений на уровень районов и даже возвращения к полностью государственному финансированию и управлению сферой культуры.

С 2006 г. сфера культуры области, как и другие отрасли, в том числе образования, здравоохранения, социальной защиты и др., была вовлечена в бюджетную реформу [36; 37]. Ее основной идеей было предоставление учреждениям большей экономической самостоятельности, переход от сметного финансирования учреждений к предоставлению субсидий в зависимости от реального объема услуг, востребованных населением. По замыслу, в рамках полученной субсидии руководитель получал возможность более оперативного и свободного распределения средств в зависимости от текущих нужд возглавляемого им учреждения. Реформа действительно изменила механизмы финансирования органами государственной власти и местного самоуправления учреждений культуры, но привела, скорее, к повышению регламентации и подотчетности деятельности учреждений, чем к росту качества и объема их услуг.

Региональными властями большое внимание уделялось разработке нормативной правовой базы в сфере культуры. Так, еще в 1997 г. были приняты Законы Иркутской области «О библиотечном деле в Иркутской области» и о «Музейном деле в Иркутской области», в 2004 г. – Закон Иркутской области «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области», в 2005 г. Закон Иркутской области «Об архивном деле в Иркутской области», в 2007 г. Закон Иркутской области «О государственной поддержке культуры в Иркутской области».

Сложную эволюцию пережили формы поддержки культурной деятельности со стороны государства. В начале 90-х гг. органы власти значительно снизили помощь организациям культуры и искусства и творческим работникам, находящимся вне «государственного сектора культуры». В то же время практика такой поддержки при наличии средств была достаточно простой. Между организацией и органом власти заключался договор на оказание определенной услуги (фестиваль, творческое выступление, издание книги и т. д.), требований доказывать, почему оплата произведена в пользу того или иного лица, не было. Более поздние изменения в законодательстве сделали процедуру поддержки творческих работников и организаций более прозрачной и подконтрольной. В распределении средств появилось конкурсное

начало, законодательно закреплённые «правила игры», улучшились финансовые возможности, что в целом увеличило число лиц, претендующих на государственную поддержку и получающих ее. Таким образом, от точечной поддержки отдельных проектов, организаций, людей органы власти стали переходить к системной работе.

В Иркутской области с 1997 г. стали выделяться средства на стипендии и премии наиболее одарённым студентам и учащимся детских музыкально-художественных школ. Впервые в 1998 г. отдельной строкой были выделены деньги на поддержку творческих союзов. Большое значение для поддержки культуры имела премия Губернатора Иркутской области за достижения в сфере культуры и искусства, ставшая по сути главной и самой значимой наградой для творческих работников области. Стали традиционными областной конкурс «Образцовое учреждение культуры Иркутской области», конкурс по присуждению грантов на реализацию творческих проектов среди творческих работников и творческих организаций.

Во второй половине первого десятилетия XXI в. формы государственной поддержки культуры стали еще более многообразными и действенными. Творческим организациям, творческим работниками и иным лицам стали предоставляться субсидии на осуществление культурных проектов. Творческие союзы стали получать субсидии для осуществления творческих поездок за пределы области. Разнообразные премии и стипендии стали вручаться творческим работникам, работникам учреждений культуры, одарённым детям и талантливой молодежи. Была разработана система предоставления льгот на посещение областных государственных учреждений культуры различным категориям граждан, в том числе многодетным семьям. Вошло в практику предоставление средств из областного бюджета муниципальным учреждениям культуры на комплектование библиотечных фондов, ремонт и оснащение муниципальных клубов.

Мы сознательно уделяем значительное внимание материальным и организационным вопросам обеспечения культурной деятельности в связи с тем, что именно эти вопросы находились в эпицентре общественной дискуссии о путях развития сферы культуры. Вопросы идеологии, столкновения художественных платформ, творческих позиций тоже имели место, но не были столь острыми.

Одним из наиболее распространенных критических суждений рассматриваемого периода было утверждение о финансировании сферы культуры «по остаточному принципу». Подразумевалось, что государство не считает развитие культуры приоритетным направлением и выделяет только остатки от средств, направленных на финансирование более значимых задач. С этим в общественном сознании во многом связывалась ситуация с плачевным состоянием отрасли. В действительности, финансирование сферы культуры большей частью строилось «от достигнутого». Как правило, за точку отсчета брался бюджет предыдущего года, к которому, с учетом инфляции либо под решение конкретных задач и реализацию значимых проектов добавлялась некоторая сумма. В то же время сфера культуры все годы оставалась благодатной площадкой для демонстрации заботы со стороны органов власти о населении, о развитии человеческого потенциала. В связи с этим на протяжении многих лет увеличение расходов на культуру превышало общие темпы экономического роста. Основная проблема заключалась не в противоречии между культурными потребностями населения и невниманием к ним органов власти, а между объемом взятых властью на себя обязательств в сфере культуры и состоянием экономики. Иными словами, главным фактором недостаточного финансирования сферы культуры было несоответствие между высоким спросом общества на качественные и доступные услуги сферы культуры, разветвленной сетью учреждений культуры, унаследованной от СССР, и слабыми возможностями экономики, сократившей в годы перестройки и в последующие годы свой потенциал.

Наиболее тяжелая ситуация с материальным положением сферы культуры, связанная с сокращением бюджетного финансирования, наблюдалась в начале 90-х гг. XX в. Это привело к сокращению сети учреждений, объемов услуг, старению материальной базы учреждений культуры, сокращению реальной оплаты труда работников культуры и ее задержкам, уходу части квалифицированных работников.

Значительные трудности, связанные с нехваткой средств на содержание имущества, выплату заработной платы и реализацию новых творческих проектов, в начале 90-х гг. переживали областные театры. Ослабел и зрительский интерес к театральной жизни, для многих театр стал недоступен по экономическим причинам.

Если в 1991 г. театры области посетило 622 тыс. зрителей, то в 1992 г. только 445 тыс. [13, с. 40; 14, с. 26].

Проблемы в культурной жизни г. Иркутска и области были обсуждены в феврале 1992 г. на Иркутской городской конференции деятелей культуры. Творческие работники с горечью говорили о засилье массовой, низкопробной культуры в кинотеатрах, сложном положении творческих союзов, вынужденных платить за аренду помещений по коммерческим расценкам, острой нехватке средств на важные культурные проекты, потоке некачественной рекламы, уродующей облик сибирских городов, и других проблемах. Высказывались сомнения в готовности нынешнего поколения художников приспособиться к рыночным условиям. В частности, знаменитый актер В. Венгер сказал, что «афиши кинотеатров залиты кровью вперемешку с пистолетами и полуголыми бабами. На экране – засилье масскультуры. Шварценегер вот-вот получит звание народного артиста страны. Неужели нельзя открыть в городе один кинотеатр повторного фильма, где нормальный человек мог бы увидеть лучшие образцы отечественного кино?». Итогом работы конференции стало образование общественного совета деятелей культуры [30].

Со второй половины 90-х гг. ситуация с материальным обеспечением сферы культуры начала улучшаться. Но на поступательном развитии негативно отразились экономические кризисы 1998 и 2008–2010 гг.

Наиболее заметную роль в культурной жизни Иркутской области в конце XX и начале XXI в. играли театры. Всего на 1 января 2012 г. в области работало 10 профессиональных театральных коллективов, шесть из которых финансировалось за счет областного бюджета и 4 за счет местных. Новых государственных театров за эти годы не появилось. Лидерами театрального движения оставались Иркутской областной академической драматический театр им. Н. П. Охлопкова и Иркутский областной музыкальный театр им. Н. М. Загурского. Радовали зрителей Иркутский областной театр юного зрителя им. А. Вампилова (ТЮЗ), Черемховский областной драматический театр, Иркутский областной театр кукол «Аистенок», Иркутский областной театр-студия «Театр пилигримов». В городах области работали муниципальные театры: Иркутский городской «Театр народной драмы», Братский драматический театр, Усть-Илимский театр драмы и комедии, Братский театр кукол «Тирлямы».

Большинство областных театров продолжали в эти годы традиции русского репертуарного театра. В основном они обращались к классическому репертуару, его современному прочтению. Постановка современных пьес носила эпизодический характер. Как правило, широкую известность за пределами Иркутской области театральные постановки областных театров не получали.

Пополнение областных театров квалифицированными кадрами осуществлялось во многом благодаря деятельности Иркутского театрального училища, которое в 1996 г. в дополнение к отделением, готовящим актеров драматического театра и кино, актеров театра кукол, открыло музыкальное отделение [11]. Многие выпускники театрального училища профессионально состоялись на ведущих театральных площадках России, приобрели международную известность, в том числе Иван Вырыпаев, Павел Дроздов, Юрий Степанов, Александр Бухаров и др.

Практически во всех жанрах работал музыкальный театр, который ставил рок-оперы, мюзиклы, оперетты и музыкальные комедии, водевили, классические балеты и балеты в стиле модерн. Обратной стороной многожанровости было, то, что в одном коллективе приходилось работать оперным певцам и певцам оперетты, балетной и опереточной труппам, что не могло не порождать творческих и межличностных противоречий.

Театр испытывал сложности с формированием и обновлением труппы, повышением исполнительского уровня балета, оркестра и хора. Источником многих проблем были низкие зарплаты, а также отсутствие жилья для приглашаемых из других регионов актеров.

Тем не менее, театру удавалось приглашать для постановок известных режиссеров, балетмейстеров, сценографов и художников. В 1992 г. главным балетмейстером театра стал Ю. М. Хисамов, главным режиссером Ю. И. Гвоздилов. За период работы в театре Ю. М. Хисамова появились балетная концертная программа и четыре одноактных балета: «Ангел», «Красный сарафан», «Шопениана» и «Мелодии старой Вены», которые были с благодарностью приняты публикой. Значительным событием для театра стала постановка мюзикла Джери Бока «Скрипач на крыше» по повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». История горькой судьбы еврейской семьи казалась особенно актуальной на фоне распада СССР и обострения межнациональных отношений.

С момента открытия на новой сцене музыкальный театр осуществил до 1993 г. 24 постановки спектаклей и концертных

программ. Выросло и окрепло творчество молодых певцов, расширилась жанровая направленность музыкальной деятельности. Почетные звания «Народный артист России» получили в 1991 г. Е. К. Волошина, Н. И. Хохолков. Заслуженным артистом России стал Е. К. Васильев. Годом позже – В. В. Дычинский, Н. А. Прошин, М. А. Гольдапель. В сезоне 1991–1992 гг. зрители увидели классическую оперетту «Веселая вдова», водевиль «Женитьба гусара», современную комедию «Леди и гангстеры», оперу Р. Леонковалло «Паяцы» [27].

29 февраля 1996 г. состоялась премьера рок-мистерии на музыку А. Рыбникова «Юнона и Авось», совместной постановки музыкального театра и Театра пилигримов под руководством В. Соколова. Постановку спектакля осуществила главный режиссер Иркутского музыкального театра Н. Печерская. Спектакль имел неизменный успех у публики, постоянно проходил при переполненном зале. 19 ноября 2000 г. состоялось 100-е представление этого спектакля.

В 1997 г. в музыкальном театре открылась малая сцена. С большим успехом шли рок-опера на музыку А. Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и другие постановки. В 2001 г. музыкальному театру исполнилось 60 лет, в юбилей ему было присвоено имя народного артиста РСФСР Николая Матвеевича Загурского.

Творческими достижениями театра стали постановка 2009 г. «Русский фантом» И. Левина по мотивам романа А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», постановки «Скрипач на крыше» и «Граф Люксембург» 2010 г. Долгожданным событием 2012 г. стала премьера оперы «Евгений Онегин» П. Чайковского, современный подход к постановке которой сочетался с классическими оперными традициями. Положительные отзывы зрителей в 2011 г. заслужили постановки «Сорочинская ярмарка», «Цезарь и Клеопатра» и «Кармен».

Творческий подъем в начале 90-х гг. переживал драматический театр. В феврале 1992 г. прошла успешная премьера спектакля по пьесе известного польского драматурга Славомира Мрожека «Убийство в контракте» в постановке Александра Крюкова [38]. Большим событием в театральной жизни области в 1993 г. стала постановка В. Кокориным пьесы «Женитьба» по Н. В. Гоголю [17].

20 февраля 1995 г. по Указу Президента РФ здание Иркутского областного драматического театра было отнесено к объектам исторического и культурного наследия федерального значения. В 1996 г. Губернатором Иркутской области Б. А. Говориным было подписано постановление о реконструкции здания театра, работы по которой были завершены 30 декабря 1999 г. Полностью была переоснащена основная сцена театра, на которой была установлена плунжерная система щитов, самая современная свето- и звукоаппаратура. Открытие здания театра состоялось 26 марта 2000 г. премьерой чеховской «Чайки» в постановке Аркадия Каца.

27 марта 2000 г. премьерным спектаклем «Антигона» по пьесе Ж. Анур открылась камерная сцена театра. Камерная сцена, являющаяся, по сути, отдельным театром, стала площадкой для творческих поисков и экспериментов. На камерной сцене ставились «Эдип-царь», «Трагическая повесть о Гамлете, принце датском», библейская история «Исход», а также пьесы по произведениям А. Вампилова, А. Толстого, Минору Бэцуяку и др.

Незадолго до этих знаменательных событий 31 августа 1999 г. приказом министра культуры РФ за большой вклад в развитие отечественного театрального искусства Иркутскому областному драматическому театру было присвоено почетное наименование «Академический».

В последующие годы на основной сцене театра ставились классические пьесы М. Горького, Н. Гоголя, А. Островского, Э. Ростана, шли спектакли по произведениям Тикацу Мондзаэмона, Бертольда Брехта, Тенниси Уильямса, Алехандро Касона, А. Р. Герни, А. Рейно-Фуртона и других авторов. Полюбились зрителям комедия «Пока она умирала» (Н. Птушкина) в постановке Сергея Болдырева, «Поминальная молитва» (Г. Горина) и мн. др. В 2004 г. успешно прошли гастроли областного драматического театра в Болгарии, Узбекистане, Монголии. С большим интересом встретили постановку пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Японии.

В 2008 г. зрителями была хорошо встречена премьера спектакля по повести В. Распутина «Последний срок», которая надолго вошла в театральный репертуар. Удачей театра в 2009 г. стал спектакль «Гамлет» В. Шекспира, который был поставлен на основной сцене, где одновременно присутствовали зрители и актеры. В 2010 г. успешными стали постановки спектаклей «Безотцовщина» А. Чехова, «Матросская тишина» А. Галича.

В 2011 г. зрители хорошо приняли спектакли «Женитьба» и «Я – Жанна Орлеанская».

Все эти годы творческим лидером театра оставался народный артист России Виталий Венгер, сыгравший за свою творческую жизнь более 300 ролей. В 1989 г. В. Венгеру было присвоено звание Почетного гражданина города Иркутска, в 1995 г. – звание лауреата Государственной премии Российской Федерации. В 2001 г. за роль в спектакле «Поминальная молитва» В. Венгер был удостоен премии на Первом театральном фестивале «Сибирский транзит». В 2003 г. В. Венгер был удостоен высшей театральной награды России «Золотая маска». В том же году ему было присвоено звание «Почетный гражданин Иркутской области».

В театре работали: народные артисты России Виктор Егунов, Наталья Королева, Тамара Олейник; заслуженные артисты России Анатолий Басин, Александр Берман, Александр Булдаков, Яков Воронов, Николай Дубаков, Александр Крюков, Елена Мазуренко, Капитолина Мыльникова, Владимир Орехов, Тамара Панасюк, Виталий Сидорченко, Людмила Слабунова, Геннадий Гушин [7].

Необходимо отметить, что драматический и музыкальный театры были не только «витриной достижений» региональной культуры, но и площадкой для проведения большинства наиболее значимых политических, экономических, культурных мероприятий областного, общероссийского и международного уровней. Музыкальный и драматический театры обладали наиболее крепкой экономической базой, становились «пионерами» реформ, в частности, первыми из учреждений социальной сферы области изменили свой тип на автономный. В значительной части экономическими и до определенной степени творческими успехами театры были обязаны деятельности одних из наиболее энергичных директоров своего времени – Скоробегову Дмитрию Валентиновичу [31], Шагину Владимиру Константиновичу (музыкальный театр) и Стрельцову Анатолию Андреевичу (драматический театр).

Продолжил свою работу созданный в 1991 г. «Театр пилигримов». Театр вырос из авторского проекта композитора Владимира Соколова, еще в 1983 г. создавшего рок-группу «Пилигримы». Музыкальную основу театра составила классическая музыка в сочетании с лучшими театральными традициями. Театр получил широкую известность как в России, так и за рубежом благодаря ярким постановкам и обширной гастрольной деятельности. Большое внимание театр уделял работе с молодым поколением.

Особо публикой и критикой был отмечен спектакль В. Соколова «Песни под водой».

В 1995 г. свой 60-летний юбилей отметил театр кукол «Аистенок». В этом году в театре работало всего 9 артистов, которые демонстрировали самым юным зрителям великолепные спектакли «Чудеса в животе» режиссера Льва Митрофанова, «Людвиг плюс Тутта» режиссера Рафика Юсупова, «Аистенок и пугало» режиссера Людвиг Устинова. Удачей режиссера Ю. Уткина стала постановка в 2009 г. спектакля «Федоткины смешилки, Федулкины страшилки». Особенно успешным для театра стал 2011 г., в котором театр получил множество наград Международного фестиваля театров кукол в Омске, XVIII Международного фестиваля детских театров в г. Суботице (Сербия).

Распоряжением главы администрации области от 19 октября 1999 г. Черемховский драмтеатр был передан в областную государственную собственность. Театр сосредоточился преимущественно на работе, в том числе выездной, для жителей муниципальных образований области. С большим успехом в 2010 г. шел спектакль по пьесе А. Володина «Фабричная девчонка», хорошо принятый на фестивале в Санкт-Петербурге. В 2011 г. театру было присвоено имя известного драматурга В. Гуркина.

Окончание «кокоринской» эпохи тяжело отразилось на Театре юного зрителя. Много лет в нем не было главного режиссера. В 1997 г. им был назначен Виктор Степанович Токарев, назначенный в 2001 г. также и директором театра. В полной мере на сцене ТЮЗа проявили свой талант постановщиков В. Михайлов, Н. Елесин, А. Ищенко, В. Гуркин, О. Тарновская, Л. Титов, В. Филимионов, В. Трегубенко, А. Штейнер, А. Лапиков и другие режиссеры.

Основу репертуара Театра юного зрителя составляли сказки для детей и юношества, среди которых успехом пользовались постановки «Аленький цветочек», «Необычайные приключения кота в сапогах» (С. Прокофьев, Г. Сапгир), «Снегурочка» (А. Н. Островский), «Волшебник изумрудного города» (А. Волков), «Зайка-зазнайка» (С. Михалков), «Переполох в лесу» (Г. Остер). Театр постоянно обращался к творчеству А. Вампилова. Так, в 1998 г. состоялась постановка его пьесы «Старший сын». В 2004 г. за спектакль «Прощание с Матерой» по повести В. Распутина постоянный режиссер театра А. Ищенко был награжден премией Губернатора в области культуры и искусства. В

2009 г. театр успешно поставил пьесу Г. Горина «Кин IV», в 2010 г. – «Золушку» Е. Шварца, в 2011 г. – пьесы «Укрощение строптивой» и «Три мушкетера». Театр также активно обращался к драматическим произведениям по произведениям В. Г. Распутина, А. П. Чехова, В. М. Шукшина, В. Гуркина и др. [12].

Все областные театры вели активную гастрольную деятельность на территории Иркутской области. Ежегодно совершалось несколько десятков выездных выступлений.

В конце 90-х гг. Иркутск стал местом притяжения для многих театральных коллективов Сибири. В 1999 г. в Иркутске прошел первый Всероссийский фестиваль современной драматургии им. А. Вампилова. Во втором фестивале в 2001 г. приняло участие 19 театров из различных городов России и ближнего зарубежья [19]. Фестиваль на многие годы стал крупнейшим событием театральной жизни области.

В 1997 г. по инициативе В. Шевченко состоялся первый фестиваль пантомимы Сибири и Дальнего Востока «Мимолет». Его участниками стали иркутяне, омичи, улан-удэнцы, байкальцы, три коллектива из Иркутска [8].

В 2002 г. на базе областных театров прошел второй региональный театральный фестиваль «Сибирский транзит», в котором приняли участие 19 театров Сибири.

В 2008 г. Театр юного зрителя им. А. Вампилова принял участие в организации I Областного театрального фестиваля для детей и юношества «Синяя птица», в котором участвовали 15 профессиональных и любительских театров с разных уголков Иркутской области.

Особенную нишу занял иркутский муниципальный Театр народной драмы. С большим успехом шли его спектакли «Яков Похабов», богатырская сказка для детей «Илья Муромец» и другие постановки, в основном на военно-патриотическую тематику. В 1998 г. было отреставрировано здание кинотеатра «Победа», в нем было отведено место для театра. В 2003 г. театральный коллектив стал победителем Всероссийского фестиваля «Золотой витязь». Благодарных зрителей театр находил во многих «горячих точках» планеты. В 1992 г. театр давал концерты в Приднестровье, в 1999 г. – в Белграде в Югославии, в 2000 г. – в Чечне [4].

Продолжалась творческая жизнь и в непрофессиональных театрах. Так, в 1995 г. по инициативе ангарского театра «Факел» и его лидера – заслуженного работника культуры России Алек-

сандра Кононова, в Ангарске прошел театральный фестиваль «Сибирская рампа». На него собралось 50 актеров и режиссеров любительских театров области, а также делегация из Читы. Были показаны постановки театра «Факел», театра «Чудак», театра-клуба «Диалог», «Швецарстудии», театра «Пилигримов» и других коллективов [1]. К современной пьесе обращался негосударственный театр «Юность» под руководством А. А. Худякова.

К сожалению, в силу различных обстоятельств и конфликтов, отсутствия условий для реализации своих проектов Иркутскую область покинули такие талантливые творцы, как В. Кокорин и В. Шевченко. На иркутской земле не удалось раскрыться таланту И. Вырыпаева, получившего в 2003 г. высшую театральную награду «Золотая маска» и завоевавшего множество других российских и международных наград за свою театральную и кинематографическую деятельность.

Центром музыкальной жизни области оставалась Иркутская областная филармония. Наиболее известным и профессиональным коллективом филармонии был Губернаторский симфонический оркестр, способный исполнять на высоком уровне произведения любой сложности. Свой профессионализм оркестр демонстрировал, в том числе, во время исполнения опер классического репертуара в концертном исполнении с участием солистов Большого театра России и оперного театра Ла Скала (Италия).

Главным дирижером и художественным руководителем Иркутского симфонического оркестра с 1990 по 2009 г. был О. Зверев. С 1 августа 2009 г. на должность главного дирижера и художественного руководителя Губернаторского симфонического оркестра Иркутской филармонии приглашен Илмар Лапиньш. Критики отметили новое звучание оркестра, слушатели стали значительно активнее посещать филармонические концерты.

В рассматриваемые годы артисты филармонии создавали различные творческие коллективы, исполняющие в основном музыку академического направления. В 1992 г. под руководством заслуженного артиста России И. Афанасьева был создан брасс-квintет. В том же году Б. Семенова создала хоровой коллектив, впоследствии получивший название Молодежного камерного хора. В 1994 г. заслуженный артист России Ю. Кузьмин создал трио «Рондо», М. Крутикова – ансамбль «Барокко», а Ю. Кологреев – фортепианный квинтет. В 1995 г. скрипачка А. Варутина и органистка Л. Мацюра создали дуэт «Концертино». В 1998 г. появил-

ся ансамбль «Камерата», исполняющий произведения с участием гитары. В этом же году в филармонии начал свою работу ансамбль русских народных инструментов «Байкал-квартет» под руководством В. Соколова. В 1998 г. началась концертная деятельность ансамбля солистов Иркутской филармонии, направленная на возрождение забытых и редко звучащих образцов отечественной и зарубежной музыки, под руководством В. Карпенко. В 2003 г. под руководством Бориса Бикбова был создан ансамбль русских народных инструментов «Русский сувенир». Заслуженной любовью зрителей пользовалась концертная группа «Солнышко».

Гордостью филармонии в эти годы оставались ее солисты: заслуженная артистка России Н. Головина (сопрано), заслуженный артист России М. Клейн (фортепиано), М. Аюш (баритон), Б. Изаксон (фортепиано), А. Чудновский (аккордеон), Н. Васильева (сопрано), Р. Бурматов (гитара).

Иркутская филармония ежегодно давала множество концертов в районах области. Гастроли симфонического оркестра и других коллективов филармонии успешно проходили в Японии, Германии, Китае, США, Канаде, Франции и Швейцарии [15, с. 2–15].

Филармония постоянно организовывала концертные программы для детей и юношества, лекторийные циклы и концерты для самой различной аудитории, продолжала традиции проведения фестивалей органной, камерной, хоровой и народной музыки, творческих вечеров иркутских композиторов и ведущих деятелей культуры.

Не терял своей популярности органной зал. Ежегодно проводился фестиваль камерной и органной музыки, организовывались концерты, оригинальные сольные программы Л. Мацюры и Л. Янковской, распространялись абонементы для детей и на другие мероприятия. В органном зале часто проходили гастроли известных в России и за ее пределами органистов и других музыкантов.

В начале XXI в. филармония стала центром хорового искусства Иркутской области. Здесь успешно выступали Иркутский камерный хор (художественный руководитель О. Баширина), академический хор молодежи и студентов классического университета (художественный руководитель Т. Ромашенко), ансамбль «Пой, Friend!» из ИрГТУ (художественный руководитель Г. Гиленова), молодежный камерный хор филармонии (художественный руководитель В. Щукина) [18]. На сцене филармонии высту-

пал, созданный в 1991 г., иркутский хор «Доместик» (художественный руководитель Наталья Шадорова).

В 2011 г. филармония выступила организатором Первого международного фестиваля оперной музыки «Дыхание Байкала» и конкурса молодых оперных певцов «Бельведер».

Больших успехов добивалось новое поколение музыкантов. Так, Д. Мацуев – выпускник областной детской школы искусств, выпускник училища им. Гнесиных, Московской консерватории, стал победителем 11-го Международного конкурса им. П. И. Чайковского в Москве в 1998 г. Позднее Д. Мацуев за большие заслуги в музыкальном искусстве и в общественной деятельности был удостоен многих наград, в том числе в 2006 г. ему было присвоено звание заслуженного артиста Российской Федерации, в 2011 г. – народного артиста Российской Федерации, в 2009 г. – почетного гражданина г. Иркутска. В 2009 г. Д. Мацуев стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Радовали жителей области своим творчеством иркутские композиторы А. Тепляков, В. Зоткин, Ю. Шуминов, Л. Янковская, Д. Григоруце, В. Соколов, С. Маркидонов, создававшие произведения преимущественно в камерно-инструментальном, песенном и романсовом жанре.

С 1997 г. в области действовало Иркутское областное представительство Союза композиторов России. В 2003 г. была создана Иркутская областная организация «Союз композиторов» (председатель Л. В. Янковская). Основной формой работы союза стала концертная и издательская деятельность, содействие творческому росту молодых композиторов.

Активно развивалась музыкальная фестивальная жизнь. В Ангарске и Иркутске «Ангарский джазовый фестиваль» собирал полные залы.

В июне 2006 г. состоялся 1-й Международный фестиваль джазовой музыки «Джаз на Байкале». Перед иркутянами выступили около 20 ярчайших джазовых коллективов и музыкантов США и России, в том числе квартет Д. Грина, трубач Дж. Пелт, американская джазовая певица Ш. Джордан. Фестиваль стал традиционным.

Тысячи любителей авторской песни и не только из Иркутской области собирались на ежегодном фестивале авторской песни на р. Олхе.

Крупнейшим музыкальным событием в жизни области стал прошедший в сентябре 2004 г. 1-й Международный музыкальный

фестиваль «Звезды на Байкале», инициатором которого стал пианист Д. Мацуев. В концертах в Иркутске приняли участие прославленный маэстро М. Горенштейн, скрипач, народный артист России М. Федотов, В. Спиваков, Г. Гаранян [3]. Первоначально проводившийся раз в два года фестиваль стал неотъемлемой частью культурной жизни региона, и в 2008 г. было принято решение проводить фестиваль ежегодно.

Ключевую роль в культурно-просветительской и образовательной деятельности для населения области играли библиотеки. На протяжении 90-х гг. библиотечная сеть области неуклонно сокращалась. Если в 1991 г. в области действовало 1027 библиотек, то в 1999 г. только 850. В основном сокращались библиотеки городов и поселков городского типа [32; 38]. В 2011 г. в области насчитывалось 790 публичных библиотек, из них 5 были государственными)¹. Основной проблемой библиотек оставалось моральное и физическое старение фондов. Для сохранения показателей объема фондов библиотекам приходилось искусственно сдерживать процесс списывания библиотечных экземпляров. Объемы закупок книг значительно отставали от потребностей. Все это в совокупности негативно сказывалось на популярности библиотек у читателей.

Ведущим методическим центром все описываемые годы оставалась областная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского. В течение многих лет здание библиотеки находилось в аварийном состоянии. В октябре 1995 г. произошло обрушение исторического здания библиотеки, став наглядным примером неблагополучия в этой сфере [20]. Низкой была зарплата библиотечарей, слаба автоматизация библиотечного дела.

С 1997 по 2006 г. в библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского произошли значительные изменения, в том числе были созданы американский центр, центр французского языка и культуры, отдел автоматизации и информатизации, электронный читальный зал, публичный центр правовой информации, отдел историко-культурного наследия, информационный центр восточной культуры. Читателям была предоставлена возможность бесплатного доступа к сети Интернет, просмотра передач телевидения европейских стран, художественных и документальных фильмов в видеозалах и другие новые услуги. На рубеже нулевых и 10-х гг. XXI в. библиотека стала активно заниматься предоставлением ус-

¹ Информация Министерства культуры и архивов Иркутской области.

луг в электронном виде. Был открыт доступ к библиотечным каталогам и другим ресурсам, в том числе к базе периодических изданий, выпущенных на территории современной Иркутской области.

Деятельность Областной юношеской библиотеки им. И. П. Уткина была ориентирована на создание условий для социализации молодого человека. Библиотека работала в качестве научно-методического центра для муниципальных библиотек Иркутской области, обслуживающих молодых читателей. Для поддержки начинающих авторов библиотека издавала литературно-художественный альманах «Первоцвет».

Областной детской библиотеке в 1997 г. было присвоено имя иркутского писателя М. Сергеева. В 2001 г. в филиале библиотеки был открыт отдел краеведения и литературного наследия М. Сергеева, где была развернута постоянно действующая выставочная экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя.

В 1997 г. в Иркутске было создано новое муниципальное учреждение культуры – Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых. История его создания ведет свой отсчет с завещания г. Иркутску уникального книжного собрания, состоявшего из 15 тыс. книг на разных языках и 25 тыс. периодических изданий на русском языке, которые издавались на протяжении десятков лет и практически отсутствовали в библиотеках России.

Постоянно увеличивали объем основных и вспомогательных фондов государственные и муниципальные музеи Иркутской области, призванные хранить, изучать и популяризировать наследие народов России. Образовывались и новые музеи. Так, 1 января 1994 г. филиал Иркутского областного краеведческого музея был преобразован в архитектурно-этнографический музей «Тальцы». 21 сентября 1996 г. был торжественно открыт Музей истории города Иркутска. В 1999 г. у музея появился филиал – Городской выставочный центр им. В. С. Рogaля. К 2011 г. в области насчитывалось 48 музеев, 3 из которых входили в состав культурно-досуговых центров. В этом году в государственных музеях области хранилось около 500 тыс. музейных предметов [22]. Особо ценными коллекциями обладали такие старейшие собрания, как Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева и Иркутский областной краеведческий музей.

Особое место в культурной жизни региона занимал архитектурно-этнографический музей «Тальцы», расположенный в 47 км от Иркутска на правом берегу Ангары. В музее были ретроспек-

тивно воссозданы историко-культурные зоны Прибайкалья: русская, бурятская, эвенкийская и тофаларская. В 1995 г. Указом Президента РФ музейный комплекс был отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. В 1999 г. музей, ранее функционировавший только в летний туристический сезон, перешел на круглогодичную работу. В этом же году он стал Методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля. Заслуженно пользовались любовью иркутян традиционные народные праздники, проводимые в музее: Рождество, Масленица, Пасха, Троица. Вокруг музея объединились мастера, владеющие навыками ткачества, плетения из лозы, изготовления изделий из бересты и глины.

В 1991 г. был закрыт на капитальный ремонт отдел природы Иркутского областного краеведческого музея, с этого времени началась разработка проекта новой экспозиции по природе Прибайкалья. В 1996 г. был открыт первый зал, а в декабре 2000 г. – экспозиция была открыта полностью.

3 октября 2005 г. была открыта Музейная студия краеведческого музея. Кроме показа коллекций в его залах проводились семинары, научно-практические конференции. Ежегодно здесь собирались представители музеев Иркутской области на областной музейный фестиваль «Маевка». Большой популярностью у посетителей студии пользовались концерты народной и классической музыки.

В 2000 г. Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов выделился в самостоятельное государственное учреждение культуры. До 2008 г. музей возглавлял Евгений Александрович Ячменев.

В структуру музея вошли два экспозиционных отдела «Дом и усадьба Трубецких» и «Дом и усадьба Волконских». Дом и усадьба Трубецких в 2006 г. был закрыт на реставрацию. После окончания реставрации, в 2011 г., в доме была восстановлена постоянная экспозиция «Каторга и ссылка декабристов. Семья Трубецких в сибирской ссылке».

Ежегодно в декабре музей проводил традиционный областной фестиваль «Декабристские вечера». В дни фестиваля шли концерты в Иркутской областной филармонии, литературно-музыкальные салоны в домах Волконских и Трубецких, литературные вечера в областных и городских библиотеках, выездные меро-

приятия в городах и селах Иркутской области. При доме-музее Волконских открылся и существовал домашний театр Волконских.

В 1990 г. Иркутскому областному художественному музею было присвоено имя его основоположника – В. П. Сукачева. В 1992 г. в структуре музея была открыта научно-реставрационная мастерская, которая стала единственным подобным подразделением в региональных музеях Сибири. Музей развивал широкие всероссийские и международные связи. В 2004 г. был реализован проект «Эрмитаж в Сибири». Традицией стали выставки в ИОХМ шедевров из Японии, Кореи, Китая, Великобритании. Музей демонстрировал свои художественные сокровища в различных регионах страны [16, с. 14–15]. На базе музея активно проводились музыкальные, творческие, литературные вечера с участием известных российских музыкантов, актеров, литераторов.

Значительные усилия были приложены к реставрации объектов усадьбы городского типа В. П. Сукачева, расположенной в уникальном парке, занимающем около 4 га. К 160-летию со дня его рождения (2009 г.) в главном доме была создана обновленная мемориально-художественная экспозиция семьи Сукачевых. Фонды музея активно пополнялись произведениями современных сибирских, особенно иркутских мастеров.

По сути, все годы художественный музей оставался центром для демонстрации художественного наследия и современной художественной жизни Иркутска, а также одним из наиболее известных за пределами Иркутской области областных учреждений культуры.

Известностью пользовались уникальный Ангарский музей часов, Братский государственный объединенный музей и другие муниципальные музеи.

Уникальным частным музеем стала картинная галерея поэта Владимира Пламеневского, открытая им в 1996 г. в п. Листвянка на Байкале вместе с гостевыми домиками. Частыми посетителями и жильцами галереи стали художники из Москвы и Санкт-Петербурга, Франции и Канады, Германии, Японии, США. В 2008 г. галерея полностью сгорела, из 300 произведений удалось сохранить только 54 [25]. Позднее галерея была восстановлена.

Развивалось народное творчество Приангарья как часть наследия национальной культуры народов, населяющих Сибирь. Специфичность народного творчества жителей области состояла в том, что наряду с традиционным искусством коренного населе-

ния (буряты, эвенки, тофалары) сохранились традиции носителей других культур (белорусы, поляки, украинцы, немцы). Среди ремесел наиболее распространенной в регионе были резьба по дереву и бересте. Мастера изготавливали высокохудожественные и одновременно утилитарные предметы домашнего обихода – тучеса, коробки, шкатулки, столы и пр. Также была распространена вышивка, художественная керамика, резьба по камню.

Продолжал свою деятельность Областной центр народного творчества и досуга. В октябре 2003 г. ОЦНТиД, впервые за свою 65-летнюю историю, получил в подарок свой собственный дом – был воссоздан историко-архитектурный памятник 1880-х гг. постройки – дом причта Тихвинской церкви. Гордостью центра стал выставочный зал, где постоянно размещались экспозиции мастеров Иркутской области.

Центр был главным организатором таких известных мероприятий, как областной фестиваль «Дни русской духовности и культуры «Сияние России», фестивалей «Рождественская звезда», «Золотой микрофон», «Поющее Приангарье», «Сибирское мужское братство», «Байкальское кружево», «Театральная деревня», «Театральная весна на БАМе», «Прикосновение к русской классике», «Сибирские родники», Всероссийский фестиваль видеофильмов по народному творчеству, традиционной культуре и этнографии, Всероссийский фестиваль детских и юношеских любительских театров «Театральные каникулы на Байкале» и мн. др.

Деятельность ОЦНТиД была отмечена многими наградами, в том числе он стал «Лучшим Центром (Домом) народного творчества Российской Федерации» в 2004–2005 гг., 2008 г.

Пожалуй, из всех отраслей сферы культуры наиболее успешно встроился в систему рыночных отношений кинопрокат. Однако и он в начале 90-х гг. переживал кризис. Только в 1992 г. цена посещения кинотеатра возросла в среднем в 3 раза, цена фильмокопии в 20 раз. Это вызвало снижение посещаемости кинотеатров [26].

В июне 1992 г. в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда» состоялся круглый стол, посвященный проблемам кинопроката. Собравшиеся отметили резкое сокращение сети кинотеатров, их бедственное материальное положение. Крайне тяжелая ситуация сложилась на селе. Особую критику вызывало засилье американских фильмов, пропагандирующих жестокость. Однако признавалось и низкое качество современных отечественных

лент [28]. Переломить ситуацию не удалось. Только с 1996 по 2001 г. число киноустановок сократилось более чем в четыре раза – с 448 до 105 [18, с. 41]. В 2010 г. в Иркутской области насчитывалось 60 кинотеатров, из них 28 были государственными и муниципальными, оставшаяся часть ведомственными и частными [23].

Однако ситуация в кинопрокате изменилась если не в количественном, то в качественном плане. В областном центре, в городах Братске, Шелехове и Ангарске, благодаря частной инициативе, происходило переоборудование кинотеатров с использованием современных технологий. Обновленные кинотеатры стали основой для проката, прежде всего, зарубежных картин. Но больше стало демонстрироваться и отечественных фильмов.

Продолжали свою деятельность Иркутская студия кинохроники, Восточно-Сибирское отделение Союза кинематографистов России. Большой популярностью пользовались «киновидеочетверги», на которых обсуждались фильмы различных студий кинохроники области. Иркутские кинематографисты успешно участвовали в престижных российских кинофорумах. Прекрасную иркутскую школу демонстрировали кинооператор Е. Корзун, кинорежиссер В. Рютин.

В 1997 г. было создано государственное учреждение «Иркутский областной кинофонд». Его задачей было сохранить кинофонд и обеспечивать новыми фильмами кинотеатры региона. В хранилище облкинофонда размещалось более 2000 копий документального и научно-популярного кино. Учреждение занималось производством фильмов, созданием кинолетописи области, демонстрацией новинок российского и зарубежного кинематографа, которые не поступали в «массовый прокат».

Наиболее значимым событием в сфере кинематографии стал Международный фестиваль документальных, научно-популярных и учебных фильмов «Человек и природа». В конкурсной программе 2002 г. было показано 38 фильмов производства 14 киностудий и 5 региональных телестудий России, а также кинематографистов Китая, Финляндии, Белоруссии, Латвии, Украины, Германии [18, с. 26]. Фестиваль стал традиционным, в его рамках ежегодно стали проходить круглые столы по проблемам документального кино и экологического просвещения, открытые уроки для школьников и студенчества с участием выдающихся деятелей кинодокументалистики и другие мероприятия.

Продолжал свою работу один из старейших и наиболее авторитетных творческих союзов – Иркутская организация Союза художников России. Активно работали такие известные и талантливые творцы, как А. Алексеев, Б. Бычков, А. Костовский, Л. Сериков, С. Элоян, В. Кузьмин, В. Тетенькин, В. Рогаль, В. Смагин, Е. Ушаков, Е. Шпирко, Р. Бардина, Е. Симонов, А. Лодянов, Н. Лодянова, В. Соколов и мн. др.

Убедительно заявили о себе и художники 1990-х гг., такие как В. И. Несынов, С. Г. Жилин, Г. Ю. Кузьмин, Я. Ю. Лисицина, Е. В. Монохов, А. О. Погребной, П. П. Ончуков. Активную творческую деятельность вело молодежное объединение Союза художников, объединяющее профессиональных художников, искусствоведов, студентов художественного училища, факультетов изобразительных искусств технического и педагогического университетов.

Приоритетным направлением в работе Иркутского регионального отделения Всероссийской творческой организации «Союз художников России» оставалась выставочная деятельность. Проходили как совместные, так и персональные выставки. В 1996 г. состоялась выставка иркутских художников в Москве. В 2002 г. были проведены традиционная осенняя областная художественная выставка, персональные выставки в Москве, Красноярске. С выставочными работами познакомились жители Братска, Усть-Илимска, Усть-Орды. Достоинно представили иркутскую школу живописи в Швейцарии, Германии мастера кисти С. Жилин, И. Ширшков, С. Элоян, А. Пурлик.

Самым масштабным событием в истории художественной жизни Иркутской области стала региональная выставка «Сибирь-9», прошедшая в сентябре 2003 г. Участие в ней приняли более 600 живописцев, скульпторов, графиков, иконописцев, мастеров декоративно-прикладного, народного, театрально-декорационного искусства, дизайна и художественного проектирования из разных регионов Сибири [5].

В июле 2004 г. 25 лучших художников Иркутской области с большим успехом демонстрировали свое искусство в Москве, в Центральном доме Союза художников. А. Алексеев, В. Рогаль, А. Муравьев, А. Лодянов, Н. Башарин, Г. Шихалев, Е. Турунов, А. Шипицин сумели подтвердить высокий авторитет сильной и самобытной школы иркутской живописи, отличительными особенностями которой являются глубокая индивидуальность и высокое мастерство авторов [21].

В 2012 г. большая выставка иркутских художников состоялась в Москве, в стенах Государственной Думы Российской Федерации.

В 90-е гг. XX столетия и первые годы XXI в. при Иркутском союзе художников продолжила свою деятельность группа художников, работающая в различных областях декоративного искусства: керамике, фарфоре, стекле, ювелирном искусстве, гобелене, дереве. Работы иркутских мастеров экспонировались на областных, всесоюзных и международных выставках, пополняли собрания музеев Иркутска и других городов. Благодаря работе иркутских прикладников значительно обогатился художественный облик продукции предприятий области.

Особенно сложно пришлось прикладникам в 90-е гг., что во многом было связано с приостановкой и закрытием ряда предприятий. Свидетельством продолжения успешных творческих поисков стала выставка «Декоративно-прикладное искусство Иркутска. 20 век», прошедшая в залах Иркутского художественного музея им. В. П. Сукачева в 2000 г.

В 90-е гг. XX в. на Хайтинском фарфоровом заводе работали такие талантливые художники, как Л. Генинг, Л. Рычагова, З. Кокорина, О. Вахрушева, С. Богданова, О. Копенкина.

Художники Приангарья продолжили создание удивительных по форме и богатству содержания произведений из керамики: декоративные композиции, игрушки, декоративные наборы посуды, вазы, сервизы, блюда, сосуды, панно, украшения. Во многих произведениях нашли отражение образы сибирской природы и народной жизни. С большим интересом жители области относились к творчеству Л. и С. Назаровых, А. Иванова, Т. Мамиловой, В. и О. Никишиных, Т. Кузнецовой, В. Максимова и мн. др.

Большое значение для развития прикладного искусства в нашей области сыграло открытие в 1993 г. в ИрГТУ кафедры монументально-декоративной живописи во главе с В. Г. Смагиным и декоративно-прикладного искусства и дизайна во главе с В. И. Несыновым.

Единственным представителем такой сложной области декоративного искусства в нашей области, как «декоративное стекло», является воспитанник ленинградской художественной школы Б. Т. Бычков, чья жизнь в Сибири была много лет связана с Тулунским стекольным заводом. Большой вклад в развитие искусства обработки камня в Сибири внесли художники А. и Н. Лодяновы. На долгие годы их любимым камнем стал нефрит. Инте-

ресные изделия из гобелена создают в эти годы В. Смагин, А. Медведев, Н. Лебедева и др. Славные традиции резчиков по дереву Приангарья продолжила художница из Братска О. Крылова. Мастерское владение приемами обработки металла, камня, дерева, кожи, кости демонстрировал в своих произведениях В. Огиенко. Очень сложные и философски наполненные скульптуры из дерева создал в эти годы Л. Сериков [6, с. 6–105]. В марте 2009 г. художники-прикладники создали свое творческое объединение «Иркутское областное отделение «Союз художников и ремесленников Прибайкалья».

Творческая жизнь писателей шла в условиях значительного ухудшения их положения. Сильным ударом для литераторов стало крушение системы государственного книгоиздательства. В первой половине 90-х гг. было выпущено вдвое меньше книг, чем за предыдущие 5 лет.

До 1995 г. успели появиться роман Д. Сергеева «Посреди зимы», роман К. Балкова «Идущие во тьму», сборник И. Комлева «У порога», некоторые работы М. Трофимова, А. Просекина, М. Сергеева, В. Пламеневского, А. Румянцева, С. Иоффе. Вышли первые отдельные издания прозаиков А. Семенова, Т. Швецова, В. Диксона, поэтессы Т. Мироновой, сборник молодых «Авантюра по имени Новая Жизнь». Однако большинство произведений так и оставались неопубликованными.

Практически перестала выпускать книги иркутян Москва. Из-за удорожания бумаги, типографских и транспортных расходов снизилось количество выпускаемых книг Восточно-Сибирским книжным издательством. Прекратился выпуск серий, принесших издательству всероссийскую известность: «Полярная звезда», «Литературные памятники Сибири», «Замечательные люди Сибири», «Сибирская живая старина». Прекратил свою деятельность Литературный фонд СССР, предназначенный для организации материальной поддержки литераторов, содействия их творчеству.

Отсутствие средств поставило под вопрос существование журнала «Сибирь», органа, который, по существу, и сплавивал ряды писательской организации. Номера выходили от случая к случаю. Радикально были сокращены штаты писательской организации. Серьезную помощь писателям оказывали областная и городская администрации, но помощь не была достаточной.

Несмотря на многочисленные трудности, в начале 90-х гг. появились новые периодические издания – альманахи «Иркутская

старина» (сост.-ред. В. Козлов) и журнал «Сибирячок» (гл. ред. С. Асламова) – единственный в Восточной Сибири детский журнал [24, с. 8–9]. Деятельность редакции была оценена Всероссийским обществом охраны природы Памятной медалью за экологическое воспитание детей. С 2006 по 2011 г. журнал неизменно получал Знак отличия «Золотой фонд прессы». Издания, имеющие данный знак, рекомендовались российским библиотекам для комплектования своих фондов. В силу своей высокой социальной значимости журнал «Сибирячок» стал государственным учреждением и полностью финансировался из областного бюджета.

Внутри писательской организации продолжался кризис, причиной которого оказались идеологические разногласия по политическим, национальным, культурным вопросам. К началу 90-х гг. из организации вышло 11 писателей.

В 1992 г. в качестве самостоятельной организации оформилось Иркутское региональное отделение Союза российских писателей, который возник как противовес Союзу писателей России – правопреемнику СП РСФСР. Новая организация стояла на демократических позициях. В нее вошли: А. Шастин (первый руководитель), Ю. Самсонов, С. Иоффе, В. Захарова, А. Кобенков, Дм. Сергеев, М. Сергеев, Е. Жилкина, В. Марина, Б. Левантовская, В. Трушкин. В 1992–1995 гг. в организацию вступили писатели, уже имевшие опубликованные книги, в том числе Ф. Боровский, А. Просекин, Б. Ротенфельд, Л. Бендер, О. Корнильцев, В. Пламеневский и другие писатели, драматурги, поэты, критики. В мае 1999 г. союз открыл в Иркутске свой Дом литераторов имени Марка Сергеева [2].

Позднее, в 2001 г. поэтом А. Румянцевым была создана новая Иркутская областная писательская организация, в которую кроме него вошли прозаики К. Балков, Ю. Балков, Б. Лапин, поэты В. Соколов и И. Новокрещенных, сказочница С. Волкова.

В начале 90-х гг. при организации Союза писателей России были созданы издательства «Сибирь», «Папирус», «Письмена», которые за пять лет своей работы издали более 50 книг [24, с. 8]. Позднее появилось некоммерческое объединение «Иркутский писатель», возглавляемое А. Лаптевым. Книги выходили на деньги авторов, спонсоров, а также за счет средств, выделенных администрациями области и г. Иркутска. Зачастую писатели вместо гонораров получали часть тиража для реализации [29, с. 40–41].

Несмотря на сложности, писатели активно работали с общественностью, при полных залах проводили свои творческие вечера, юбилеи писателей-классиков, встречи с духовными, политическими, общественными деятелями. Активно работали писатели с литературно одаренной молодежью [9]. Большое значение для творческой молодежи играл заочный семинар Московского литературного института им. А. М. Горького, в котором занималось 12 молодых писателей области. Руководителями семинара были В. Распутин и А. Румянцев.

К концу 90-х гг. ситуация в писательской среде начала выправляться, усилилась поддержка союзов со стороны администрации Иркутской области; деньги, в том числе, выделялись на издание журнала «Сибирь».

В. Г. Распутин в эти годы написал свои новые рассказы о народных бедах в постперестроечной России, выступил с яркими публицистическими статьями в центральной прессе, в которых раскрыл темы национального характера, сохранения веры предков – православия, необходимости ставить во главу угла духовно-нравственное, а не материальное начало. В год 60-летия писателя профессор ИГУ Н. Тендитник писала, что «...публицистика Распутина несет в себе сверххудожественную задачу. Она возвращает народу национальную память, художественный и нравственный опыт народа и его историю...» [33]. В 2004 г. у В. Г. Распутина вышла новая книга «Мать Ивана, дочь Ивана», продолжилась работа над книгой «Сибирь, Сибирь...».

Автором многочисленных очерков и статей о русской народной культуре выступил А. Г. Байбородин. Так, в 1992 г. он стал составителем сборника «Россия древняя и вечная», в котором поместил обширный очерк-размышление об отрицательном влиянии массовой культуры на молодежь и о необходимости возвращения к истинным, духовным ценностям.

Г. Машкин создал романы об освоении Сибири и воспоминания о писателях-современниках, В. Хайрюзов написал произведения, основанные на личном опыте, том числе об октябрьских событиях в Москве в 1993 г. О социальных и семейных проблемах в перестроечное время писала в своем сборнике повестей «Дело житейское» В. Сидоренко. Глубоким сочувствием к сербскому народу была наполнена повесть В. Нефедьева «Косовский дневник». В 2006 г. увидела свет книга Г. Пакулова «Гарь» о протопе Аввакуме. Пьеса Н. Матхановой «Из Америки с любовью» была поставлена в драматическом театре, и в ходе гастро-

лей была хорошо встречена американским зрителем. Своего читателя находили прозаики А. Гурулев, А. Семенов. Известность получили исторические романы О. Слободчикова. Начиная как фантаст, А. Лаптев продолжил разрабатывать социальную тематику, в том числе в повести «Как я работал охранником». Стихи и прозу для детей и взрослых писал Ю. Баранов. Своих читателей находили прозаики В. Карнаухов, В. Максимов, А. Попов. Талантливые стихи, в которых переживалась современная судьба России, в это время писали А. Горбунов, Т. Суровцева, Р. Филиппов, В. Забелло, В. Соколов. О большой и малой родине, о выдающихся современниках писал в своих стихах В. Скиф.

Новой славной традицией стало проведение фестивалей поэзии на Байкале. Его создателем стал поэт Анатолий Кобенков. В те годы он возглавлял Иркутское отделение Союза российских писателей. За несколько лет существования гостями фестиваля стали А. Алехин, Л. Аннинский, М. Бородицкая, Р. Бухараев, Д. Веденяпин, А. Грицман, Е. Евтушенко, И. Ермакова, И. Иртеньев, В. Калашников, Т. Кибиров, К. Ковальджи, Г. Кружков, П. Крючков, Ю. Кублановский, А. Кушнер, Е. Рейн, О. Хлебников, Е. Чигрин, С. Янышев, М. Яснов и др. В 2002 г. фестиваль прошел под названием «Поэты – детям», в 2003 г. в лучших залах Иркутской области прозвучал голос замечательного поэта Е. Евтушенко.

В первое десятилетие XXI в. традиционными стали литературные вечера «Этим летом в Иркутске», проводившиеся на базе драматического театра и ставшие площадкой для встреч с заинтересованным зрителем писателей, поэтов, режиссеров и других деятелей культуры и искусства, придерживающихся преимущественно консервативных взглядов на развитие культуры и выступавших за сохранение традиционных ценностей. Ключевую роль в подборе участников вечеров играл В. Г. Распутин.

В 2010 г. было создано новое областное государственное учреждение – «Иркутский областной дом литераторов». Основной целью учреждения стала пропаганда и содействие литературному творчеству писателей области.

В 1993 г. прошли первые (ставшие затем ежегодными, а с 1997 г. – областными) Дни русской духовности и культуры. Их инициаторами стали В. Г. Распутин, епископ Иркутский и Ангарский Вадим и мэрг. Иркутска Б. А. Говорин. В течение недели в различных аудиториях вместе с иркутскими писателями выступали гости из Москвы, российских и сибирских городов – поэты,

прозаики, публицисты, певцы, кинорежиссеры. «Дни русской духовности и культуры. Сияние России» стали одними из самых масштабными и значимых событий в культурной жизни области, возможностью познакомиться с творчеством лучших коллективов области, развивающих традиции народного творчества.

В 1993 г. было принято важное решение о возобновлении проведения после многолетнего перерыва конференции «Молодость. Творчество. Современность» в Иркутске. Конференция на много лет стала главной площадкой для роста и смотра сил творческой молодежи по различным направлениям культуры и искусства.

Ежегодно театральные подмостки, музыкальные коллективы, библиотеки, музеи и другие учреждения культуры пополнялись выпускниками 5 средних специальных учебных заведений, в том числе Иркутского областного колледжа культуры, Иркутского музыкального колледжа им. Ф. Шопена, Иркутского художественного училища (техникума) им. И. Копылова, Иркутского театрального училища, Братского музыкального училища. Также в области действовали учреждения дополнительного образования – школы искусств, которых в 2011 г. насчитывалось 110, в том числе одна областная.

В 2011 г. в г. Иркутске при Сибирской академии права, экономики и управления был открыт Институт культуры, в котором можно было получить высшее профессиональное образование в сфере культуры.

Большое внимание уделялось сохранению историко-культурного наследия. В начале XXI в. на территории области имелись объекты культурного наследия всех видов – памятники, ансамбли, достопримечательные места. Под государственной охраной состоял 491 памятник истории и архитектуры регионального значения, 79 – федерального значения, в том числе уникальный комплексный памятник инженерного искусства – Кругобайкальская железная дорога.

Статус «исторического населенного места» имели 9 городов и сел области, в том числе города Иркутск, Нижнеудинск, Киренск, Усолье-Сибирское, села Урик, Верхоленск, Бельск, Усть-Куда и Александровское.

Возводились новые памятники. Так, 16 февраля 1998 г. было начато строительство памятника воинам-интернационалистам на Площади Декабристов. Открытие памятника состоялось 8 мая 2000 г. 8 октября 1999 г. на бульваре Гагарина был торжественно

открыт памятник сотрудникам правоохранительных органов, погибшим при исполнении служебного долга.

В октябре 2003 г. на бульваре Гагарина в Иркутске был торжественно открыт воссозданный памятник Александру III, средства на который были предоставлены ОАО «РЖД». Гармонично вписался в городской пейзаж открытый 20 сентября 2003 г. в г. Иркутске памятник драматургу А. Вампилову на ул. К. Маркса возле сквера у Драматического театра.

Общественную дискуссию вызвала установка 2 ноября 2004 г. памятника адмиралу А. Колчаку возле Знаменского монастыря в г. Иркутске. Большое количество памятников, в том числе памятник первопроходцам, были открыты в Иркутске в ходе празднования 350-летия г. Иркутска.

К 350-летию юбилею г. Иркутска по инициативе губернатора Иркутской области Д. Ф. Мезенцева была начата реставрация 130-го исторического квартала города «Иркутская слобода», в том числе там началось строительство музея ремесел и интерактивного музея. В октябре 2012 г. на территории 130-го квартала был установлена бронзовая фигура мифического зверя бобра, несущего в зубах соболя, вызвавшая неоднозначную реакцию иркутян.

В 2006 г. произошло объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. В соответствии с политическими договоренностями Усть-Ордынский округ сохранил за собой особый статус, закрепленный законодательно. Одним из выражений особого статуса стала поддержка деятельности государственных учреждений культуры, действующих на территории округа, в том числе национальной библиотеки, национального музея, киноконцертного зала «Эрдем», ансамбля «Степные напевы» и др. Также было создано новое государственное учреждение культуры, призванное содействовать развитию культуры народов, традиционно проживающих на территории округа – «Центр сохранения и развития бурятского этноса», в 2011 г. переименованный в «Центр культуры коренных народов Прибайкалья».

Подводя итоги, следует отметить, что в 90-е гг. культура Иркутской области пережила серьезный кризис, разрушение материальных основ культурной деятельности, морального упадка. Позднее ситуация значительно улучшилась, однако за весь «постсоветский» период не удалось решить такие сложные проблемы, как старение объектов недвижимости учреждений куль-

туры, сокращение и моральное старение библиотечных фондов, разрушение музейных предметов из-за отсутствия реставрационной базы. Низким оставался уровень оплаты труда работников культуры. В наиболее тяжелом положении находилась сельская культура. Талантливая молодежь и уже состоявшиеся творцы продолжали покидать Иркутскую область, уезжая в центральные города России и за рубеж.

В то же время свобода художественной деятельности, сильные творческие школы, творческий энтузиазм артистов, художников, музыкантов, писателей и других деятелей культуры и искусства позволили и в эти сложные годы создавать ценные в художественном смысле произведения, которые продолжали находить своего слушателя, читателя, зрителя.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему работники сферы культуры опасались приватизации отрасли?
2. Как были распределены полномочия в сфере культуры между органами государственной власти и местного самоуправления?
3. Какие меры государственной поддержки оказывали органы государственной власти творческим работникам и организациям культуры и искусства?
4. Какие наиболее значимые законодательные акты в сфере культуры на федеральном и региональном уровне были приняты в конце XX – первое десятилетие XXI в.?
5. В чем причины недостаточного финансирования сферы культуры Иркутской области?
6. Опишите кризис финансирования сферы культуры области первой половины 90-х гг. XX в.
7. Расскажите о деятельности и наиболее важных достижениях государственных театров Иркутской области.
8. Как вы считаете, почему многие деятели культуры и искусства Иркутской области покинули Иркутскую область? Приведите примеры.
9. Расскажите о развитии музыкального искусства в Иркутской области, ведущих музыкальных коллективах области.
10. Какие самые известные события в музыкальной жизни области происходили в конце XX – нач. XXI в.?
11. Какие новые музеи появились в Иркутской области в 90-е гг. XX в.?
12. Расскажите о проблемах и достижениях в развитии музейного дела в Иркутской области.
13. Какие виды ремесел развивались в Иркутской области?
14. Каких наиболее известных художников Иркутской области вы знаете?
15. Назовите причины раскола в писательской среде.
16. Назовите известные вам произведения писателей – жителей Иркутской области, написанные в 90-е гг. XX – нач. XXI в.

17. Какие скульптурные композиции, открытые в Иркутске в XXI в., вы знаете? Какие вы считаете наиболее удачными и почему?
18. Считаете ли вы развитие культуры в Иркутской области в конце XX – нач. XXI в. успешным? Обоснуйте свой ответ.

Литература

1. Беспровзванный Леонид «Авангардная тусовка театралов» // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 21 янв.
2. Быков Е. Имени Марка Сергеева // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 5 мая.
3. Быков О. В добрый путь, фестиваль! // Вост.-Сиб. правда. – 2004. – 18 сент.
4. Быков О. Михаил Корнев: Искренность плюс полная самоотдача! // Вост.-Сиб. правда. – 2004. – 27 марта.
5. Девятая региональная художественная выставка «Сибирь». Каталог. – Иркутск : Артиздат ; Томск 2003.
6. Декоративно-прикладное искусство. Иркутск. XX век. – Иркутск : Артиздат, 2003. – 20 с.
7. Жартун С. Г. Времен связующая нить. Иркутский академический драматический театр им. Охлопкова / С. Г. Жартун. – Иркутск : Иркут. акад. драм. театр им. Охлопкова, 2010. – 432 с.
8. Жартун С. Пространство сцены для актера мима // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 27 авг.
9. Житов К. «...и рубля не накопили строчки» // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 23 дек.
10. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народ. депутатов РФ и Верхов. Совета РФ. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.
11. Информация об истории Иркутского театрального училища, – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.itu.irk.ru/index.files/Page476.htm> (дата обращения: 01.12.2012)
12. Иоффе Л. В. Цветы и годы: Книга о молодом театре / авт.-сост. Л. В. Иоффе. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2003. – 367 с.
13. Иркутская область за годы реформ 1990–1996 гг. : стат. сб. – Иркутск : Госкомстат РФ; Иркут. обл. ком. гос. статистики, 1996. – 111 с.
14. Иркутская область на рубеже веков : стат. сб. / Госкомстат РФ. Иркут. обл. ком. гос. статистики – Иркутск, 2001.
15. Иркутская филармония. 60 лет. – Иркутск, 1999.
16. Иркутский художественный музей. – Иркутск : Артиздат, 2005. – 240 с.
17. Ковригина Н. Такой неожиданный Гоголь. О спектакле «Женитьба» по пьесе Н. В. Гоголя в драматическом театре им. Н. П. Охлопкова // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 29 дек.
18. Культурная политика Иркутской области «О работе учреждений культуры и искусства Иркутской области в 2002 году и задачах на 2003 год // Культурная политика Иркутской области : информ. бюл. – Иркутск, 2003. – Вып. 3.
19. Культурная политика Иркутской области : информ. бюл. – Иркутск, 2003. – Вып. 4.
20. Ленский Я. «Сегодня библиотека, завтра...?» // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 21 окт.
21. Маркова Т. Байкальская свежесть в Первопрестольной // Вост.-Сиб. правда. – 2004. – 17 июля.
22. Отчет о результатах деятельности министерства культуры и архивов Иркутской области за 2011 год. – Иркутск, 2012.

23. Паспорт культурной жизни Иркутской области за 2010 год [Электронный ресурс] г. Иркутск, 2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.givc.ru/projects/passportculturalregions/190> (дата обращения: 01.12.2012).
24. Писатели Приангарья : библиогр. справ. / сост. В. А. Семенова. – Иркутск : Изд-во журн. «Сибирь» совместно с товариществом «Письмена», 1996. – 208 с.
25. Пострадавшие картины из галереи Пламеневского воссвили его друзья [Электронный ресурс] // Вести Иркутск. 27.06.2007. – URL: <http://vesti.irk.ru/obshestvo/2007/06/27/27341/> (дата обращения: 01.12.2012).
26. Романов И. Кино возвращается к зрителям // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 1 мая.
27. Савинцева А. Неповторимые «Паяцы» // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 28 июля.
28. Самойличенко В. Бедное, бедное кино. Круглый стол ВСП // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 17 июня.
29. Семенова В. Вместе с бурями века. Краткий обзор имен иг к 75-летию Иркутской писательской организации / В. Семенова. – Иркутск : Иркут. писатель, 2007. – 64 с.
30. Смирнов В. Молчать ли музам, когда вопиет нищета // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 22 февр.
31. Скоробегов Д. В. Иркутский музыкальный театр: Очерки по истории (1940–2000) / Д. В. Скоробегов. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2000. – 184 с.
32. Социально-экономическое положение городов и районов области / Госкомстат РФ. – Иркутск : Иркут. обл. ком. Гос. статистики, 2003.
33. Тендитник Н. Мужество. К 60-летию со дня рождения Валентина Распутина // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 1 марта.
34. Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. – 2003. – 8 окт.
35. Федеральный закон 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Рос. газ. – 1999. – 19 окт.
36. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Рос. газ. – 2010. – 12 мая
37. Федеральный закон от 3 нояб. 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Рос. газ. – 2006. – 8 нояб.
38. Федцова Р. Убийство в «Контракте» // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 4 февр.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНА²

Поступательное развитие территории невозможно без установления стабильных международных контактов и их интенсификации. В современных условиях наблюдается тенденция к расширению круга акторов международного сотрудничества. Активными участниками экономических, политических и культурных отношений, наряду с государствами и международными организациями, становятся отдельные регионы, чье географическое положение и историческое развитие способствует налаживанию интенсивных контактов с соседними территориями.

В советское время предприятия Иркутской области также занимались внешнеэкономической деятельностью (ВЭД). Однако ее формы ограничивались поставками производимой продукции (прежде всего оборонного назначения) на экспорт. Одной из особенностей ВЭД в советский период было то, что предприятия области могли выходить на внешний рынок только с помощью специализированных организаций отраслевых министерств, а не самостоятельно. В 1990-е гг. появление новых экспорт-ориентированных предприятий Иркутской области было вызвано тем, что вывоз сырья или производимой продукции являлся единственным способом выживания в период кризиса, и общим изменением государственной политики в сфере внешней торговли – произошел отказ от модели непосредственного административного управления и государственного регулирования внешнеторговой деятельности, что повлекло за собой косвенное усиление международной правосубъектности региона.

Историю международного сотрудничества Иркутской области в 1990–2000-е гг. можно разделить на два этапа: с 1990 по 1999 г. и с 1999 г. по настоящее время. Первый этап был переходным; Иркутская область, как и другие регионы России, разви-

² Раздел подготовлен при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», госконтракт № 16.740.11.0701.

вала международное сотрудничество в отсутствие четкого правового поля, без участия федерального центра и координации действий с соседними регионами.

В эпоху коренных социально-экономических трансформаций, в условиях уменьшения дотаций и трансфертов из центра, Иркутская область стремилась найти выгодных партнеров на внешних рынках, привлечь иностранные инвестиции. В то же самое время и иностранные компании искали возможности проникновения на новые рынки сбыта товаров, услуг и технологий, а также доступ к сырьевым ресурсам российских регионов. Таким образом, на начало 1990-х гг. приходится целый ряд обращений представителей иностранных фирм с просьбами о разрешении открытия в Иркутской области представительств иностранных организаций. Подтверждение этому можно найти в фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) [11].

В условиях начавшейся либерализации внешних контактов регионов Федерации, Иркутская область пыталась наладить прямые долговременные связи со странами Европы, в частности с Великобританией. Для достижения этой цели область действовала через официальные каналы МИД, контактируя с послом России в Великобритании. В переписке с послом А. Л. Адамишиным в 1995 г. губернатор Ю. А. Ножиков, благодаря его за содействие представителям регионов России во время их деловых поездок в Великобританию, указывал: «Мы чувствуем, насколько меняются акценты и приоритеты российской дипломатии, которая все больше ориентируется на продвижение экономических интересов страны и ее регионов» [12]. Губернатор обращался к послу России и представителям британских деловых кругов, приглашая их совершить визит в Иркутскую область для определения конкретных сфер торгово-экономического сотрудничества.

Кроме того, администрация области пыталась восстановить торговые и производственные связи, существовавшие в советский период и разрушенные после распада СССР в 1991 г. 16 декабря 1995 г. в Иркутске было подписано Соглашение об экономическом сотрудничестве между Иркутской областью и Украиной. В последующие месяцы Иркутская областная администрация обращалась с официальной просьбой к региональным украинским властям, например, к председателю Областного совета Запорожской области В. В. Бахвальскому, о рассмотрении вопроса по восстановлению хозяйственных связей на поставку слюды из региона

[13]. В том же 1995 г. Иркутская область подписала Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Восточно-Казахтанской областью Республики Казахстан сроком на два года [25].

Проблемы выхода региональных предприятий на внешние рынки во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. усугублялись тем, что российские предприятия не были информированы о возможных иностранных партнерах, не имели опыта самостоятельной деятельности на внешних рынках, а их продукция была зачастую неконкурентоспособна. Как реакция на недостаточную организацию внутренней торговли и слабую насыщенность товарами широкого потребления, в регионе активизировался челночный бизнес – мелкие предприниматели развивали контакты с производственными фирмами и товарными рынками КНР, Монголии, Турции. После дефолта 1998 г. этот вид торговли постепенно пошел на спад в связи с выходом на арену более крупных сетевых бизнес-структур.

В 1990-е гг., после распада СССР, в ситуации, когда сложившиеся в рамках плановой советской экономики традиционные хозяйственные связи разрушались, руководство Иркутской области рассматривало продвижение положительного имиджа области, активизацию деятельности на международной арене, прежде всего в АТР, как способ выхода из непростого социально-экономического положения. В это время, помимо уже сложившихся контактов г. Иркутска с городами Улан-Батор (Монголия), Канадзава (Япония), Пфорцхайм (ФРГ) и Юджин (США), были установлены побратимские связи с Шэньяном (КНР), Коммуной Стремсунд (Швеция), Порденоне (Италия), городами департамента Внешняя Савойя (Франция) [33].

Иркутская область включилась в процесс установления межрегиональных контактов в середине 1990-х гг., и самым востребованным направлением установления связей, как уже подчеркивалось, оказалось азиатское. Контакты в отдельных сферах – прежде всего в гуманитарной – были установлены еще в советское время, но требовалась их интенсификация. Установление отношений в экономической сфере требовало от региональных властей большего личного участия. Опираясь на архивные материалы, мы можем отметить, что наиболее заинтересованными в экономических отношениях оказались китайские компании, выразившие желание открыть на территории Иркутской области свои представительства.

Так, одно из первых соглашений о межрегиональном сотрудничестве было заключено Иркутской областью с Китаем – Соглашение об установлении побратимских связей между Иркутской областью РФ и провинцией Ляонин КНР 30 марта 1994 г. При этом взаимодействие области с провинцией Ляонин оказалось настолько успешным, что спустя тринадцать лет было подписано «Соглашение между администрацией Иркутской области Российской Федерации и Народным Правительством провинции Ляонин Китайской Народной Республики о долгосрочном сотрудничестве».

В 1995 г. сразу несколько китайских компаний сделали запросы на открытие в Иркутской области своих представительств. Среди них – «Ляонининвнешторг» (г. Шэньян), «Шэньнянхимсырье» (г. Шэньян), Торгово-промышленное объединение «Цзин-Чен» на северо-востоке КНР (г. Шэньян), Харбинская торгово-коммерческая компания «Хуалин» (г. Харбин), Даляньская компании по импорту и экспорту авиационной техники (КАТИК, г. Далянь), «Аньшаньская главная производственная компания по освоению новой высокоточной технологии и техники» (г. Аньшань) [38].

Значимый вклад в развитие сотрудничества между Иркутской областью и Японией внес губернатор Ю. А. Ножигов. В сложные 1990-е гг., когда связи основывались, в том числе, и на личных контактах между представителями регионов, иркутский губернатор активно принимал участие в различных мероприятиях в целях повышения имиджа региона, поддержки его ресурсного потенциала на международной арене. Например, Ю. А. Ножигов участвовал в Конференции губернаторов Дальнего Востока России и Японии, что позволило подписать специальное Соглашение о сотрудничестве с г. Ниигата 14 ноября 1994 г. В Государственном архиве Иркутской области сохранились материалы, отражающие тот факт, что личная заинтересованность руководителя региона играла очень весомую роль в упрочении контактов между Иркутской областью и отдельными территориальными единицами Японии. В частности, в архиве хранится письмо Ю. А. Ножигова, направленное в адрес губернатора префектуры Ниигата – господина И. Хираяма. Ю. А. Ножигов отмечал, что подписанное Соглашение между регионами – Иркутской областью и префектурой Ниигата – «позволит углубить и развить дружеские связи, существующие между нашими регионами» [37]. Процесс установления контактов между иркутским регионом и

территориями Японии продолжился: 9 октября 1997 г. был подписан Протокол о дружественном обмене между Иркутской областью и префектурой Исикава.

1995 г. оказался насыщенным для Иркутской области не только в переговорах с Китаем и Японией. В это же время регион пытался найти потенциальных партнеров в Республике Корея. «Область поставляет лесоматериалы, целлюлозу, химические продукты и закупает электронику, автомобили, запчасти, одежду, обувь и другие товары народного потребления» – говорится в одном из писем, адресованных господину Г. Ф. Кунадзе, занимавшему пост в Посольстве РФ в Республике Корея [38, л. 11]. На основе имеющихся торговых связей Иркутская область хотела установить побратимские связи с провинцией Кенсанпункто, предварительные переговоры начались в 1994 г., в том же году прошла презентация Иркутской области в г. Сеуле. Губернатор Ножииков также направил письма в адрес Министерства иностранных дел Республики Корея, считая, что «установление побратимских связей между Иркутской областью и провинцией Кенсанпункто будет способствовать развитию и укреплению разносторонних отношений между регионами, странами в целом» [38, л. 84]. В настоящее время отношения развиваются поступательно, так, в ноябре 2010 г. между Иркутской областью и корейскими регионами был заключен «Меморандум о сотрудничестве между Правительством Иркутской области Российской Федерации и Администрацией провинции Северная Кенсан Республики Корея».

Стоит отметить тот факт, что установление контактов с территориями, входившими ранее в состав СССР, не стало приоритетом для Иркутской области. На первоначальном этапе, в 1990-х гг., формы межрегиональных связей сводились к подписанию соглашений о сотрудничестве, обменов визитами. В 2000-е гг. Иркутская область стала обращаться и к другим формам установления контактов – в частности, к проведению экономических форумов с приглашением представителей иностранных государств.

Второй этап развития международного сотрудничества Иркутской области, начавшийся в конце 1990-х гг., характеризуется упорядочением внешних контактов региона, которые берет под свой контроль государство. Так, в конце 1990-х – нач. 2000-х гг. федеральный центр, опасаясь неконтролируемого расширения связей регионов с зарубежными партнерами и снижения своего влияния на местах, стал действовать в рамках стратегии построе-

ния «вертикали власти», инициировав изменения в правовом регулировании международной деятельности регионов РФ. Были приняты Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (1999 г.), Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (2001 г.), Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (2003 г.).

Ельцинский «парад суверенитетов» начала 1990-х гг. действительно угрожал распаду Российской Федерации, в это время сформировалась федеративная асимметрия, в том числе и относительно характера международных связей. Так, регионы со слабым экономическим потенциалом, но с более выраженной национальной составляющей – например, Республика Бурятия, наряду с бюджетными льготами получали гораздо больший объем прав для развития сотрудничества на международной арене, чем более развитые в экономическом плане, но менее консолидированные вокруг этнического признака субъекты Федерации – такие как Иркутская область [1]. Следует констатировать, что во второй половине 1990-х гг., и в особенности в начале первого десятилетия XXI в., активизировались процессы выравнивания правового поля российских регионов, в том числе и в сфере законодательства о международных связях.

В 2002 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, начал работу Совет глав субъектов Российской Федерации при МИД России (2003 г.). Основным координатором международной деятельности субъектов Федерации стал МИД России. На местах были созданы представительства МИД, ставшие активными структурами, обеспечивающими взаимодействие центрального аппарата МИД с региональными органами власти, информационную поддержку, контроль за соблюдением норм международного права и международных обязательств России при осуществлении регионом международных контактов. В задачи этих структур входит и анализ опыта региона при осуществлении международных связей и выработка рекомендаций по их оптимизации. В Иркутске на самостоятельной основе с 2004 г. действует Представительство МИД России [24], которое ведет поэтапную работу по согласованию документов о сотрудничестве с иностранными государствами,

взаимодействует с иностранными делегациями, анализирует процесс исполнения уже заключенных соглашений, участвует в подготовке мероприятий Байкальского экономического форума и презентаций Иркутской области за рубежом.

* * *

За последние годы внешние связи и контакты регионов стали важным компонентом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, ведь они формируют пояс добрососедства на восточных границах страны. Субъекты Федерации видят во внешнеэкономической деятельности шанс для привлечения иностранных инвестиций – дополнительный рычаг в деле интенсификации экономического развития. Свою лепту в интеграцию российских республик, краев и областей в региональные подсистемы международных отношений вносят и процессы «глобализации – фрагментации», развивающиеся по своей внутренней логике. Всемирные глобальные потоки и процессы в экономической, финансовой, производственной, социальной, политической и иных сферах становятся ориентирами развития национальных экономик. Однако, как отмечают исследователи из МГИМО И. М. Бусыгина и Е. Б. Лебедева, «международная и внешнеэкономическая деятельность регионов, отвечая их интересам, не должна вступать в противоречие с интересами федерации в целом» [8, с. 8].

Согласно официальным источникам, Иркутская область поддерживает внешнеэкономические отношения почти с 80 странами мира, при этом на долю АТР приходится более 63 % внешнеторгового оборота Иркутской области, по экспортным операциям этот показатель еще более значителен – 70 % [29].

Область представляет собой регион с экономикой ресурсного типа. Для нее характерна интенсивная внешнеэкономическая деятельность, высокая доля экспорта в объеме внешней торговли, ориентация внешней торговли на страны дальнего зарубежья [9, с. 63].

Интерес, проявляемый к Иркутской области со стороны многих зарубежных стран, позволяет говорить о том, что данный регион рассматривается как ключевой с позиции построения взаимовыгодного сотрудничества на долгосрочную перспективу. По величине промышленного потенциала Иркутская область представляет собой один из наиболее мощных индустриальных регионов Российской Федерации.

Инвестиции из-за рубежа, например, устойчиво поступают в сферу добычи полезных ископаемых и в обрабатывающее производство (по данным 2009 г. инвестиции в добычу полезных ископаемых равнялись 14,9 % от общего инвестиционного потока, а в обрабатывающее производство – 76,5 %) [10, с. 37]. Общий внешнеторговый оборот товаров Иркутской области в 2009 г., по данным Иркутскстата, достиг 4,96 млрд долл. США [10, с. 7, 13].

В 2011 г. объем иностранных долларовых инвестиций по странам-инвесторам в экономику региона распределился следующим образом: Кипр – 30,2 %, Гонконг – 28,4 %, Германия – 12,4 %, Швеция – 3,9 %, Китай – 3,7 %, Монголия – 3,3 %, остальное приходится на долю прочих стран [35]. Такая парадоксальная ситуация вызвана тем, что материнские компании и бенефициары большинства вертикально интегрированных холдингов, действующих на территории региона (например ОК «РУСАЛ»), зарегистрированы на территории оффшорных зон, предоставляющих значительные налоговые льготы.

В международном инвестиционном сотрудничестве Иркутской области вплоть до настоящего времени существует ряд проблем. Яркой их иллюстрацией является политика федеральных и областных властей по отношению к проекту освоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения (КГКМ), реализовывавшегося с 1993 г. ОАО «РУСИА Петролеум» при участии ОАО «ТНК-ВР». В сложнейший для отечественной экономики период 1990-х гг. месторождение было фактически отдано частной компании для самостоятельной разработки. В последующем контроль над стратегически важным объектом – Ковыктинским газоконденсатным месторождением – был возвращен Российской Федерацией, но без учета интересов региона – Иркутской области, который получал солидные экономические и социальные дивиденды от реализации Ковыктинского проекта.

Государство проводило свою политику в отношении проекта, в то время как компания-оператор проводила собственные действия. В 2002–2003 гг. в Российской Федерации, с точки зрения национальных интересов, сформировалось комплексное видение развития природных ресурсов, в схему реализации которого инвестор попросту не вписывался [3, с. 199–203]. Государство в данном случае дало понять акционеру, что необходимо вернуть месторождение, несмотря на тот факт, что несколько лет назад оно само выдало лицензию на его разработку.

После долгих прений по вопросу прокладки экспортного маршрута ковыктинского газа 22 июня 2007 г. между ОАО «ТНК-ВР» и ОАО «Газпром» был подписан Меморандум о взаимопонимании, согласно которому в течение 90 дней должна была быть совершена сделка купли-продажи активов ОАО «Компания “РУСИА Петролеум”». Финансирование проекта со стороны инвестора после указанной даты было свернуто [2, с. 23]. В дальнейшем активы ОАО «Компания “РУСИА Петролеум”» были окончательно поглощены ОАО «Газпром». Как отмечает И. Н. Артемьев, «ТНК-ВР» под угрозой отзыва лицензии уступила «Газпрому» контроль над Ковыктой. Основная причина – желание РФ контролировать КГКМ и начать его промышленную эксплуатацию лишь после 2017 г.

Частным компаниям достаточно сложно находиться на рынке другого государства, так как помимо негативных экономических явлений (например, возможность банкротства) существуют очень весомые политические риски. Даже крупной национальной компании не всегда удается выдержать конкуренцию в собственном секторе. И уж точно нет никаких шансов у того, кто вступит в борьбу с корпорацией, которой явную поддержку оказывает федеральное правительство [2, с. 24–26].

Еще одной иллюстрацией проблем, которые испытывает Иркутская область в инвестиционной сфере, является проект «Восточная стратегия», разработанный в 2010–2011 гг. при содействии владельца бизнес-групп «БАЗЭЛ» и En+, миллиардера О. Дерипаски [28]. Основная цель проекта заключается в интенсификации сырьевых поставок алюминия, угля и электроэнергии, производимых предприятиями холдинга из Иркутской области и Красноярского края РФ для растущих экономик КНР и Республики Корея. Однако данный весьма перспективный проект в настоящее время испытывает некоторые сложности реализации в связи с общим финансовым положением холдинга О. Дерипаски.

На степень вовлеченности Иркутской области в международные дела влияют три группы факторов – географические (экономико-географическое положение), социально-экономические (уровень развития региона, отрасли производства, финансовое положение и инвестиционная активность в регионе) и политико-правовые (устойчивость и влияние региональной политической и экономической элиты, уровень регионального законодательства). Исходя из них, Иркутская область обладает большим

природно-ресурсным потенциалом, отличается высоким уровнем социально-экономического развития по сравнению со многими регионами РФ.

Рассмотрим основные формы международного сотрудничества Иркутской области в политической сфере в первом десятилетии XXI в. К ним относятся «экспо-дипломатия» – презентации Иркутской области за рубежом (Вена, Австрия, 2006 г.; Лондон, Великобритания, 2007 г.; Амстердам, Нидерланды, 2007 г.; Хельсинки, Финляндия 2007 г.); участие в ежегодных международных форумах, содействие продвижению продукции региональных товаропроизводителей на рынках зарубежных стран (Международная торгово-экономическая ярмарка (Харбин), Петербургский международный экономический форум, Российско-японский инвестиционный форум, форум Кран-Монтана, Монако, Монгольско-российский деловой форум (Улан-Батор), Российско-индийский форум по торговле и инвестициям (Нью-Дели) [34].

В 2010 г. официальные делегации Иркутской области приняли участие в российско-датской конференции по энергосбережению и эффективности, российско-канадском лесном форуме, Четвертой генеральной сессии Конвента монголов мира. В этом же году прошла презентация Иркутской области в столице Финляндии г. Хельсинки, провинции Ляонин Китайской Народной Республики [29].

Отдельно можно выделить работу в рамках международных организаций, к ней относятся, например: подготовка выездного заседания Комиссии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по экономическим вопросам (2006 г.); выездные заседания Делового совета ШОС в рамках БЭФ (с 2006 г.); участие в мероприятиях Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА), в подкомиссиях по научным технологиям, приграничному сотрудничеству, текущих конференциях [15]. Основная цель АРАССВА – содействие формированию системы доверительных отношений и всестороннему развитию региона Северо-Восточной Азии посредством формирования механизмов сотрудничества между администрациями территорий различных стран на основе принципов взаимопонимания, равноправия и взаимной выгоды.

Байкальский экономический форум с 2000 г. является крупнейшим международным мероприятием, проходящим на территории области [6]. В рамках форума с 2000 по 2011 г. обсужда-

лись вопросы инвестиционной политики, развития промышленности, системы транспорта и коммуникаций Сибири и Дальнего Востока, взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Форум позиционируется как важная политическая и экономическая площадка, способствующая своеобразной «разгерметизации» региона, повышению его имиджа на международной арене. Так, в работе VII БЭФ в 2011 г. приняли участие делегации из 28 стран мира и 15 регионов России. На заседаниях форума российские и зарубежные участники ознакомились с реализованными и планируемыми проектами развития Сибири и Дальнего Востока. Одно из заседаний в рамках форума прошло в формате международной конференции «Европа – Россия – АТР: Развитие энергетического комплекса». В рамках VII БЭФ в сентябре 2011 г. состоялась российско-монгольская дискуссия по тематике приграничного сотрудничества, круглый стол «Россия – АСЕАН – практика взаимодействия», заседание Делового Совета Шанхайской организации сотрудничества.

Рассмотрим основные направления международного контактов региона со странами АТР. Так, Иркутская область – один из российских регионов, наиболее активно сотрудничающих с КНР. На сегодняшний день в рамках активизации межрегионального сотрудничества проявляется обоюдное желание сторон сделать связи между Иркутской областью и рядом провинций Китайской Народной Республики образцовыми, способными стать основой дальнейших взаимовыгодных контактов. Также обсуждается возможность использования природно-сырьевой базы региона с последующим созданием производств глубокой переработки с использованием высоких технологий в деревообработке, металлургии, нефтеперерабатывающем производстве, освоении газовых месторождений.

Важным вкладом в укрепление добрососедских отношений Иркутской области с Китаем является включение ее проектов в «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Севера-Востока КНР 2009–2018 гг.» [42]. Следует отметить, что межрегиональное сотрудничество, как важная часть отношений стратегического партнерства Китая и России, имеет ключевое значение не только для обогащения практического сотрудничества, но и для осуществления взаимодополнения экономик двух стран и создания сферы совместного процветания в близлежащих регионах.

Развитию взаимосвязей между Иркутской областью и Монголией способствует деятельность представительства Иркутской области в этой стране. В 2011 г. оно возобновило свою деятельность после двухлетнего перерыва. Губернатор Д. Ф. Мезенцев поставил перед представительством задачу развивать взаимодействие бизнеса и общественности в сферах промышленности, туризма, медицины, образования и культуры, представления инвестиционного потенциала области. Одним из приоритетных направлений работы представительства станет активизация взаимодействия в сферах малого и среднего бизнеса [41].

Южная Азия также является важным направлением для развития международных контактов области, которое в последнее время развивается достаточно активно. В августе 2012 г. состоялся визит Чрезвычайного и Полномочного посла Индии в Российской Федерации А. Малхотра в Иркутск, который провел переговоры с губернатором Иркутской области С. Ерощенко. Республика Индия – важный торгово-экономический партнер для Иркутской области. В декабре 2011 г. было подписано российско-индийское межправительственное соглашение о поставках боевых истребителей СУ-30 МКИ. Так, взаимный товарооборот (поставки российской авиатехники и комплектующих для ВВС авиазаводом «Иркут», поставки в Иркутскую область индийской вычислительной техники, электрооборудования и фармацевтической продукции) только за первое полугодие 2012 г. составил почти 150 млн долл. США [40]. В 2012 г. предприятия Приангарья стали поставлять в Индию текстиль и печатную продукцию. В ближайшее время планируется подписать соглашение между правительством Иркутской области и администрациями индийских штатов Карнатака и Керала. Важным элементом сотрудничества станет создание совместных предприятий по производству товаров народного потребления, продуктов питания, лекарств и фармпрепаратов на территории Иркутской области. Так, в сентябре 2012 г. в Иркутске состоялось открытие завода «Фармасинтез», на котором будут производиться препараты для лечения туберкулеза, ВИЧ-инфекции и рака. В фармацевтическое производство индийскими партнерами инвестировано около 1 млрд долл. США [22]. Начато строительство завода по производству лекарственных препаратов в Братске.

21 августа 2012 г. Иркутск посетил Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Бангладеш в Российской Федерации

С. Хок, который в ходе своей рабочей поездки в Приангарье предложил выдвинуть от Иркутской области кандидатуру на должность почетного консула, который бы помогал поддерживать контакты между предпринимателями региона и республики, обладающей значительным потенциалом в области легкой промышленности.

* * *

Иркутск в международных связях как областной центр занимает более выгодные позиции, нежели другие города Иркутской области. В торгово-экономической и гуманитарной сферах столица Восточной Сибири сотрудничает с рядом государств. Наиболее развитые экономические связи прослеживаются со странами Северо-Восточной Азии (Китай, Монголия, Япония, Республика Корея). Однако в списке партнеров можно найти и государства ЕС – Швецию, Финляндию, Германию, Францию и некоторые другие.

Для активизации международных контактов для Иркутска большое значение имеет открытие ряда консульских учреждений. В настоящее время в г. Иркутске действуют Генеральное консульство Монголии, Генеральное консульство Китайской Народной Республики, Генеральное консульство Республики Корея и Генеральное консульство Республики Польша. Безусловно, открытие новых консульств будет способствовать развитию международного сотрудничества. В частности, открытие консульства Республики Корея практически совпало с открытием отделения корейского языка на факультете восточных языков Иркутского государственного лингвистического университета.

Установление партнерских, торговых отношений с другими государствами зачастую происходит через связи с городами-побратимами. Практически во всех вышеуказанных странах у Иркутска есть город-побратим, с которым подписан договор либо соглашение о сотрудничестве. Такой подход Иркутск успешно использует еще с советских времен, когда в 1967 г. японский город Канадзава стал первым городом-побратимом Иркутска [23].

На настоящий момент г. Иркутск развивает связи с такими городами, как Улан-Батор (Монголия), Юджин (США), Шэньян (КНР), Пфорцхайм (Германия), департамент Верхняя Савойя (Франция), Коммуна Стремсунд (Швеция), провинция Порденоне (Италия), Симферополь (Украина), Каннын (Южная Корея),

Вильнюс (Литва). Активное подписание соглашений о дружбе и сотрудничестве началось с 1992 г. и продолжается до сих пор. Так, в 2010 г. был подписан побратимский договор с г. Вильнюсом [14].

Развитие международных связей посредством установления взаимовыгодных контактов с городами-побратимами имеет неоспоримые преимущества, ведь в сферу сотрудничества попадают не только торгово-экономические отношения, но и отношения в сфере образования, культуры, искусства. Так, побратимские связи с г. Канадзава сделали возможным поездки иркутских школьников в Японию и приезд японских ребят в иркутские семьи. Иркутский государственный лингвистический университет регулярно направляет на стажировку в Университет г. Канадзава студентов. В Иркутске на базе Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири с 2001 г. действует Японский информационный центр, открытый при содействии Генерального консульства Японии в г. Хабаровске. В центре представлены редкие издания на русском и японском языках о российско-японских отношениях, истории и культуре Японии, периодически здесь проходят выставки, показы японских фильмов, действуют курсы по изучению японского языка.

На праздновании Дня города в Иркутске 4 июня 2011 г. на территории историко-архитектурного комплекса «Дом Европы» был открыт мини-парк городов-побратимов и партнеров Иркутска, в котором разместили стеллы с символикой побратимских городов.

Города области также развивают побратимские контакты, прежде всего с городами АТР. Город Братск, к примеру, сотрудничает с японским портом Нанао, укрепляются связи между Усть-Илимском и Ханьданем (КНР), Ангарском и Цзиньчжоу (КНР), Комацу (Япония), Шелеховым и Номи (Япония), Железногорском-Илимским и Сакатой (Япония). Чаще всего такого рода связи устанавливаются благодаря заинтересованности в активизации культурного и экономического сотрудничества.

Примечательно, что связи с городами-побратимами поддерживаются не только на официальном уровне и не только через визиты представителей администраций городов. Сотрудничество осуществляется и на уровне общественных организаций. Очень заметной является деятельность иркутского отделения общества «Россия – Япония» – «Байкал – Япония» [36]. Но есть и более мелкие организации, например: «Икэбана», «Кенроку», «Асахи»,

объединяющие ценителей японской культуры. Интенсификации контактов между Иркутской областью и Польшей способствует располагающаяся в областном центре иркутская польская автономия «Огниво».

Гуманитарные связи Иркутской области со странами Азии и Европы продвигаются благодаря культурным мероприятиям – кинофестивалям, выставкам, музыкальным вечерам.

Администрация г. Иркутска также активно использует механизмы экспо-дипломатии – проводятся различные мероприятия (встречи, конференции, форумы) международной значимости. В 2010 г., например, состоялся германо-российский форум «Экологическая журналистика в России и Германии» (октябрь, 2010), прошла конференция Российской гостиничной ассоциации «Байкальский регион – Середина земли – Территория гостеприимства» (март 2010 г.).

Несмотря на то, что Иркутск находится в непосредственной близости к озеру Байкал, существует ряд проблем с развитием туристической сферы в г. Иркутске и области. «Иркутск – ворота Байкала» – такой слоган можно увидеть на главной веб-странице портала по туризму, созданному Администрацией Иркутска [43]. Однако для многих иностранных туристов Иркутск является пунктом промежуточного транзита в Монголию или другие регионы. Причиной этому является несоответствие цены и качества предоставляемых услуг. Однако в преддверии 350-летнего юбилея региональные власти стали активно продвигать проекты, направленные на привлечение туристов, в частности, строительство исторического квартала в центре города, размещение информационных щитов с картой достопримечательностей, табличек с названиями улиц на английском языке, в ноябре 2011 г. был открыт отель международной гостиничной сети «Mariott».

В отношении показателей внешней торговли, по сведениям за 2009 г., лидирующим регионом в сфере международного сотрудничества г. Иркутска стала Азия – 70 % экспортно-импортных операций приходится на страны этого региона [44]. При этом отмечается, что в 2009 г. наблюдался рост экспорта в группе машиностроительной продукции (на 28,3 %), в то время как экспорт продовольственных товаров и сырья снизился в 1,8 раза.

Больше половины рублевых иностранных инвестиций в экономику г. Иркутска были направлены в сферу добычи природных ресурсов (нефти и газа) – 66,1 % от общего объема [44]. Значи-

тельный объем иностранных инвестиций в долл. США пришелся на лесное хозяйство (43,7 % от общего объема) [44].

Немаловажным представляется обзор международного сотрудничества научных и научно-образовательных учреждений, осуществляющих кадровое и научно-техническое обеспечение главных производственных отраслей города и области. В научно-образовательный комплекс региона входят 9 академических институтов Иркутского научного центра СО РАН, 5 институтов Восточно-Сибирского центра РАМН, НИИ сельского хозяйства, более 20 прикладных научно-исследовательских и проектных институтов.

Научные центры и высшие учебные заведения г. Иркутска тесно сотрудничают с Академией наук и вузами КНР. Совместные исследования проводятся в области геологии, сейсмологии, геохимии, солнечно-земной физики, энергетики, сельского хозяйства, экологии, медицины.

Для развития и поддержания международного научно-технического сотрудничества на базе научных и образовательных площадок регулярно проводятся саммиты, форумы, научно-практические конференции, ярмарки образовательных услуг, обмен студентами, выставки. Рассмотрим указанный аспект международного сотрудничества на примере связей между научно-образовательными учреждениями Иркутской области и вузами КНР.

Высшие учебные заведения города, такие как Иркутский государственный университет, Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутский государственный лингвистический университет, Иркутский государственный технический университет имеют действующие договоры с вузами провинции Ляонин КНР: Северо-Восточным университетом (г. Шэньян), Шэньянским институтом управления экономикой и торговлей при Шэньянском политехническом университете, Шэньянским технологическим университетом, Даляньским лингвистическим университетом, Даляньским технологическим университетом, Ляонинским педагогическим университетом, Ляонинским университетом науки и технологии, Ляонинским инженерно-техническим университетом.

Отдельно следует остановиться и на европейском направлении сотрудничества, которое поступательно реализуется Иркутским государственным университетом. Еще в 1994 г. стартовал проект TEMPUS-TACIS, представлявший собой программу европейского сотрудничества в сфере высшего образования между ЕС и странами СНГ.

Основной целью программы являлось поддержание процесса реформирования вузов в странах Центральной и Восточной Европы, СНГ и Монголии. Некоторые научные проекты в рамках сотрудничества по линии TEMPUS-TACIS впоследствии реализовывались и на историческом факультете ИГУ. Начало участия ИГУ в совместной партнерской программе с университетом г. Киля (Германия) и Гранадским университетом (Испания) было положено путем участия ректора Ф. К. Шмидта и проректора по международным связям В. И. Дмитриева в рабочем семинаре «Совершенствование системы управления университетом» [19].

Таким образом, Иркутский государственный университет в 1990-е гг. поэтапно развивал контакты с иностранными партнерами, что вписывалось в общую логику администрирования высшего образования в условиях рыночной ситуации в СССР/Российской Федерации – централизованные ресурсы постепенно истощались, и региональные вузы могли развивать международные связи в качестве важного фактора выживания в нестабильной экономической ситуации, поддержания научных контактов. Однако заделы в сфере международного сотрудничества вузов, сделанные ИГУ в советскую эпоху, не получили дальнейшего импульса, а зачастую были обречены на стагнацию.

С 2007 г. в Иркутске на базе Иркутского государственного университета работает Институт Конфуция, который является культурно-образовательным центром пропаганды китайского языка и культуры. Преподавание китайского языка, истории и культуры Китая осуществляют китайские преподаватели [20].

Следующий толчок к развитию межвузовского сотрудничества дала презентация Иркутской области в КНР, проведенная 21–24 апреля 2010 г. По ее итогам было подписано соглашение о развитии сотрудничества в области образования между учебными заведениями Шэньяня и Байкальским государственным экономическим университетом (БГУЭП). В рамках этой программы в иркутский вуз прибыли для обучения на контрактной основе более 200 студентов из провинции Ляонин, кроме этого, были созданы группы (около 50 чел.) из двух побратимских регионов, которые на основе взаимобмена будут обучаться бесплатно.

К преимуществам Иркутской области и ее образовательного комплекса следует отнести такие факторы, как высокий научно-образовательный потенциал региона, опыт работы с зарубежными партнерами в научной сфере и подготовке кадров, относительно

невысокую стоимость обучения и проживания для иностранных студентов, толерантность населения и безопасные условия проживания иностранных граждан на территории областного центра.

В апреле 2010 г. в г. Шэньян состоялась презентация Иркутской области при поддержке Канцелярии иностранных дел провинции Ляонин. В рамках конференции было принято решение о продолжении взаимодействия научных образовательных учреждений по следующим направлениям: взаимный обмен опытом в преподавании китайского и русского языков; программы двойного образования; организация и проведение языковых стажировок и практик для студентов и преподавателей; проведение совместных научно-практических конференций.

Взаимодействие Иркутской области с различными городами и провинциями Китая повысило общий рейтинг и привлекательность региона. Благодаря тесному сотрудничеству улучшается качество образования.

Развиваются и контакты с вузами Монголии. Так, в период с 13 по 16 мая 2008 г. в Российском центре науки и культуры в г. Улан-Баторе прошла выставка «Бизнес без границ», которая стала презентацией вузов и техникумов Иркутской области [39]. Учебные заведения представили свои образовательные программы и услуги. В рамках выставки ректоры иркутских вузов встречались со своими монгольскими коллегами, с министром образования, науки и культуры Монголии. Проходило обсуждение перспектив межвузовского сотрудничества, расширения взаимодействия в сфере образования.

В феврале 2012 г. в Генеральном консульстве России в г. Дархане состоялась церемония награждения группы выпускников иркутских вузов памятным знаком «Иркутск-350», учрежденным по случаю юбилея со дня основания столицы Восточной Сибири. Среди награжденных – председатель Хурала гражданских представителей Дархан-Ульского аймака Л. Гунчин, его коллега из Селенгинского аймака Ж. Санжжав, заместитель председателя местного отделения Монгольской ассоциации выпускников советских и российских вузов Ц. Чимгээ, банкиры, экономисты, инженеры, агрономы, учителя русского языка. С 20-х гг. XX в. Иркутск является важнейшим центром подготовки высококвалифицированных специалистов для этого соседнего государства. Как отмечается на официальном сайте Посольства России в Монголии, «тысячи выпускников иркутских университетов и ин-

ституты занимают в Монголии высокие государственные посты, возглавляют министерства и ведомства, успешно трудятся в промышленности и сельском хозяйстве, других отраслях экономики, науки, культуры, просвещения. Немаловажно и то, что они являются активными проводниками приоритетного продвижения дружественных отношений и сотрудничества с Россией по всем направлениям» [30].

Проанализировав обширный фактический материал, отметим наиболее востребованные формы международного сотрудничества Иркутской области (носящие как декларативный, так и практический характер), к которым следует отнести:

1. Различные мероприятия, проводимые за рубежом с целью позиционирования своего региона. Чаще всего такие мероприятия проходят в городах-побратимах, в регионах-партнерах и представляют собой визиты официальных делегаций, состоящих из чиновников администраций региона, бизнесменов и ярких общественных деятелей. Такие визиты могут заканчиваться подписанием протокола (соглашения) о сотрудничестве.

2. Экономические форумы с целью привлечения бизнес-партнеров и презентации экономического потенциала региона. Такая форма является достаточно дорогостоящей. Экономические форумы могут иметь различные источники финансирования, но их основная цель заключается в первичном взаимодействии потенциальных партнеров и подписании соглашений, планов действий в экономической сфере, обсуждении важных проблем.

3. Подписание совместных программ социально-экономического, научно-технического развития, программ гуманитарного сотрудничества, соглашений о дружбе и сотрудничестве. Такие программы могут носить декларативный характер, тем не менее, они могут обозначить рамки и заложить основу для дальнейших действий.

4. Проведение совместных акций в гуманитарной или культурной сфере: международные научные конференции, приуроченные к какой-либо дате, выставки, гастроли, конгрессы и т. д.

5. Осуществление совместных проектов в экономической и гуманитарной сферах. Эта форма представляется практическим шагом реализации достигнутых договоренностей.

6. Работа с общественными организациями, осуществляющими международное сотрудничество, с зарубежными общественными объединениями, землячествами и иными организационными группами граждан, проведение памятных мероприятий –

церемонии торжественного открытия памятников, мемориальных досок и т. д.

7. Открытие специальных площадок для развития внешних контактов (Дом дружбы, Дом Европы).

Наиболее важными акторами в развитии международного сотрудничества на сегодняшний день являются специальные отделы администраций субъектов и муниципалитетов, представительства МИД РФ в субъектах Федерации, представители бизнес-сообщества. К сожалению, многие контакты носят официальный характер, поскольку «неформальный» уровень – контакты между представителями гражданского общества, так называемая народная дипломатия – не развит в полной мере.

Региональное сотрудничество между соседними субъектами РФ не воспринимается в качестве дополнительного фактора, положительно влияющего на развитие межрегиональных связей. Каждый регион, в том числе и Иркутская область, стремится установить свои собственные контакты с международными партнерами, конкурируя с соседними республиками, краями и областями. Опыт соседних регионов зачастую не становится востребованным в установлении контактов с заграничными территориями и партнерами. На наш взгляд, проблема неразвитости горизонтальных связей внутри пространства Российской Федерации является серьезным барьером для интенсификации межрегионального сотрудничества как в экономической, так и в политической сфере.

Можно предположить, что в ближайшей и среднесрочной перспективе приоритетными для Иркутской области останутся экономические и культурные связи с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона: КНР, Монголией, Японией, Республикой Корея. Другим важным направлением станет укрепление связей в рамках таких международных форматов, как МАГАТЭ, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА). Помимо традиционных форм сотрудничества будут появляться и новые, такие как открытие представительств зарубежных фирм в Иркутской области и наоборот, активизация «экспо-дипломатии», презентаций региона за границей. Помимо этого, существует надежда, что Байкальский экономический форум, который регулярно проходит в Иркутске с 2000 г., станет эффективным механизмом для реализации инвестиционных программ с участием зарубежных партнеров, а не местом подписания очередных протоколов о намерениях.

Исследование опыта международного сотрудничества Иркутской области в 90-х гг. XX – начала XXI в. позволяет сделать вывод, что регион стал весьма активно позиционировать себя на внешней арене. Однако для его комплексного развития и полноценной интеграции в экономическое пространство Восточной Азии необходим постепенный отход от экономики, ориентированной на экспорт сырьевых энергоресурсов, развитие эффективного производства, в том числе и с помощью иностранных партнеров.

Вопросы для самоконтроля

1. Выделите основные хронологические рамки международного сотрудничества региона.
2. Выявите основные особенности взаимодействия региона с иностранными партнерами в 1990-е гг. Какими факторами была обусловлена активность Иркутской области на внешних рынках?
3. Какими признаками характеризуется второй этап развития международного сотрудничества Иркутской области? Как повлияли усиление «вертикали власти» и изменения в федеральном законодательстве на международные связи Иркутской области?
4. В чем заключается специфика деятельности представительств МИД в субъектах Российской Федерации?
5. Охарактеризуйте развитие ситуации вокруг Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Вследствие каких причин региональным властям не удалось наладить полноценное инвестиционное взаимодействие?
6. Вследствие каких причин в инвестиционном взаимодействии региона возникает «парадокс офшоров»?
7. Какую роль в международном сотрудничестве региона играет Байкальский экономический форум? Охарактеризуйте его деятельность.
8. Перечислите основные проекты на основе международного взаимодействия в экономической и образовательной сфере, реализовывавшиеся в регионе на протяжении 2000-х гг.
9. Перечислите города-побратимы г. Иркутска. Какие районные центры Иркутской области также развивают побратимские контакты?
10. Назовите наиболее востребованные формы международного сотрудничества Иркутской области.

Литература

1. Артемьев И. Н. К вопросу о правовом регулировании международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири (Иркутской области и Республики Бурятия) в первой половине 90-х гг. XX века / И. Н. Артемьев, И. В. Олейников // Сиб. юрид. вестник. – 2012. – № 3 (58). – С. 3–10.
2. Артемьев И. Н. Международное сотрудничество в освоении Ковыктинского газоконденсатного месторождения (1992–2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Н. Артемьев. – Иркутск, 2010.
3. Артемьев И. Н. Проблема противостояния государственной собственности на недра и частной собственности на добытые из недр полезные ископаемые // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 199–203.

4. Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы [Электронный ресурс]. – URL: <http://mion.isu.ru/publications/index.html> (дата обращения: 02.12.2010).
5. Байкальский регион в глобальном мире [Электронный ресурс]. – URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/index_1.php (дата обращения: 02.12.2010).
6. Байкальский экономический форум [Электронный ресурс] URL: <http://www.baikalforum.ru/> (дата обращения 10.12.2011).
7. Балжинням Д. Экономико-географический потенциал монгольско-российских взаимосвязей / Д. Балжинням, А. Я. Якобсон ; отв. ред. Л. М. Корытний. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2009. – 175 с.
8. Бусыгина Е. М. Субъекты федерации в международном сотрудничестве / Е. М. Бусыгина, Е. Б. Лебедева // Аналит. зап. НКСМИ МГИМО (У) МИД России. – 2008. – Вып. 3 (32).
9. Вардомский Л. Б. Внешнеэкономическая деятельность регионов России / Л. Б. Вардомский, Е. Е. Скатерщикова. – М. : Кнорус, 2009. – 448 с.
10. Внешнеэкономическая деятельность предприятий Иркутской области : стат. сб. 2009 г. – Иркутск : Иркутскстат, 2010.
11. ГАИО (Государственный архив Иркутской области), Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 38.; ГАИО, Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 11; ГАИО, Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 2.
12. ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 154.
13. ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 19.
14. Города-побратимы Иркутска. Международные отношения г. Иркутска. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admirkutsk.ru/?rubr=26> (дата обращения: 10.12.2011).
15. Делегация Иркутской области приняла участие в заседании рабочей комиссии АРАССВА. [Электронный ресурс] URL: http://www.irkobl.ru/events/detail.php?ID=172687&sphrase_id=211223 (дата обращения: 20.09.2011).
16. Дятлов В. И. Иркутская область: динамика внешних миграций в условиях экономического кризиса / В. И. Дятлов, Е. Н. Петрова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2 (5). – С. 73–83.
17. Дятлов В. И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. – Владивосток, 2008.
18. Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) / В. И. Дятлов. – М. : Наталис, 2000. – 190 с.
19. И в Киле и в Гранаде // Иркут. ун-т. – 1996. – 31 дек.
20. Институт Конфуция ИГУ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.confuci.irkutsk.ru> (дата обращения: 01.09.2011).
21. Иркутск в системе международных связей: проблемы и перспективы / под ред. И. В. Цвигун, В. М. Ягодкиной, Л. Д. Хамагановой. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – 185 с.
22. Компания «Фармасинтез» планирует построить в Иркутске новый завод по производству лекарственных препаратов [Электронный ресурс] // Информ. агентство Телеинформ. – URL: <http://i38.ru/obichnie-ekonomika/kompaniya-farmsintez-planiruet-postroit-v-irkutske-noviy-zavod-po-proizvodstvu-lekarstvennich-preparatov> (дата обращения: 10.09.2012).
23. Кузнецов С. И. От первых контактов до побратимских связей // Страны-соседи. Города-побратимы. (30 лет дружественных связей Иркутской области и Японии). – Иркутск, 1996.
24. Курбатова Л. День дипломатического работника // Обл. газ. – 2012. – 10 февр.
25. Ликвидация сообща // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 12 окт.
26. Лиштованный Е. И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – 198 с.

27. Лиштованный Е. И. Сотрудничество Иркутской области и Монголии: к возможности активизации // Восток – Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2011. – С. 99–102.
28. Махнева А. Глобальные перспективы. Сценарий от Олега Дерипаски // Сиб. энергетик. – 2011. – 25 февр.
29. Международная деятельность и межрегиональные связи Иркутской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.irkobl.ru/economy/inter> (дата обращения 20.09.2011).
30. Награды выпускникам Иркутских вузов [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Монголии : офиц. сайт. – URL: http://www.mongolia.mid.ru/press_135.html#!prettyPhoto (дата обращения 10.09.2012).
31. Новиков Г. Н. Сибирь и Дальний Восток в контексте модернизации России: ожидания и реальные шансы интеграции в АТР [Электронный ресурс] / Г. Н. Новиков. – URL: http://mion.isu.ru/ru/publications/docs/2004_10_25_1.doc (дата обращения: 25.09.2010).
32. Олейников И. В. Международное сотрудничество Иркутской области: региональная историография 2000-х гг. / И. В. Олейников, Е. А. Матвеева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 262–270.
33. Офиц. сайт Администрации г. Иркутска [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admirkuzsk.ru> (дата обращения: 14.02.2011).
34. Офиц. сайт Правительства Иркут. обл. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.irkobl.ru> (дата обращения: 20.09.2011).
35. Офиц. сайт Территориального органа Федер. службы Гос. статистики по Иркут. области (Иркутскстат) [Электронный ресурс]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/digital/region7/2007/inostr_inv2.html (дата обращения: 07.03.2012).
36. Офиц. сайт Общества Россия – Япония (Иркут. отделение) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pribaikal.ru/japan-russia.html> (дата обращения: 01.07.2011).
37. Переписка с федеральными органами власти и управления по кардинальным вопросам внешних экономических связей области, государственным резервам, управлению, госимуществу области, контролю над соблюдением законодательства // ГАИО. Ф.Р.-3511. Т. 2. Оп. 1. Ед. хр. 263, Л. 30.
38. Переписка с федеральными органами власти и управления республиками, краями, областями Российской Федерации, организациями по лесохозяйственной и лесопромышленной политике в лесном комплексе // ГАИО. Ф.Р.-3511. Т. 2. Оп. 1. Ед. хр. 280, Л. 1–14, 84.
39. Посольство Российской Федерации в Монголии [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: <http://www.mongolia.mid.ru/press.html> (дата обращения 10.09.2012).
40. Правительство Иркутской области планирует развивать торговые отношения с Индией // Ирк.ру. – URL: <http://www.irk.ru/news/20120827/government/> (дата обращения 10.09.2012).
41. Представительство Иркутской области в Монголии начнет работу летом 2011 года [Электронный ресурс] // ИА Байкал Инфо (17.03.2011). – URL: www.pribaikal.ru. (дата обращения 10.09.2011).
42. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы) URL: <http://www.irkutskchina.ru/rus/public/SotrProgramm> (дата обращения 20.06.2011).
43. Туризм. Проект Администрации г. Иркутска [Электронный ресурс]. URL: <http://irktur.com> (дата обращения 01.07.2011).
44. Экономика города Иркутска. Паспорт города Иркутска 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admirkuzsk.ru/?doc=11404> (дата обращения 01.07.2011).
45. Экономика Иркутской области : в 5 т. / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – Т. 5. – 292 с.
46. Экономика Иркутской области : в 6 т. / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 1999–2009.

Учебное издание

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 1992–2012 годы

В 2 томах
Том 1

ISBN 978-5-9624-0700-5
ISBN 978-5-9624-0701-2 (т. 1)

Редактор *Г. А. Борисова*

Темплан 2012 г. Поз. 130
Подписано в печать 24.12.2012 г. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 15,1. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 150 экз. Заказ 156

Издательство ИГУ
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36